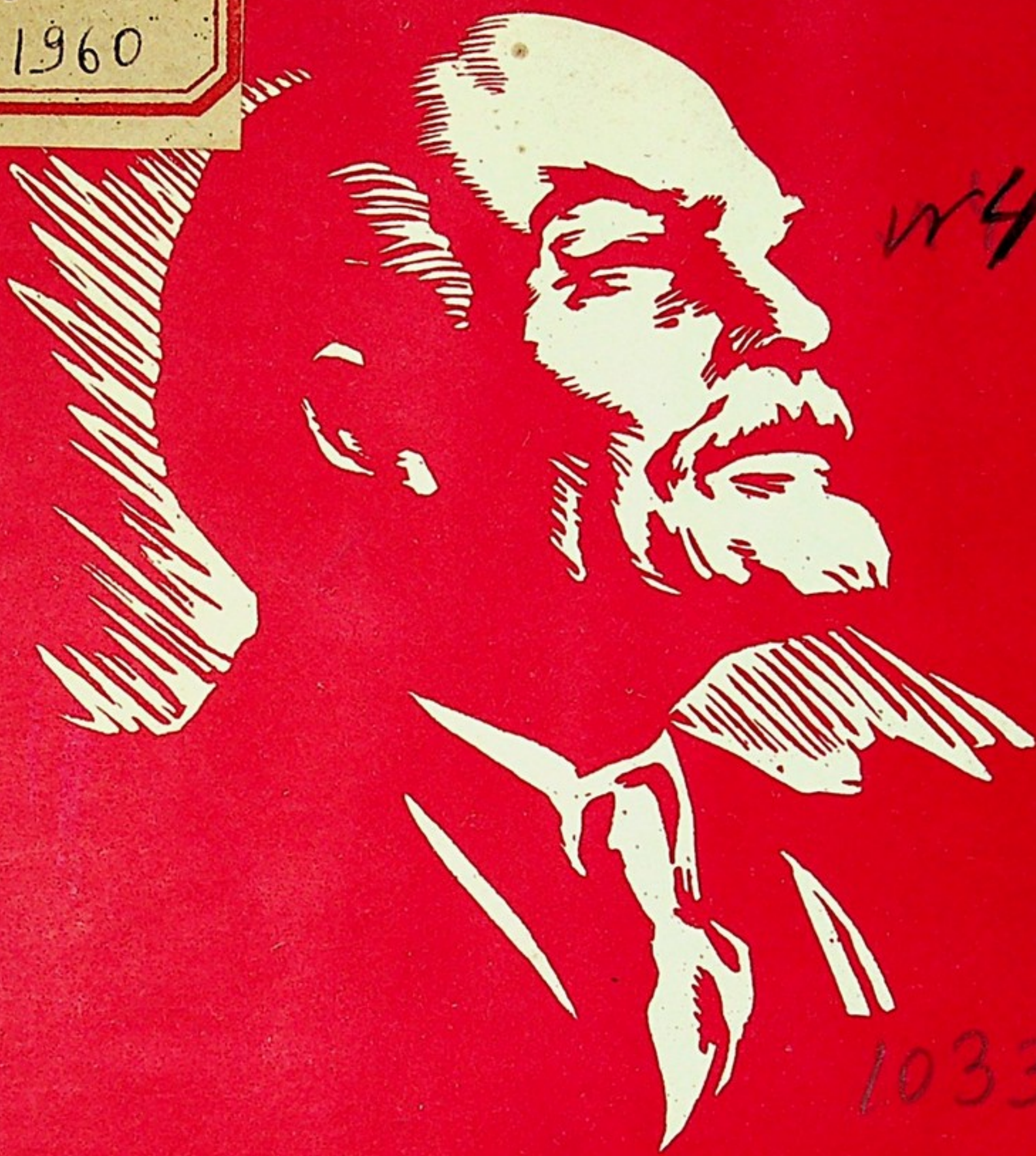

10.335
1960

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ЛИТЕРАТУРНАЯ

Г Р У Ѕ Ц Я

1960

34

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания четвертый

64. 796

СОДЕРЖАНИЕ

Великому Ленину 3

ПОЭТЫ ГРУЗИИ — ЛЕНИНУ

И. АБАШИДЗЕ. Лучи ленинского света; Г. АБАШИДЗЕ. Ленин в Грузии; Ш. АБХАИДЗЕ. Моему поколению; Л. АСАТИАНИ. Книга Ленина; Х. БЕРУЛАВА. Ленину; К. БОБОХИДЗЕ. Ленин в библиотеке имени Карамзина; В. ГАПРИНДАШВИЛИ. Ленину; А. ГОМИАШВИЛИ. Искра; И. ГРИШАШВИЛИ. Ленин; Д. ГУЛИА. Ленин; Н. ГУРЕШИДЗЕ. Будем помнить, любить, изучать Ильича; К. КАЛАДЗЕ. По мирным дорогам Грузии; А. КАЛАНДАДЗЕ. Шапка Ленина; Н. КИЛАСОНИЯ. Ленин; Г. ЛЕОНИДЗЕ. Ленин в Грузии; Р. МАРГИАНИ. Первое слово; М. МАЧАВАРИАНИ. Владимир Ленин; А. МИРЦХУЛАВА. Ленин; Н. МИЦИШВИЛИ. Воспоминание; И. МОСАШВИЛИ. Ленин на броневике; И. НОНЕШВИЛИ. Наш Ленин; А. СУЛАКАРИ. Весна на площади Ленина; Г. ТАБИДЗЕ. Корабль «Даланд»; Т. ТАБИДЗЕ. Петербург; Ч. ЧИЛАДЗЕ. Ленин; С. ЧИКОВАНИ. У памятника Ленину; К. ЧИЧИНАДЗЕ. Ленин в Мавзолее; С. ШАНШАШВИЛИ. Ленин на броневике; Г. ШАТБЕРАШВИЛИ. Ленин в хевсурской сакле; А. ШЕНГЕЛИА. Ленинский комсомол; С. ЭУЛИ. Я видел Ленина; П. ЯШВИЛИ. На смерть Ленина. 5

4

АПРЕЛЬ

1960

См. на обороте.

СЕРГИ ЧИЛАЯ. Стихи поэтов Грузии о Ленине	21
ОНИ ВИДЕЛИ ЛЕНИНА	
ДАВИД КИЛАРДЖИШВИЛИ. Ленин в Таврическом	28
Москва, Кремль, товарищу Ленину	38
МАМИЯ АСАТИАНИ. Портрет Ленина. Рассказ.	44
ЭНВЕР ЮСИФ-ОГЛЫ. Мой грузинский брат.	
Рассказ	51
Т. ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Стихи	57
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. На перевале. Глава	
из романа	58
СЕРГЕЙ САРТАКОВ. Любовь	65
С. СВЕРДЛИН. Имени Ленина. Очерк	95
Ия МЕСХИ. Его величество — рабочий класс!	
Очерк	101

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Ответственный секретарь М. ЗАВЕРИН.

Великому Ленину

Счастливыми людьми, радостно и торжественно празднуем мы, граждане Советской страны, 90-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Пройдут годы и принесут с собой новые свершения. Восторжествует на всей земле коммунизм, еще более изменится лицо нашей планеты, всецело подчиненной власти людей-тружеников, человечество завяжет связи с обитателями новых миров. Пройдут сотни и тысячи, и тысячи тысяч лет, но, подобно тому, как вечно будут вращаться светила и вечно будет существовать материя, так и в сердцах людей вечно будет запечатлен образ Ленина, а имя его всегда будет вдохновлять на великие подвиги.

С Лениным в сердце живем мы все, граждане Советской страны, те, чья жизнь озарена его гением, те, кому дано быть не просто очевидцами, но участниками грандиозных преобразований, предсказанных великим Лениным и предначертанных им.

Огромны наши успехи, небывалы достижения. Эталоном всего справедливого, благородного, мужественного, прекрасного стала наша страна в глазах огромного большинства людей всего мира.

И достигнуть всего этого мы сумели потому, что наша страна, Союз Советских Социалистических Республик, ведомый мудрым кормчим — Коммунистической партией, — это дружная семья, в которой каждый помогает друг другу. Одна из дочерей этой семьи — прекрасная солнечная Грузия, празднуя день рождения Владимира Ильича Ленина, готовится к сорокалетию со дня установления в республике Советской власти. Такой же праздник в апреле отмечает Азербайджан, в ноябре — Армения.

Праздник одной республики — это праздник всех остальных. Ведь дружба, уважение и любовь, их объединяющие, делают сильной, пре-
красной, доброй и мудрой каждую из них — Россию и Украину, Грузию и
Армению, Азербайджан и Белоруссию, Казахстан и Молдавию, Эсто-
нию и Туркмению, Таджикистан и Киргизию, Узбекистан, Латвию и
Литву...

Этой дружной семье — по плечу все задачи, и она решает их, удивляя
мир взлетами своего вдохновения, красотой своего подвига, ясным светом
своей мудрости и миролюбия.

В этом номере нашего журнала мы печатаем лучшие стихи (1917 —
1960 гг.) грузинских поэтов, посвященные великому Ленину, несколько
прозаических произведений, рассказывающих о торжестве ленинских
идей дружбы народов — оплота силы, мощи и независимости нашей Ро-
дины, победоносно идущей к сияющим вершинам коммунизма.

ЛЕНИНУ

† *Ираклий Абашидзе*

Лучи ленинского света

1951

Сегодня, через несколько минут,
Иорская вода придет в Самгори,
Посадку лоз колхозники мачнут,
Рядами встанут саженцы на взгорьи.

Сегодня вмиг иорская волна
Соленые озера обессолит,
Над Сацхениси свет зажжет она
И ночь лучами к бегству приневолит.

Сегодня, через несколько минут,
Сады, как по условному сигналу,
К прохладной влаге радостно прильнут,
Вода Самгори хлынет по каналу.

И, пробудив бесплодные поля,
Чью почву зноем солнце опалило,
Она ворвется, пенясь и бурля,
В распахнутые двери Диди-Лило.

Сегодня, через несколько минут,
Начнется море около Махаты,
Над котловиной молнии сверкнут
И грянут грома гулкие раскаты.

Тяжелых туч затеплится очаг,
Возникнет дождь, прохладен и отраден,
И капли в электрических лучах
Заблещут наподобье виноградин.

Пронизан электрическим огнем,
Самгорский дождь — как добрая примета,
Светиться будут радугою в нем
Лучи живого ленинского света.

Перевод А. Межирова.

✍

Григол Абашидзе

†

Ленин в Грузии

1951

Миг этот в памяти моей нетленен:
С протянутой в грядущее рукой
Возник изваянный из камня Ленин
Над скованной плотиною Курой.

И Ленина увидел я впервые...
Он был могуч, спокоен и велик!
Его глаза сверкали, как живые.
Огонь священный в сердце мне проник.
Лучи Загэса в небе, и в долине.
И в сердце у меня — с тех детских лет.
Тогда я понял то, что знаю ныне:
Свет — это Ленин, Ленин — это свет!
И на любой реке — Риони, Храми, —
Где ток несут стальные провода,
Встает из камня Ленин пред глазами,
Свет олицетворивший навсегда.
Сегодня над пустынею Самгори,
Разрытой и раскопанной, встает
Знакомый облик; над рекой Иори
Он поднял факел и зовет вперед.
Настало утро после ночи длинной...
Ты скоро расцветешь, земля моя!
Здесь вырастет плотина за плотной —
Электростанций дружная семья.
Окончится Самгори полумертвой
Тысячелетний сон и забвенье.
Рукой, как радуга, вперед простертой,
Оденет Ленин светом и ее.
Осыпав звездами поля и горы,
Земле он скажет: «Будь светла! Прозрей!»
И, облик отразив его, Иори
Зажжет над степью тысячи огней...
Так, покоренную могучим током,
Тьму вековую мы сведем на нет,
И здесь я снова в облике высоком
Увижу олицетворенный свет.

Перевод А. Гатова.

†
Шалва Абхаидзе

Моему поколению

1952

Граниты гор —
и те подвластны времени,
А ржавчине подвластна
даже сталь.
Поистине, бессмертна
мудрость Ленина,
Поистине, сильна
его мечта.
Словно крыло орлиное,
измерила
Всю беспредельность жизни
мысль его,
А нам, друзья,
история доверила
Его мечты великой
торжество.

И мы сильны
доверием истории,
И мы живем,
как Ленин жил, —
горя.

Мечта народа — крылья наши гордые,
Распахнутые ветром Октября.

Мысль Ленина
дорогу осветила нам,
Как знамя,
засияла впереди,
Единой волей
все сердца сплотила,
В могучую семью объединив.
И в четком пульсе партии
поныне

Жив Ленин —
стерты времени межи,
И партия решеньями своими
его заветы воплощает в жизнь.

Растут вокруг могучие заводы.
И тучно колосится целина,
Облачена доверием народным,
Его любовью партия сильна.

Перевод Л. Магистровой.

Ладо Асатиани

Книга Ленина

1941

Я прочитал чудесных книг немало,
Я упоенье испытал не раз —
В одних, признаться, сказка увлекала,
В других рисунки радовали глаз.

Иные — чувства нежные будили,
Но перешли к любимой или к друзьям.
А многие под слоем серой пыли
Я сохранил, хоть им не верил сам.

Немало книг на полках полиняло
И в мрак ушло, свою судьбу кляня,
Но эта — самой драгоценной стала
И, словно воздух, нужной для меня.

Целитель древней скорби поколений,
Моих напевов гордость и венец, —
С ее листов ведет беседу Ленин
Со мною, как заботливый отец.

И эта книга, как заря над долом,
Отрада миру и его сынам —
Меня шагать учила с комсомолом
И строить мир, несущий счастье нам.

Когда б не свет зари ее высокой,
Борьба была бы тяжелей для нас.
Мы каждый день читаем эти строки,
Вникаем в эту книгу каждый час.

Немало книг на полках полиняло
И в мрак ушло, свою судьбу кляня,
А эта — самой драгоценной стала
И, вечной став, зовет к борьбе меня!

Перевод Г. Цагарели.

Хута Берулава

✕
Ленину

1951

На камне гробовом от века
Две даты ставились всего:
Одна — рождение человека,
Другая дата — смерть его.

Одной-единственной датой
Венчает время жизнь твою —
Год восемьсот семидесятый
Я прославляю и пою.

Грохочет горным водопадом
Десятилетний череда,
Но встать с твоим рождением рядом
Смерть не посмеет никогда.

Перевод А. Межирова.

Кале Бобохидзе

✕ **Ленин в библиотеке имени Карамзина**

1957

С гурьбою сверстников, бывало,
Спешил сюда он — книгу взять.
Смягчая шаг, шел в угол зала,
Чтоб здесь «Что делать?» дочитать.

Вот отшумели детства годы,
Он книг здесь больше не берет...
Но в светлой памяти народа
Ульянов-юноша живет.

А тот, с кем в книгах он копался
И споры жаркие с кем вел,
Тот где-то в жизни затерялся.
А он в бессмертие вошел.

Летели дни в прямом стремленьи.
Он яркий свет зажег во мгле...
Вернулся в зал Владимир Ленин
В своих томах, что на столе.

В них скрыта мудрая суровость,
И непреклонность, и тепло.
Простое ленинское слово
На штурм царизма нас вело.

С ним весь народ, исполнен веры,
Рассеяв мрак, разрушив гнет,
К грядущей, новой, светлой эре,
Сплоченный партией, идет.

Перевод А. Царева.

Валериан Гаприндашвили

Ленину

1931

Все человечество, томясь судьбой кровавой,
От века жаждало, чтоб дух его возник.
И вот, история, как мудрый формовщик,
Из бронзы создала нам образ величавый.

Жизнь Ленина Октябрь венчал бессмертной славой,
Рабочий победил, низвергнув лжевладык,
Сверкающая мысль острила верный штык,
Веда сограждан в бой, неумолимо правый.

Он, ураганы слов пролив с броневика,
Не город покори, но годы и века;
Он землю взбороздил для возрожденной нивы.

Когда же древний гнет страна стряхнула с плеч,
Он доблестно вручил преемнику свой меч...
Пусть умер наш Ильич — его деянья живы!

Перевод А. Кочеткова.

Александр Гомиашвили

Искра

1952

Он в детстве был ростом совсем невелик,
Имел он характер веселый.
По улицам снежным со стопкою книг
Шагал с ребятами в школу.
Он ласточкой быстрой туда прилетал
Сквозь сумрак симбирской метели.
Упрямые волосы ветер трепал,
Снежинки за ворот летели.
Шутил и смеялся со всей детворой,
Склонялся над книгою низко...
И очень был схож этот мальчик живой
С горящей, сверкающей искрой...

В ту пору Россию двуглавый орел
Терзал в своих лапах кровавых...
Окончена школа. Он смело шагнул
Во тьму, что царила повсюду,
И сердцем своим он до дна всколыхнул
Сердца подневольного люда.
Бесправные души он правдой зажег,
Раздвинул он на небе тучи.
И гнева народного бурный поток
Направил рукою могучей...

И в прошлое канула злая пора,
И солнце взошло над землею!..

И в школы шагает теперь детвора
Счастливой, веселой гурьбою,
Листая страницы, чуть слышно шепча
Над книгой склоняется низко...
И в юных глазенках огонь Ильича
Горит негасимую искрой!

Перевод А. Мартынова.

Иосиф Гришашвили,
народный поэт Грузии

Ленин

1953

Он вечно жив. Лучистым, теплым взглядом
Следит за нами, мудрый и родной.
Он и сейчас стоит со мною рядом
И мне строфу диктует за строфой.

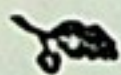
Он на Днепре, на Волге, в Кара-Кумах
И на Куре... Пусть сомкнуты уста, —
Хранимы партией его большие думы,
В делах страны живет его мечта.

Его великий гений над землею
Неугасимым светочем горит,
Так по утрам над гордою Москвою
Струится свет сияющей зари.

Пусть строит козни враг неугомонный, —
Наш путь вперед победно величав.
В борьбе за мир тверда и непреклонна
Моя страна — творенье Ильича.

Как половодье, поднялись народы,
Раскатом грома врезались в эфир
Горящие на знамени свободы
Два слова: «Ленин — Мир».

Перевод Г. Павловской.

Дмитрий Гулиа,
народный поэт Абхазии

Ленин

1956

В эти дни,
как при жизни своей,
Ленин, словно живой,
пришел к нам на съезд,
На двадцатый партийный съезд.

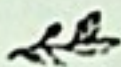
Он пришел к нам
с улыбкой, весеннего солнца теплей,
Отовсюду он виден был
в зале огромном —
И с высокой трибуны,
и с дальних скамей,
Как при жизни своей,
деловитый и скромный.

Он сидел среди волжан и казахов,
Среди жителей гор,
С украинцами, с сибиряками,
С северянами вел разговор.

Он пришел к нам на съезд,
Полный пламенной силы,
Овладевшей умами людей
повсеместно.

Друг миллионов людей,
Человечества гений,
Самый близкий советчик,
Светлый ум поколений,
Бесстрашный борец-человек —
Ленин с нами,
И с нами пребудет вовек!

Перевод В. Державина.

Нодар Гурешидзе

Будем помнить, любить, изучать Ильича

1954

Будем помнить,
Любить,
Изучать
Ильича,
Полководца,
Творца Октября.
В его ясных глазах,
Негасимо горя,
Коммунизма
Пылает заря.

Он водил нас в бой,
Он в походы водил,
Не сгибаясь под грузом невзгод;
Он сквозь ночи и дни,
Сквозь ветра и дожди
Неуклонно к победам ведет.

На века, навсегда
Братство наций скрепил

Ясный ленинский свет,
Он большую дорогу
Планете открыл,
Он ведет нас дорогой побед.

Будем помнить,
Любить,
Изучать
Ильича,
Полководца великой страны.
Он в законах моих,
Он в сверканье меча,
Он в улыбке зеленой весны.

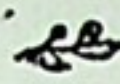
И живет в каждом дне
Всех народов и стран
Ясный ленинский свет.
Этот свет освещает
Борьбы океан,
Освещает дорогу побед.

Будем помнить,
Любить,
Изучать
Ильича.

Каждый день, каждый год,
На века, навсегда
Он зовет и ведет нас вперед!

Перевод Г. Мазурина.

Карло Каладзе

† По мирным дорогам Грузии

1948

Тот, кто горные любит высоты,
Кто влюблен в небосвод голубой,
Кто, встречая ручьи, без заботы
Раскрывает объятия весной;

У кого под ногами, с отрога
Поднимаясь, клубится туман
И сквозь горные цепи дорога
Переброшена, точно аркан, —

Тот под песню мою зашагает,
Не боясь неприступных вершин.
Песня людям сердца окрыляет,
Вдохновляя на подвиг грузин.

Все равно, голубые ли горы,
Изумруды ли вешних полей, —
Лишь бы только сияли просторы
Вечно юной Отчизны моей.

Ты на каждом холме в восхищенье
Остановишь внимательный взгляд —
Весь народ там в труде и движенье,
Только древние крепости спят.

Утомясь от полдневного солнца,
Любишь ты наклоняться к ручью,
Чтоб ладошкой с самого донца
Зачерпнуть ледяную струю.

Погоняя гнедую лошадку
Иль в машине своей за рулем,
Все названия сел по порядку
Вспоминаешь ты ночью и днем.

Ты несешься дорогой крутою,
Выше, выше! И вдруг, как живой,
Мудрый Ленин с простертой рукою
На вершине встает пред тобой.

Впереди в созидательном шуме
Блещут села, бегут огоньки,
И, крутясь под напевы хоруми,
Мчатся волны грузинской реки.

И на мост с высоты пьедестала
Вождь глядит, как внимательный друг.
И напеву речного хорала
Внемлют горы, вставая вокруг.

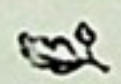
Как мечта, воплощенная нами,
Этот мост всенародной весны
Здесь повис меж прошедшими днями
И великим грядущим страны.

Льется свет из лазоревой выси,
И сады шелестят без конца,
И ликует село Варджаниси,
И ликует людские сердца.

Мчишься ты по высоким подъемам,
Устремленный к труду и борьбе,
Ленин издали жестом знакомым
Открывает дорогу тебе.

И летишь ты с веселою песней, —
Ты ведь знаешь, что наша весна
Этой мудрой рукою чудесной
Для Отчизны твоей создана.

Перевод Н. Заболоцкого.

Анна Калададзе

Шапка Ленина

†
В Москве хранится шапка Ленина, присланная
из Франции

1951

Стою над бесценным подарком,
Раздумьями озарена.
...Береза в уборе ярком
Качается у окна.

Я знаю, любил ее Ленин.
И небо над ней — все в лучах.
И кажется мне в волненье,
Что вижу я Ильича.

Вдруг сделалась комната шире.
Я в зале стою, в тишине.
Вопрос о земле и мире,
О хлебе и о войне

Решается в этом зале.
Сегодня впервые съезд
Увидел Ленина. Встали
Все делегаты с мест.

Приветствия неумолкаемы!
...Я думаю об Ильиче,
И кажется мне, что рука его
Лежит у меня на плече...

Носил эту шапку Ленин
Полвека тому назад.
Мосты на печальной Сене...
Парижских окраин ад...

Сырые дома голодных
(Все видят его глаза!),

И армии безработных,
И дымные небеса.

Носил эту шапку Ленин
Во Франции... А потом
Ее берегли в домишке
С придавленным потолком.

И вот нам ее подарили
Рабочие люди, сыны
Отчизны Руже де Лиля,
Далекой, прекрасной страны.

Над этим бесценным подарком
Стою... А вокруг тишина.
Береза в уборе ярком
Качается у окна.
Любил ее Ленин. Помнит
Улыбку его и она.

Перевод В. Соколова.

+

Нази Киласония

Ленин

1951

За паровозом — сизая дорожка,
Плотина серебрится над рекой.
Кричит ребенок, стоя у окошка:
— Вон дядя Ленин с поднятой рукой!..

В который раз Загэс ты проезжаешь
В сиянии горячего луча,
И каждый раз, как в первый раз, встречаешь
С волнением и улыбкой Ильича.

И, как ребенок, стоя у окна, ты,
Не отрываясь, все глядишь вперед.
Твои дела, и цель, и путь крылатый —
Все это имя Ленина несет.

К победе вел он нас на поле боя,
Из темноты он к свету вывел нас...
И крепость, защищенная тобою
В борьбе жестокой, — Лениным звалась.

И твердо знают люди всей планеты,
Что землю Ленин к солнцу повернул.
Друзья мои, взгляните: прямо к свету
Великий Ленин руку протянул!

Перевод Е. Николаевской.

Георгий Леонидзе,
народный поэт Грузии

Ленин в Грузии

+

1949

Это — сельский учитель, юноша,
И в глазах у него вдохновение.
Книжный шкаф открывает он вечером,
Погружается в размышления.

Книгу Ленина он перелистывает,
Словно с садом цветущим беседуя.
— Вот он — судьбы народа видящий!
Вот он — нас одаривший победою!

Сердце отдал он миллионам сердец.
Наш он! Ближе он всякого близкого,
Но обидно мне: не бывал Ильич
Здесь, в гостях у народа грузинского!

Наши горы Ленин не видывал,
Наши реки, потоки хрустальные...
Очень, очень жаль, что в былые дни
Не бывал он в Гори у Сталина!

Жаль! Не пробовал он хлеба нашего,
Не был встречен он песнями нашими,
И его за столами нашими
Не встречали заздравными чашами.

Сторож Каха учителя слушает.
— Что такое? Не видели Ленина?
Кто ж поверит в нашем селении,
Что не видела Грузия Ленина?

Я-то видел его! Очевидец я!
Здесь мы голос ленинский слушали!
Разве не был он в каждой хижине
В дни, когда мы бывшее рушили?

Знал меня он! Клянусь я Лениным,
Наизусть он знал жизнь батрацкую,
Протянул он мне с алого знамени
Руку друга с улыбкою братскою!

Улыбнулся учитель-юноша.
— Это верные рассуждения!
Каха, Каха, сказал ты правильно!—
И читает он книгу Ленина.

Он читает, как будто не с буквами,
А с цветущим садом беседуя.
— Вот он — судьбы народа видящий!
Вот он — нас одаривший победою!

Перевод Л. Мартынова.

+

Первое слово

1949

Живет со мною по соседству
Мальчишка шустрый за стеной.
В его глазах сияет детство
Безоблачной голубизной.

Он непоседлив — ну и что же? —
Зато сметлив, настойчив, смел,
И зубы белые, как мел,
Оттенены загаром кожи.

Он, словно птичка-невеличка,
Влетает в комнату ко мне,
Когда витает в тишине
Гудков рассветных перекличка.

Малыш, как луч рассветный, ярок,
Ворвался в комнату мою.

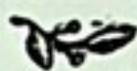
Он получил букварь в подарок, —
И я об этом узнаю.

Страницы медленно листая,
Сидел мальчонка день за днем.
Задор будили буквы в нем,
Как в птицелове птичья стая.

И вскоре, как на ветке птицы,
Пять букв крылатых сели в ряд.
Слагаясь в слово на странице,
Они о многом говорят.

Впервые вывел слово Ленин
Мой друг, мой маленький сосед,
Пять букв — как пять его побед,
Порядок строя неизменен.

Перевод А. Межирова.

Мухран Мачаварьяни

Владимир Ленин

1953

Имя —
маяк в штормовое ненастье,
Имя —
победа в жестоких сраженьях,
Имя —
дорога к весеннему счастью,
Произношу я
ВЛАДИМИР ЛЕНИН!
Вспомни его —
Дождь живительный грянет,
Землю покроют
Зеленые всходы.
Вспомни его —
Путь короче станет,
Расступится темень
и непогода,
И утро придет,
Как весна,
молодое...
Казахов,
киргизов
Видал торжество я.
Я видел,
Да, видел
Канал Волго-Дона
И саженцев поросль

У каждого дома.
Я видел волну,
Что в барханах
плескалась,
В пески Кара-Кумов
Вода пробивалась.
Волго-Дон,
Кара-Кумы,
Оживший Самгори,
Дорогие края,
Дорогая Отчизна
В каждом сердце у нас,
В каждом радостном
взоре
Яркий отблеск зари
коммунизма!
Мы сильны,
Да, сильны мы,
Непобедимы,
Потому что бессмертно
Великое имя,
Потому что наш путь
Освещает, как пламя,
Знамя ленинской партии,
Победное знамя.

Перевод С. Стаценко.

Ленин

1924

Горы горящего черного камня!
Пламя вулкана, багрящего даль!
Что в мире погасит всеильное пламя,
Пока не испепелится печаль?!
Что на свете Ленина в нас погасит,
Слов его

огневой
молодой разлив?

Ленин, чтоб мир был свободен, прекрасен,
Встанет вновь из земли.

Друзья! Пусть слезы будут у нас под запретом,
Разве слезы украшают бойца? —
Слезы б радовали

врагов света,
Как ни тяжела нам
смерть отца!

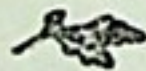
Разве для скорби, для слез, для молений
Нам эта жизнь нужна позарез?
Верьте, вновь средь нас появится Ленин
В облике тысяч бойцов на заре.

Друзья, разве умолк Ленина голос,
Громоподобно зовущий в зарю,
Всех, атакующих рабство и голод,
Всех, строящих лучшую долю свою?!

И если нам придется столкнуться
С врагом, обнажившим войны оскал, —
Схватим оружие, чтоб не промахнуться,
Чтоб несправедливость сразить наповал.

Что же погасит костры нашей цели,
Костры созиданья, цветенья, тепла?!
Мы с Лениным всюду — в самуме, в метели,
Он в наших сердцах и в наших делах.

Перевод Ю. Александрова.

Николо Мицшвили

Воспоминание

1930

Товарищи, волна годов вот этих
Со всех сторон ломала ребра мне,
Кидало прошлое золу в глаза при свете
Моих кумиров, гибнувших в огне.

Не мог былое просто мертвым числить,
Не мог душить я старых песен взмах,
Убить привычное дыханье мысли,
Рвать с кожей вместе ржавчину рубах.

А время ждать меня не собиралось,
Столетия сила в малому строга,

И ту толпу, что посреди топталась,
Отбрасывала к разным берегам.

И видел я: туман уходит в небо.
Да не туман, а вера вся моя,
Народ, отчизна, государство — в небыль,
Мучительных раздумий колея.

И не стыжусь я этого признанья,
Хотя гордиться нечем тут; потом,
Когда вошел в советской жизни зданье,
Оставил отдых, занялся трудом.

В кипенье дня ушло былое паром,
На третий путь надежды только сон,
Борец тот спор борьбой решил недаром,
Рассек до дна судьбу столетья он,

И доказал: другого нет пути,
И человеку лишь одним идти.

Моя дорога с вами пролегала,
Я — человек труда с начала дней,
Не можете сказать — совсем устал он,
Или: он в шкуре ходит не своей.

Я с вами вместе на дороге славной,
И как поэт, как гражданин, клянусь,
Мое среди отважных право:
Стоять, как вы, — на линии огня.

Чтоб землю к солнцу приподнять и чтобы
Изжить насилье, чтобы через мост,
Что Лениным, народом в битвах добыт,
Мы шли дорогами победных гроз.

Перевод Н. Тихонова.

Ило Мосашвили

Ленин на броневике

1941

Ночь, но не тронут ее чернотой
Город великий. На западе снова
Дымы повисли завесой густой.
Зарево забагровело сурово.
Змей у ворот городских
Рыщет в потемках глухих,
Город он стиснул железной подковой.

Бури следы на знаменах видны,
Пристально смотрит на улицы Ленин —
Всюду там свежие раны войны.
Готовит он броневик для сражений;
Став на него, призывает в речах
В бой за октябрьский священный очаг.

Площадь обходит от края до края,
Ночь пробуждает раскатами слов,
Вновь по-родительски благословляя
К ближнему фронту спешащих сынов.

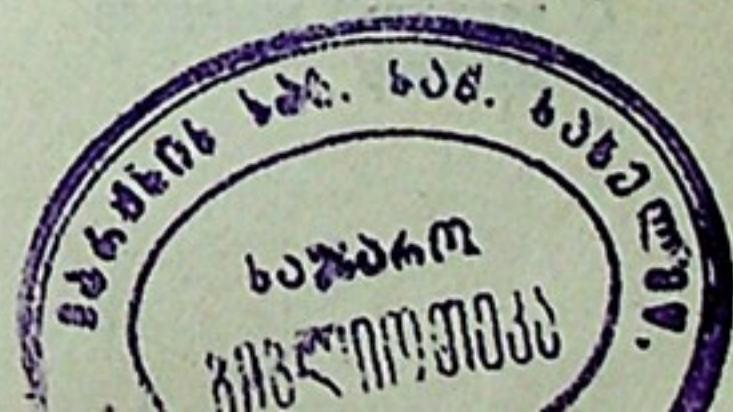
Там их сердца — как бесчисленный строй
Лезвий стальных, и сквозь пламя и дымы
Слушает с жадностью город-герой,
Что говорит ему Ленин любимый.

Слушают, выстроясь, как на смотру,
Несокрушимых сердец батальоны —
И, подымаясь, врагов поутру
Крепость встречает огнем непреклонно.

Зорко дозоры глядят из траншей,
Грозной броней обшиты заставы —
Нет, не коснуться рукам палачей
Города Ленина, города славы!

Перевод Д. Бродского.

64. 796

†
Наш Ленин

1956

Ленин! Лампочками твоими
Город ласково освещен,
И, твое повторяя имя,
Свет грядущего видит он.

Над строительными лесами
Дума Ленина, как крыло,
Юных ленинцев голосами
Утро раннее расцвело.

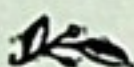
В простоте своей неизменен,
Он вникает во все дела, —
Возникает повсюду Ленин,
И улыбка его светла.

Он в труде неустанном, спором
Появляется впереди.
Образ Ленина — перед взором,
Орден Ленина — на груди.

Ленин словом простым и мудрым
Нам умеет помочь во всем.
По Ваке, в институты, утром
Книги Ленина мы несем.

Он встречает везде знакомых,
И открыты по всей земле,
В академиях и в райкомах,
Книги Ленина на столе.

Перевод А. Межирова.

Арчил Сулакаури

†
Весна на площади Ленина

1955

Именем Ленина площадь зовется,
Ленина знамя над площадью вьется.
Он в этот мир пришел в апреле,
Чтоб свет народам принести,
Чтоб хижин мглу лучи согрели,
Чтоб вечно синеве цвести.

С высокой мыслью
И мечтою

Он радость нес людским сердцам,
Явившись солнечной весною,
Земли апрелем был он сам.

Вот почему апрель встречаю
На этой площади сейчас,
Смотрю, как, ветками качая,
Весна приходит на Кавказ,

Ни слова не хочу я слышать,
Хочу в молчанье, не дыша,
Услышать, как победно дышит
Весна, на площадь к нам спеша.

Именем Ленина площадь зовется,
Ленина знамя над площадью вьется.

Великий памятник сегодня
Ваяет мастера рука.
Чтоб был над площадью он поднят,
Чтоб свет он излучал в века.

И воссоздаст искусный мастер
Вождя орлиный, зоркий взгляд,

Которым он весну и счастье
Увидел много лет назад.

Здесь встанет
Памятник бессмертный,
Чтоб свет веками излучать,
И станут ласковые ветры
Листвой над площадью качать.

Расправив неба синий парус,
В мой милый край плывет весна,
Чтоб почки лопнули, распарясь,
Чтоб пела роща, птиц полна.

Перевод Е. Николаевской
и И. Снеговой.

+

Галактион Табидзе,
народный поэт Грузии

Корабль «Даланд»

1918

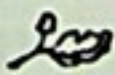
Зной этой ночи нарушил мой сонный регламент.
Розами сад был укутан до самого горла.
Всюду виднелся разрушенных теней орнамент.
Море дремучее пело и камни прибрежные терло.

Медленно плыл я, и «Даланд» стоял над волною,
Словно Нарцисс, очарованный собственной тенью.
Темные лавры томили меня и влекли за собою,
Лунные лилии их стерегли в отдаленье.

Я возвращался на родину новой дорогой.
Поднят с постели, томился и хмурился малость.
Отчая кровля казалась такой бесконечно далекой.
Да и была ли она? Может быть, лишь вспоминалась?

Воспоминаний толпа вслед за мною летела,
Ленин, Москва, Петроград, Кремль...
И в дрожанье и в стуче.
«Даланд» волну рассекал, и Черное море кипело...
Взгляд затуманили первые слезы разлуки.

Перевод Н. Заболоцкого.

†
Тициан Табидзе

Петербург

1917

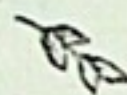
Низвергался с островов неумолимый вихрь.
На город давит он, сметая запах гари.
Бездомным холодно. Скрутила стужа их.
И в темноте, зловещ, блуждает взгляд Эдгара.

Решающ этот бой! Шинельный запах — груб,
Весь воздух пропитал. И с берега заметно,
Как Мойка шевелит матроса синий труп,
И исподлобья вдаль взирает всадник Медный.

В чьих силах укротить могучий этот смерчь?
Течет рабочий пот, и в топях зреет смерть...
Лишь имя Ленина забвенью не предастся.

Замшелый Петербург хаосом черным стерт.
На скользкой мостовой хохочет мокрый черт,
И пала на земь тень летучего голландца.

Перевод Д. Маркиша.

Тамаз Чиладзе

Ленин

1956

Резких выстрелов звук доносился.
Ощетинивалась баррикада.
И, как сердце восстания, бился,
Бился Смольный в груди Петрограда.

Смольный... Залпы звучали все глуше...
Ждали Ленина с жарким волнением.
И спустился по лестнице Ленин
И вошел навсегда в наши души.

Перевод В. Соколова.

Симон Чиковани

У памятника Ленину

1947

Таает утренней дымкой завеса,
И лучи простирает восток
Там, где волны в теснине Загэса
Создают электрический ток.

Мцхет Арагвой обвит и Курою...
Где б я ни был, рассветной порой,

Лишь глаза на мгновение закрою,
Вижу — Ленин стоит над Курой.

Вижу — Ленин стоит над волнами,
Озирая земли торжество.
И листва Зедазени, как знамя,
За плечами шумит у него.

Ленин на броневике

1927

†
Я видел броневик войны гремящий.
О ужасы войны! О мир горящий!

Все то, что сотворили наши руки
Он подминал, творя одни лишь муки.
Я видел в городах кипение борьбы:
Там поднялись на бой восставшие рабы.

И на восставших шло чудовище стальное,
Чтоб жили господа в довольстве и покое.

Бог золота — Маммона, страшный бог,
Поистине в те дни быть счастливым мог...

Но пробудилось наше поколение —
На броневик стальной поднялся Ленин.

Пришел Октябрь! Уходит зло!.. И вот
Внимает слову мудрому народ:

— Вся власть принадлежит теперь Советам—
И вы завоевали право это!
Взметнулось знамя алое в века.
Глядит в грядущее наш вождь с броневика..

Движенье, воля, мысль — все это Ленин.
Маммоне — смерть! Конец его правлению!..

Несется броневик, широк пред ним простор:
Моря и степи, и громады гор.

И Ленин на броне, на пьедестале звонком—
Он согревает нас, дарует свет потомкам.

Перевод Д. Маркиша.

Георгий Шатберашвили

Ленин в хевсурской сакле

1934

Как будто солнце темной ночью встало,
Разлив вокруг неугасимый свет.
Семь юношей в хевсурской сакле старой
Разглядывают ленинский портрет.

И кажется, что в тесной сакле горной
Сам Ленин у светильника сидит

на навсегда входит в грузинскую литературу еще до установления в республике Советской власти. В 1918 году Галактион Табидзе создает свое замечательное стихотворение «Корабль «Даланд», в котором расцвет и обновление Грузии связывает с именем Ленина, с революционным Петроградом, с Кремлем.

Это было тяжелое для Грузии время — время господства меньшевиков. Но имя Ленина передавалось в народе из уст в уста, как символ и залог грядущего освобождения.

Наступил 1921 год, над Грузией гордо реяло красное знамя Советской власти. Трудящиеся приступи-

ли к мирному строительству, к преобразованию в жизнь великих ленинских идей — идей коммунистического строительства. Идеи Ленина, жизнь Ленина, образ Ленина становятся постоянной темой грузинской поэзии. Алио Мирцхулава-Машашвили написал стихотворение «Ленин» в траурные дни 1924 года. Поэт обращался к Ленину, как к человеку, который всегда живет в сердцах трудящихся, помогая им работать и сражаться.

Тогда же написал свое стихотворение «На смерть Ленина» и Паоло Яшвили. Известие о смерти вождя он уподобил жестокому смерчу, пронесшемуся над всей землей:

И о борьбе тяжелой и упорной
Негромко с пастухами говорит.

Зовет вперед он юность и дерзанье,
Чудесный гость
С прищуром мудрых глаз...
Он открывает первое собранье
Архотских комсомольцев в этот час.

Но отчего застыл саркали хмуρο
В дверях, сжимая шашки рукоять?
Глядит он, задыхаясь, как хевсуры
Дерзают сами жизнь свою менять.

К окошку женщины сходитья стали, —
Так необычен поздний этот сбор!
И все краснее злобный взгляд саркали,
И все родней вождя знакомый взор.

— Зачем чужак здесь? Он сулит нам беды, —
Саркали зло кивает на портрет, —
Ведь жили наши прадеды и деды
И без него прекрасно много лет!..

Молчат в окошке горные вершины,
Минута в сакле тянется века,
И комсомолец,
Молодой Апшина,
Опасливо глядит на кулака.

Другие парни тоже побледнели,
Кто смеет спорить с Бердна самим?
Казалось всем, что грозы и метели
Сейчас сорвутся на голову им.

Но, светом наполняя помещенье,
Вселяя смелость в души молодых,
Глядит с портрета на хевсуров Ленин,
И разом робость покидает их.

Семь рук сурово тянутся к кинжалу,
Чтоб защитить улыбку Ильича,
Чтоб у змеи бесстрашно вырвать жало,
Чтоб Ленина спасти от палача.

плачет китайский рыбак, чьи жена и дети голодали и жили на улице, прервали свои песни испанцы, замерев в траурном молчании... Но нет, не умер Ленин, не утих в бессилии Октябрьский ветер — идет подготовка к новым битвам, к новым победам.

Это же убеждение в бессмертии ленинских идей — в стихотворениях Тициана Табидзе. Воспевая ленинское знамя — символ борьбы за освобождение человека, поэт выражает уверенность в том, что коммунисты — люди, в чьих крепких и уверенных руках находится это знамя, пронесут его по пути, указанному Ильичем.

В стихотворениях «Ленин» и «Ленин в Грузии» Георгий Леонидзе пишет: Ленин не умер, живет его имя, могучее и грозное для врага, как ураган. Бессмертное имя — Ленин — поднимает трудящихся на героические дела, вдохновляет их. Кто сказал, что Ленин не бывал в Грузии? Имя его — символ коммунизма — сплывает и ведет трудящихся Грузии и всей Советской страны.

Над плотиной первой в Грузии мощной электростанции воздвигнут монумент Ленина. Этот факт поэт Симон Чиковани воспринимает как проявление благодарности грузинского народа великому вождю. Идеи

И пятится старик... Дрожат колени...
Пред гневом юных отступает враг,
И вместе с молодыми смотрит Ленин,
Как Бердиа бежит в полночный мрак.

И женщины отходят от оконца.
Крестясь и успокоенно шепчась,
И в ночь уходят к саклям,
Ждущим солнца,
И темнота скрывает их тотчас.

Горят глаза у юношей-хевсуров,
Работу продолжает комсомол:
— В наш горный край
Тропою диких туров
Великий Ленин нас спасти пришел!

Перевод И. Снеговой.

Алеко Шенгелиа

ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ

1947

Не улица приморская
В сиреневом цветении,
А юность комсомольская —
Моя пора весенняя.

От первых
школьных парт ее
До строек громыхающих
Мы шли
за нашей Партней,
Как младшие товарищи.
И радости
и трудности
С победами,
с тревогами

Встречали мы.
И в юности
Крутыми шли дорогами.
О молодость
упрямая
И юность
полнокровная,
О комсомол,
семья моя!
И первая
любовь моя!

И нас всегда
весенними
Дорогами бурливыми

Ленина несут свет и освобождение
от вековой тьмы и рабства.

В «Балладе о платке» Иосиф Гришашвили рассказывает: провожая на фронт любимого, девушка дарит ему платок, на котором вышила слова, призывавшие его быть верным ленинским заветам. В неравном бою с врагами отважный боец тяжело ранен, перед смертью он вспоминает о подарке невесты. И слабеющей рукой выводит на нем кровью одно слово — «Ленин».

Из стихотворений Ираклия Абашидзе, посвященных Ленину, особенно примечательны такие, как «Горный орел» и «21 января». Величественен и монументален портрет вождя, воссозданный в первом

из них. В стихотворении «21 января» звучат любовь и признательность трудящихся к своему вождю, для которых 21 января не только день скорби — в этот день еще ярче ощущается сила ленинских идей. Поэтической силой отмечено стихотворение «Лучи ленинского света».

Поэт К. Каладзе в стихотворении «По дорогам Грузии» пишет о Ленине, как об участнике и вдохновителе всех дел советских людей.

Советский народ сражается и трудится со знаменем Ленина в руках. С этим знаменем он покоряет целинные земли, осушает болота, орошает безводные пустыни. Так была возрождена и Самгорская степь. Упомянув об этом знамени-

Вели заветы Ленина —
И стали мы счастливыми.

Знакомый силуэт его
Храним все тридцать весен мы,
Кто говорит,
что нет его, —
Его на сердце носим мы.

По Ленину
сверяем мы
Борьбу,
труды,
дерзания.

И в сердце
нестираемы
Дороги наши
ранние.

По ним,
зарей окрашенным,
Октябрьской бурей
вспененным,
К большому счастью нашему,
Шагаем
вслед за Лениным.

Перевод А. Кронгауза.

Сандро Эули

Я видел Ленина

1922

17 октября 1917 года в Москве, на II Всероссийском съезде политпросветработников Ленин произнес речь.

На этом съезде я видел Ленина.

Я в жизни
Видел Ленина живого
Один лишь раз, но с тех далеких дней
Его улыбка и простое слово
Живут и светят в памяти моей.

И, как живой, Ильич передо мною.
Идет к трибуне, щурится слегка.
Вот поднял руку,
И над всей страной —
Его простертая рука.

тельном факте, поэт Григол Абашидзе воспекает в своем стихотворении мысли и чувства советской молодежи, воспитанной на ленинских идеях беззаветного служения своей социалистической Родине. «Свет для меня соединился с именем Ленина, — пишет поэт, — и сам Ленин стал символом света».

«Ленин на броневике» — стихотворение С. Шаншиашвили, вдохновленное известным историческим фактом — выступлением Ленина на площади перед Финляндским вокзалом. Поэтически описан в стихотворении броневик, ставший импровизированной трибуной, грозный ропот революционного пролетариа-

та, направляемого гением вождя к социалистической революции.

Нет в Грузии поэта, не считающего участие в создании Ленинианы своим неременным и священным долгом. Свою лепту внесли и представители старшего поколения поэтов Грузии — Г. Кучишвили, И. Мосашвили, С. Эули, В. Гаприндашвили, А. Кутатели, А. Абашиели, Д. Гулна, К. Чичинадзе, Г. Качахидзе, К. Бобохидзе, К. Надирадзе, Х. Вардошвили, А. Адамия, Ш. Апхаидзе, В. Габескирия, Гафез, С. Пашалишвили и другие. Любовь и восхищение, признательность человеку, вырвавшему нашу Родину из оков рабства,

С трибуны обращаясь к делегатам,
Он говорит о будущем земли,
И речь его громовым перекатом
В грядущем откликается, вдали.

И в памяти моей вовек нетленен
Тот день далекий, тот счастливый час,
Когда ко мне и к каждому из нас
С трибуны съезда обратился Ленин.

Авторизованный перевод с грузинского.

Паоло Яшвили

† На смерть Ленина

1924

Поэзия в почетном карауле
Неделю в скорби не смыкает глаз.
Тифлис умолк, как кладбище в ауле.
Шестую ночь среди травы предгорий
Ни ветра, ни молвы,
Но все замрет в тот час,
Как Сталин с партией в сборе
На Красной площади Москвы
Предаст земле, даренья недостойной,
Прах Ленина.

В любой борьбе был Либкнехт, мой избранник.
Он был пироксилином начинен,
Когда один на целый легион
С Германией бросался в состязанье.
Но Либкнехта избранником был Ленин,
И он —
Избранник всех племен.

Рыбак-оборвыш где-нибудь в Китае
Семью в проулка угол — и к реке
Рыдать о мертвом, невод свой латая.

В Ирландии горящем далеке
Повстанцы в роще — в оживленном споре

из тьмы и невежества, выражают с большой силой и представители более молодого поколения. Драматическую картину создает в стихотворении «Ленин», написанном в годы Великой Отечественной войны, поэт И. Нонешвили. 1942 год. Черные тучи войны нависли над нашей Отчизной. Завоевания Октябрьской революции под угрозой. Советский народ живет одним стремлением, одной мыслью: выстоять, победить! Бойцы перед тем, как отправиться на фронт, дают клятву у Мавзолея Ленина. Затем поэт рисует картину боевых подвигов советских людей, вставших на защиту Отчизны. Основная мысль стихотворе-

ния — любые трудности выдержит советский народ, потому что его ведет к победе великое и бессмертное Ленинское знамя.

Гимном силе и мощи первого в мире социалистического государства звучит стихотворение Реваза Маргиани, справедливо усматривающего причины непобедимости советского народа в руководстве созданной и выпестованной Лениным Коммунистической партии.

«Книга Ленина» — так назвал свое стихотворение Л. Асатиани. Он говорит о трудах Ленина, как об источнике вдохновения, как о маяке, освещающем наш путь вперед.

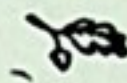
О Ленине. В Испании, и той
Ни бурь, ни пеня, на море застой,
И как на вахте — парусники в море.

Товарищи, Октябрьский вихрь
Притих на миг.
Пройдемте в дверь затишья песнью горя.
Нет, никогда
Так глубоко
И жарко так земля не горевала.

Друзья!
Вы помните ль про страшный Петроград,
В потемках девятнадцатого года,
Рассказ ваш и про питерских ребят
У Ленина, и как в потемках этих
Светился он заботами о детях
И подбирал их, как худых цыплят?

Так пусть сейчас толпою ребятишек
Обступит гроб ватага слов монах.
Товарищи, Октябрьский вихрь
Притих на миг.
Пройдемте песнью горя в дверь затишья.

Авторизованный перевод с грузинского.

Книги Ленина — учебники жизни и труда.

Ленин — наше знамя. Идеи Ленина подняли народ на борьбу с самодержавием, они сплотили в рядах Коммунистической партии все честное, смелое, передовое, говорит А. Гомиашвили в стихотворении «Искра».

А поэт Х. Берулава в стихотворении «Ленину» пишет о том, что дата смерти Ленина — бессильна перед датой его рождения. Ленин — жив, он с нами.

Мысли и чувства, рождаемые именем Ленина, выражены в произведениях поэтов М. Мачавариани, О. Челидзе, А. Сулакаури, А. Шенгелна, И. Тарба, М. Квливидзе,

Ш. Амисулашвили, Т. Джангулашвили, В. Горганели, А. Каландадзе, Н. Киласония, Ш. Порчхидзе, О. Куправа, Н. Гурешидзе, Ш. Ақобиа, Ф. Халваши, А. Гецадзе, М. Геловани, Л. Сулаберидзе, Т. Чиладзе и многих, многих других.

Образ Владимира Ильича Ленина — неисчерпаемый источник творческого вдохновения. Все новые и новые произведения, посвященные его жизни и деятельности, обогащают советскую Лениниану. И каждое произведение об Ильиче — гимн жизни, свету, всепобеждающему коммунизму.

Серги ЧИЛАЯ.

Он видел Ленина

Давид Киларджисвили

Ленин в Таврическом

Воспоминания бывшего красногвардейца

В моих глазах проходит жизнь целого поколения людей, жизнь, богатая неповторимыми событиями, ставшими величайшими вехами в истории человечества.

И нет ничего удивительного в том, что сегодня, уже на склоне лет, я и многие мои современники, вовлеченные в бурный поток этих событий, не можем вспоминать без волнения и трепета эти вихревые дни, потрясшие весь мир.

Тогда мы были молоды, мы только начинали жить... Конечно, непосредственность и неискренность юности не всегда позволяли нам различать то главное и основное, что определяло стремительное развитие революции.

Но мной и моими товарищами владела жажда искреннего и самоотверженного служения революции. Вот почему с первых же дней, больше сердцем, чем умом, мы нашли свое место в разразившейся борьбе и бесповоротно стали на сторону Великой Октябрьской социалистической революции.

Пусть не обвинят меня в нескромности. Я взялся за перо только потому, что считаю своим долгом поделиться этими воспоминаниями, воссоздать те счастливые дни, часы и минуты, когда мне довелось не только видеть, слышать, но и разговаривать с величайшим гением, вождем революции — Владимиром Ильичем Лениным.

* * *

Весна 1917 года в Тифлисе выдалась на редкость ранняя, солнечная, яркая. Она как нельзя лучше соответствовала нашему накалу чувств, задору молодости — ведь мы в стенах гимназий встретили весть о Февральской революции. Далеким от политики, мы с восторгом и энтузиазмом откликнулись на зов «Марсельезы», ставшей тогда гимном революции. Нам было не до учебы. Мы бегали с митинга на митинг, упивались красноречием эсеров, эсдеков и других представителей мелкобуржуазных партий, с программами которых, честно говоря, совершенно не были знакомы.

Нас, гимназистов 8-го класса, выпустили досрочно, в мае 1917 го-

да. Скорее по традиции, чем по желанию, большинство абитуриентов намеревалось определиться в высшие учебные заведения. И вот мы разъехались в университетские города. Я с несколькими земляками направился в Москву, где подал документы в Московский университет. Но учиться не пришлось: Временное правительство объявило призыв студентов в армию, и я в числе других попал в Петроград, в Константиновское военное артиллерийское училище.

Столица в те дни бурлила. Назревали грозные события. Вести о надвигающейся буре, несмотря на строжайшую дисциплину, просачивались и к нам, в училище.

Размежевание классовых сил и партий, происходившее в то время, коснулось и нас, юнкеров. Надо сказать, что после Февральской революции в военные училища получила доступ молодежь из непривилегированных сословий. В казенную атмосферу училища проникали новые, демократические веяния.

* * *

С Кавказа, из Тифлиса, в училище было несколько человек. Грузин было трое — Георгий Лазаришвили (Чорбадзе), бывший студент-технолог Владимир Джикия и я. Конечно, как земляки мы быстро подружились. Особенно сблизился я с Джикия, который числился вместе со мной во 2-й батарее (в казарме мы спали рядом на койках, разделенных только тумбочкой). Он мало-помалу, незаметно, старался заинтересовать меня политикой, часто беседовал со мной о ходе событий, но делал это осторожно и постепенно, ибо, как я узнал впоследствии, Джикия пытался понять, каковы мои воззрения. Увы, он не подозревал тогда, что столкнулся в моем лице с человеком, политические убеждения которого еще не оформились. Но я все же догадывался, что мой друг связан с большевиками.

Если революция готовилась к решительным схваткам, то не дремала и контрреволюция. За стены училища проникали довольно подробные сведения о перемещениях в Петроградском гарнизоне. К нашим офицерам приходили в гости товарищи, доверительно рассказывавшие о каком-то секретном приказе. По городу патрулировали усиленные казачьи разъезды. На улицах фланировали отряды юнкеров. Только Константиновское училище оставалось нейтральным и не выступило на стороне Временного правительства. Я был свидетелем того, как начальник училища генерал Бутыркин категорически отказал делегации офицеров, въехавшей 24 октября на броневике во двор училища, выполнить их требование вывести в боевом порядке весь наличный состав. Ни уговоры, ни угрозы не поколебали решения генерала.¹

Весь этот день мы с Лазаришвили (Чорбадзе)² находились в полном неведении, нас мучила неопределенность положения, а наш политический руководитель Джикия³ отсутствовал. Но дальше ждать было уже нельзя. Рано утром 25 октября, в хмурый, неприветливый день, мы отправились на Петроградскую сторону. Разыскав районный Совет рабочих и солдатских депутатов, мы нашли Джикия и здесь воочию убедились в том, что он играет довольно ответственную роль в надви-

¹ После победы Октябрьской революции Советское правительство оценило этот поступок генерала Бутыркина, оставив его начальником училища, комиссаром которого, к слову, был назначен мой товарищ Джикия, оказавшийся членом партии большевиков с 1912 года (примеч. автора).

² Впоследствии Г. Лазаришвили (Чорбадзе) стал инженером и до недавнего времени я встречался с ним (примеч. автора).

³ Старого большевика В. Джикия, приобщившего меня к революции, нет в живых (примеч. автора).

гающихся событиях. С радостью он узнал о нашем решении примкнуть к большевикам. По его рекомендации нас откомандировали в районный штаб Красной гвардии, где мы получили первое задание, наполнившее гордостью наши сердца. Нам было доверено ускоренным порядком обучать формирувавшиеся рабочие отряды.

Вряд ли поддаются описанию наши переживания в связи с тем, что мы, молодые командиры, получили боевой приказ выступить со своими отрядами к рубежам, намеченным штабом восстания.

К вечеру красногвардейские отряды Петроградской и Выборгской стороны заняли за зданием Главного штаба, против Зимнего дворца, все улицы, прилегавшие к Полицейскому мосту. С нами вместе занимали позиции броневики, зенитная батарея и несколько орудий полевой артиллерии. А дальше по Невскому, примерно в участке Казанского собора, стояли тяжелые орудия. Все это были фронтовые подразделения, вызванные Временным правительством, но перешедшие на сторону революции.

Они защищали подступы к Зимнему, на случай если противник попытается пробиться на выручку к зажатым в кольцо наших войск защитникам Временного правительства.

Нас охватила лихорадка ожидания. Ни промозглый ветер, ни холод, ни начавший моросить мелкий дождь не в состоянии были изменить наших чувств. Мы все, как один, рвались туда, откуда доносилась то усиливающаяся, то утихающая ружейно-пулеметная стрельба.

В ночном небе, время от времени, яркие снопы света наших прожекторов выхватывали полосы свинцовых туч... О, как тяжело бездействие и томительно ожидание! Руки судорожно сжимают оружие, глаза устремлены в ночную темень, кругом стоит суровое безмолвие, не слышно разговоров, шуток. Красногвардейцы серьезны. Изредка вспыхивает огонек папиросы, на мгновенье озаряющий строгое лицо вооруженного рабочего.

На всех, прибывающих оттуда, мы набрасываемся с жадными расспросами, но никто не знает ничего достоверного.

Часов в 11 вечера мы услышали со стороны Петропавловской крепости частую артиллерийскую стрельбу...

Нервное напряжение, достигшее предела, неожиданно разрядилось грохотом колес подъехавшей полевой кухни. Началась раздача каши. Многие рабочие и солдаты торопливо едят. Я и мой товарищ Лазаришвили есть от волнения не можем. Мы только часто курим.

К двум часам ночи к нашим позициям подъехали самокатчики и объявили радостную весть — Зимний дворец взят!!!

Ряды красногвардейцев колыхнулись в буйном порыве радости. Казалось, гигантский вздох разорвал темноту ночи. И тотчас грянуло победное «ура!»

Только тогда я почувствовал усталость и голод.

Но радостное ощущение праздника не покидало меня. Я знал, что этим чувством охвачены все мы, и оно роднит нас, сплачивает в несокрушимую силу, способную снести все преграды.

Социалистическая революция свершилась!!!

* * *

Джикия, отечески опекавший меня и Лазаришвили, через два дня разыскал нас в отряде и послал в Таврический дворец к комиссару Учредительного собрания М. С. Урицкому.

Урицкий приветливо встретил нас и распорядился определить дежурными адъютантами коменданта дворца. В то время охрану Таври-

ческого дворца несли как красногвардейцы, так и матросы из Кронштадта и Гельсингфорса, причем обе команды находились в подчинении коменданта Пригорювского.¹ Начальником матросского отряда был балтиец А. Г. Железняков, представлявший весьма колоритную, сильную и своеобразную личность. Весь его облик выражал необыкновенную волю, решительность и настойчивость. Задорный, любящий крепкое и острое слово, он сочетал в себе качества требовательного начальника и заботливого друга матросов. Имя этого славного балтийского моряка упоминается во многих исторических документах.

Нас, адъютантов коменданта, было пятеро: кубанец Стрижак² — лихой казак, затянутый в черкеску, живой и остроумный украинец Бондаренко³, мои земляки—Дгебуадзе Давид, Лазаришвили Георгий и я.

Мы несли суточное дежурство, возглавляя наряд караулов, охранявших дворец.

* * *

В одно из моих дежурств я смотрел в окно на мокрую от дождя улицу. К подъезду Таврического подъехал автомобиль. Из него вышел невысокий человек в потертом пальто и кепке. Это был Ленин.

Я выбежал в коридор. Владимира Ильича просто и сердечно приветствовал Железняков. Ленин поздоровался с ним за руку и направился к кабинету, из которого прихрамывающей походкой спешил ему навстречу Урицкий.

Эта первая, неожиданная встреча, признаюсь, сначала не удивила меня. Возможно потому, что она была внезапна и я не был подготовлен к ней. Но вернее всего потому, что Ленин был исключительно прост и человечен. И лишь через несколько минут после того, как за Лениным захлопнулась дверь кабинета, я с восторженностью молодости понял и пережил значение этой встречи. Я гордился ею и мысленно повторял много раз: «Я видел самого Ленина!»

В тот приезд Владимир Ильич пробыл в Таврическом недолго. Но впоследствии он часто приезжал сюда, и если нам случалось видеть его, нами каждый раз овладевало праздничное, приподнятое настроение.

* * *

На всю жизнь, во всех подробностях в памяти запечатлелся такой случай.

По коридору Таврического торопливо, о чем-то оживленно разговаривая, шли В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Я и Дгебуадзе, спешившие по какому-то поручению коменданта, шли им навстречу. В широком коридоре было достаточно места. Но мы

¹ В 1918 году Пригорювский вместе с моим земляком Д. Дгебуадзе был послан на помощь восставшим рабочим в Финляндию, где оба погибли, замученные белофиннами-маннергеймовцами (примеч. автора).

² Со Стрижаком мне довелось еще раз встретиться в 20-х годах на Украине, когда я в составе специальных войск принимал участие в борьбе с бандами Махно и Тютюнника. О дальнейшей судьбе Стрижака мне ничего не известно (примеч. автора).

³ Адъютанта Бондаренко вскоре откомандировали от нас, и я потерял его из виду (примеч. автора).

точно приросли к полу и, застыв на месте, во все глаза смотрели на них. Наши вытянувшиеся фигуры не могли не привлечь их внимания.

Сталин повернулся в нашу сторону. Очнувшись, мы стремительно отдали воинское приветствие. Легкая улыбка скользнула по лицу Сталина, мгновенно застряв в густых усах.

— Гамарджобат, амханагебо! — неожиданно произнес он.

Владимир Ильич вскинул голову и, прищурившись, острым взглядом оглядел нас.

— Ваши земляки? — спросил он Сталина. И получив утвердительный ответ, обратился к нам:

— Откуда попали сюда?

Я ответил, что из Константиновского артиллерийского училища, попали сначала в Красную гвардию, а оттуда сюда.

— Молодежь идет к нам, это хорошо! — поощрительно сказав Владимир Ильич и вместе со Сталиным прошел дальше.

Этот разговор, длившийся меньше минуты, до сих пор звучит в моих ушах.

* * *

Осеннюю слякоть сменили снежные метели. Холодный, колючий ветер намел сугробы снега. Мороз был лютый. Таким сумеречным, ошестившимся запомнился мне день открытия Учредительного собрания.

Караулы вокруг и внутри Таврического дворца усилены матросами, прибывшими с крейсера «Аврора» и броненосца «Республика».

Меня с отрядом красногвардейцев направили на Невский проспект для охраны революционного порядка, так как с утра должна была состояться инспирированная кадетами, эсэрами и меньшевиками демонстрация, которой они намеревались придать характер всенародного волеизъявления под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!».

Кроме нашего отряда, группы красногвардейцев, матросов и революционных солдат патрулировали по проспекту и прилегающим к нему улицам. Такая предосторожность оказалась не излишней, так как не исключалась возможность провоцирования беспорядков с целью обвинить большевиков в попытке разгона демонстрации. Поэтому мы особенно бдительно охраняли порядок, не допуская неорганизованного скопления подозрительных лиц.

Наконец показалась демонстрация. Она явно не удалась организаторам. Народные массы саботировали ее. Состоящая преимущественно из чиновников, студентов, хорошо одетых женщин и других лиц, настроенных против Советской власти, демонстрация являла самую жалкую картину.

В голове колонны нелепо выглядел огромный плакат с расплывшимся от снега лозунгом «Вся власть всенародному Учредительному собранию!»

Молчаливо, враждебно провожали эту процессию народ и солдаты, стоявшие на тротуарах. Никто из них не примкнул к демонстрантам.

Несмотря на это, эсэровские дружинники, шедшие с процессией, не оставили своей провокационной затеи и произвели несколько выстрелов в патрульных красногвардейцев и солдат. Однако расчет провокаторов не оправдался. Эсэровские заговорщики были рассеяны и обезврежены.

* * *

По возвращении в Таврический я узнал, что идет заседание большевистской фракции Учредительного собрания.

В кабинете Урицкого собрались народные комиссары.

Из Смольного приехали Ленин и Свердлов.

В большом думском зале шумели депутаты. Назначенное для открытия собрания время уже давно прошло. Но кворума нет и открыть заседание нельзя.

На хорах собрались рабочие, солдаты, матросы. Они тоже шумят, разглядывая собравшихся в зале, обмениваются репликами.

Наконец заседание большевистской фракции закончилось. Депутаты-большевики и члены Советского правительства вошли в зал.

Все дежурные адъютанты, среди них и я, мобилизованы и направлены в зал для охраны порядка.

Мое место — на хорах, и мне все видно как на ладони. Я с любопытством рассматриваю депутатов.

Водворяется относительное спокойствие: депутаты-большевики заняли свои места, члены Советского правительства уселись в ложах.

Председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов прошел на трибуну. И сейчас же мое внимание привлекла перепалка с ним депутатов, разместившихся справа от трибуны. Они требовали, ссылаясь на обычный порядок, чтобы собрание открыл их представитель из числа старейших по возрасту депутатов.

Свердлов невозмутимо продолжал стоять на трибуне, пока шум не стих, а затем по поручению большевистской фракции открыл собрание и предложил депутатам приступить к выборам председателя.

Ленина не было ни в ложах, ни на депутатских местах. Вдруг я увидел его. Оказывается, Владимир Ильич примостился на покрытых ковриком ступеньках за деревянным барьером позади трибуны.

Председателем собрания избирается Чернов. Он поднимается на трибуну и долго ораторствует. Шумные, порой грубовато-шутливые реплики большевистских депутатов часто прерывают его. Он сбивается, повторяется, топчется на одном месте. В зале нарастает гул. Многие смеются открыто.

Смотрю на Ленина — он хохочет вовсю.

После выступления Чернова Свердлов зачитывает «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предлагает Учредительному собранию принять ее. На правых скамьях снова поднялся шум. Кадеты, правые эсеры и меньшевики, весь правый блок отказался обсуждать Декларацию. Тогда депутаты-большевики, во главе с Лениным, покинули заседание.

В притихшем зале председатель большевистской фракции огласил заявление: «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания».

После ухода большевиков в зале поднялся невероятный шум.

Всю ночь шло словопрение. Ораторов уже мало кто слушал. Опустели хоры; на них по долгу службы оставался я, а также наряд красногвардейцев и матросов.

Эсэровско-меньшевистская говорильня продолжалась почти до рассвета. Под утро начальник караула А. Г. Железняков вошел в зал и потребовал прекратить заседание, так как «караул устал». И говорильня закончилась. Депутаты разошлись.

Как известно, на следующий день был обнародован декрет о роспуске Учредительного собрания.

* * *

Через несколько дней, 10 (23) января 1918 года, в Таврическом дворце, в том же зале, где бесславно закончило свое существование Учредительное собрание, открылся III Всероссийский съезд Советов. Теперь я переосмыслил все виденное тогда на съезде глазами молодых адъютантов коменданта Таврического, имевших по своему служебному положению доступ во все помещения, кулуары и уголки дворца. Но и тогда, окинув взглядом массу депутатов, мы хорошо понимали, что здесь действительно представляет великий народ-труженик, народ, «выстрадавший свою революцию» и сбросивший ненавистное ярмо многовекового угнетения.

Этот съезд явился также ярким воплощением пролетарского интернационализма, ибо представлял почти все национальности, входившие в состав бывшей Российской империи.

Среди делегатов мы узнавали посланцев самых отдаленных окраин, в том числе от народностей Кавказа и родного нам Закавказья.

Но самым волнующим примером интернациональной солидарности, несомненно, оказался приезд из Польши, Румынии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Соединенных Штатов Америки и других капиталистических стран представителей рабочего класса, продемонстрировавших свою поддержку социалистической революции в России.

В помещении, где происходила регистрация делегатов, я не раз видел избранников народа, приехавших из самых дальних краев с риском для жизни, в невероятно трудных условиях разрухи и голода, в заснеженный, революционный Петроград. Их запавшие глаза горели надеждой, серые, усталые лица были мужественны.

Начальство гоняло нас, адъютантов, со всякими поручениями, как говорится, до седьмого пота. Но в промежутках мы ухитрились заскочить в зал заседаний и послушать выступления. Ведь мы впервые очутились в самой гуще творческого кипения масс, призванных революцией к новой жизни.

Почетным председателем съезда был избран В. И. Ленин.

Я слышал как М. И. Калинин приветствовал съезд от рабочих Петрограда. Лестно нам было видеть на трибуне нашего друга по службе, командира матросского отряда, охранявшего Таврический, А. Г. Железнякова, приветствовавшего съезд от революционных войск и флота.

Урывками я слушал отчетный доклад Я. М. Свердлова о работе ВЦИКа и обсуждение «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

По делам, связанным с обслуживанием съезда, нам приходилось часто обращаться к секретарю ВЦИКа — обаятельному человеку — большевику Варлааму Аванесову. Этот профессиональный революционер, прошедший большую школу жизни, сумел сохранить, несмотря на тяжелую болезнь, неиссякаемый оптимизм, кипучую энергию и душевную ясность. За дни съезда мы сильно привязались к нему.

Во время обсуждения Декларации я находился в зале с Аванесовым и видел, как тысяча делегатов могучей волной поднялась со своих мест, голосуя за принятие Декларации. Только кучка эсэров и меньшевиков демонстративно оставалась на своих скамьях. Их пове-

дение вызвало общее возмущение. Раздавались гневные выкрики: «Саботажники!», «Корниловцы!», «Предатели!».

Сменяя караул в правом крыле здания, я заметил среди делегатов, куривших в кулуарах, какое-то движение — все бросили окурки и устремились в зал. Я и красногвардейцы, нарушая устав, ринулись за ними.

На трибуне был В. И. Ленин. Он делал доклад о деятельности Совнаркома.

И теперь, спустя более чем 40 лет, я не могу без чувства благоговения (именно благоговения) вспоминать об этом выступлении. Пусть многое, о чем он говорил, я тогда не совсем уяснил себе, но меня, да и всех присутствующих, покорило огромное обаяние этого человека.

Через много лет, читая в журнале «Русский современник» статью А. М. Горького о Владимире Ильиче Ленине, написанную в связи с кончиной вождя революции, я вновь пережил то же волнение, которое испытал, слушая Ленина на трибуне в Таврическом. До глубины души доходили слова писателя:

«Для меня Ленин — герой легенды, человек, который вырвал из груди своей горящее сердце, чтобы огнем его осветить людям путь от позорного хаоса современности, из гнилого, кровавого болота душной, разлагающейся «государственности».

Писать его портрет — трудно; Ленин внешне весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как все, что говорилось им».

Лучше и вернее не скажешь.

В своем докладе съезду Владимир Ильич удивительно просто, но с необыкновенной убежденностью и вместе с тем убедительностью разъяснил преимущества советского строя, сумевшего мобилизовать революционную энергию масс и направить ее прежде всего на борьбу за укрепление власти трудящихся — основного завоевания социалистической революции. Запомнились слова Ленина о международном значении революционного преобразования России и его воздействия на угнетенные народы всего мира.

* * *

По окончании доклада я с трудом вывел красногвардейцев из зала и развел их по постам. Но меня самого неудержимо тянуло обратно. Улучив момент, я снова забежал в зал и послушал несколько выступлений по докладу. Депутаты-большевики давали отповедь эсэрам и меньшевикам. Особенно досталось Мартову, Суханову, Абрамовичу и Авиллову, а также «левым» эсэрам Селиванову и Рывкину.

Когда на следующий день Ленин выступал с заключительным словом, мы опять проникли в зал, хотя это и можно было считать «манкированием служебными обязанностями».

Ленин с исключительным мастерством критиковал своих оппонентов. В простой и доходчивой форме он раскрыл перед съездом всю фальшь и политическое убожество этих лжесоциалистов, своим предательством пытавшихся приостановить ход революции и удержать ее в рамках буржуазного парламентаризма.

Известно, что съезд одобрил политику ВЦИКа и Совнаркома и выразил верховным органам власти полное доверие.

Вечером 13 января мы явились свидетелями еще одного исторического события. Открывшийся в Смольном III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов постановил слиться с III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов.

Восторженно встречали крестьянских делегатов в Таврическом. На объединенном съезде был заслушан доклад о ходе мирных переговоров с Германией.

Запомнился и день 15 января, когда с докладом по национальному вопросу выступил народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин.

Затем в течение нескольких дней обсуждался самый насущный и злободневный вопрос — проект закона о земле.

* * *

В один из дней съезда я дежурил по комендатуре Таврического и находился в комнате-дежурке адъютантов. Вдруг меня срочно вызывают к Урицкому. Бегу. Войдя в кабинет, четко, по-военному докладываю:

— Прибыл по вашему приказанию!

Волнуясь, впопыхах, я сразу не заметил, кто был в комнате. Но, оглядевшись, увидел Ленина. И хотя снова сильно растерялся, приветствовал Ильича, отдав ему честь.

Ленин чуть боком сидел на диване. Его живые глаза смотрели устало, лицо немного осунулось. Он порывисто поднялся и, подойдя ко мне, сказал:

— Я где-то позабыл, а может быть и обронил записную книжку. Она мне крайне необходима. — И с усмешкой, прищурив глаза, продолжил, — а другим вряд ли она пригодится. Записи в ней разберу только я, да и то, пожалуй, не всегда. — И он опять улыбнулся.

Вступивший в разговор Урицкий пояснил мне:

— Владимир Ильич ходил из этой комнаты по коридору только в думский зал. Предупредите красногвардейцев и примитесь за поиски книжки. Поняли?

— Так точно, понял!

Я вышел. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя и разобраться в происшедшем.

Этот случай — потеря записной книжки Ленина и данное мне поручение найти ее — представлялся мне делом огромного государственного значения. Преисполненный юношеской гордости, я бросился бежать к залу. На ходу меня остановил Стрижак.

Нехотя я доложил ему о случившемся. Стрижак пошел со мной в караульное помещение, через связного вызвал всех красногвардейцев и матросов, бывших в наряде, и проинструктировал их, как и где искать книжку, а меня послал в зал.

«Ленин мне поручил найти книжку, и я, только я должен сделать это», — неотступно думал я. Таков уж эгоизм молодости, но согласитесь, эгоизм безобидный, идущий от сокровенного желания с честью выполнить поручение Ленина. Воспоминание об этих чувствах не вызывает во мне стыда. В этом вопросе я снисходительно отношусь к своей юности, ибо понимаю тогдашний порыв, шедший от чистого сердца и высоких помыслов.

Пройдя к трибуне, я принялся за поиски.

В заседании был перерыв. Разговоры, смех, реплики делегатов сливались в общий несмолкающий рокот.

И вдруг у меня замерло сердце — на первой ступеньке лестницы, по которой ораторы поднимаются на трибуну, слева, сливаясь с темной каймой ковровой дорожки, лежит записная книжка. Увидев ее, я ни на секунду не усомнился в том, что эта книжка принадлежит Ленину.

а не кому-то другому. Я хватаю ее и с этим необыкновенным сокровищем в руках стрелой несусь к Урицкому.

Вбегаю в кабинет без предупреждения. Здесь много народу. Но я никого не вижу, кроме Ленина. Не говоря ни слова, протягиваю ему записную книжку и, замерев, жду, что он скажет.

Владимир Ильич, видимо, хорошо понял мое состояние. Взяв книжку, он раскрыл ее и, улыбаясь, сказал:

— Она самая, вот и хорошо. Спасибо! — Потом протянул мне руку. Я осторожно пожал ее и, не помня себя от счастья, стремительно вышел из кабинета.

* * *

Последний раз я близко видел Ленина во время его выступления на заключительном заседании III Всероссийского съезда Советов 18 (31) января.

Еще не утихли рукоплескания после речи Ленина, как Стрижак вытаскил меня и Лазариашвили из зала и приказал проверить посты.

Съезд заканчивался, охране надлежало быть на местах.

Вдруг из зала послышались мощные звуки хорового пения. Они нарастали и ширились.

Мы вбежали обратно в зал и замерли на месте.

Все делегаты и члены правительства стояли и в полный голос, стройно и вдохновенно пели «Интернационал».

Что-то сжало мне горло. Непрошенные слезы проступили на глазах. Оглянувшись, я увидел, что у Стрижака, Лазариашвили и многих других странно блестят глаза...

Это были минуты огромного подъема, несущего человека, как на крыльях; подъема, рожденного чувством неразрывной близости со всеми.

В такие мгновенья счастье осеняет человека, ищущего подвига, готового пожертвовать жизнью ради высокой идеи.

Я не заметил, как присоединился к поющим и в едином ритме со всеми пел:

«Это есть наш последний и решительный бой, —
С Интернационалом воспрянет род людской!»

Москва, Кремль, товарищу Ленину...

«Письма трудящихся к В. И. Ленину»...

У этой книги, подготовленной к печати сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, без малого шестьсот авторов. И удивительно разных! — Московские металлурги и ахалцыхские крестьяне; ткачи суконной фабрики в Клинцах, строители моста дружбы народов на станции Пойли и члены Осетинской революционно-демократической партии «Кермен»; воспитанники детского дома в Сибири, члены ревкома Абхазии и бакинские нефтяники, рыбаки Севера, красноармейцы IX Тифлисского полка Особой Кавказской армии, делегаты I съезда профсоюза металлистов и транспортных рабочих Грузии; Максим Горький и Жена Замощина — ученица III класса красноярской женской гимназии; чрезвычайный комиссар по делам Кавказа Степан Шаумян, председатель Бакинского Совета Анастас Микоян, командир героической имени Ульянова дивизии Василий Киквидзе и не назвавший своей фамилии «внепартийный работник одного из советских учреждений»; артистка московского Малого театра Никулина, пенсионер Красовский из Калуги, легендарный Камо, председатель Центрального Исполнительного Комитета союза китайских рабочих в России Лау Сиуджау — поныне здравствующий сын знаменитого китайского чаевода, положившего начало чайному хозяйству Аджарии...

Да разве можно перечислить всех, кто тянулся к Ильичу умом и сердцем, кто искал его совета, хотел сказать ему о своей любви, о готовности отдать жизнь за дело революции! Как-то, рассказывая об этой сыновней любви народа к Ильичу, А. М. Горький заметил: «Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда».

Все, кому посчастливилось часто видеть Владимира Ильича, работать в его секретариате и Управлении делами Совнаркома, — сестра Мария Ильинична, близкий друг и многолетний сотрудник Вячеслав Алексеевич Карпинский — все дружно свидетельствуют: Ленин глубоко переживал все, о чем писали ему рабочие и крестьяне, радовался каждому полученному письму. «Ведь это же подлинные человеческие документы», — говорил он Карпинскому.

Ильич просил Вячеслава Алексеевича, работавшего в ту пору редактором центральной крестьянской газеты «Беднота», показывать ему наиболее интересные письма, полученные редакцией.

«Более полусотни таких писем о продовольственной разверстке и тяжелом положении крестьян было собрано, изучено и вошло в доклад лично Ленину, — вспоминает Карпинский, — и скоро мне пришлось убедиться, что сводка крестьянских писем не пропала даром. Слушая доклад Ленина на X съезде партии о замене продразверстки продовольственным налогом, я в ряде мест мог чувствовать, что Владимир Ильич пользовался крестьянскими письмами и материалами».

Как-то весной 1922 года Ленин в присутствии Марии Ильиничны читал письмо крестьян Лево-Ламской волости Тамбовской губернии. Оно начиналось так: «Письмо писали все беспартийные, все малограмотные, если не так написано, то простите нас, мы хотя беспартийные, но сердца

наши и дух наш коммунистический, мы поняли, что в данный момент, действительно, власть трудящихся».

Позднее Мария Ильинична вспоминала: «Помню, как просветлело лицо Владимира Ильича, когда он читал письмо крестьян Лео-Ламской волости. Он наказал мне непременно напомнить ему ответить, и действительно ответил».

Ленин не оставлял без внимания и ответа ни одного серьезного письма. И даже во время болезни он не изменил этому правилу, продолжал аккуратно отвечать на письма трудящихся.

В специальном распоряжении Управлению делами Совнаркома от 18 января 1919 года Ленин предписывал обо всех жалобах, поступающих в письменном виде, докладывать ему в течение 24 часов, а об устных — в течение 48 часов.

...Среди авторов этой книги есть крестьянин деревни Алексеево Бельского уезда Смоленской губернии Никитин. Он писал, что группа крестьян-коммунистов желает иметь связь с Ильичем, и просил указать адрес, самый надежный, «так как то, что Вы издаете, к нам не доходит, до бога высоко, а до Вас далеко».

Владимир Ильич тут же написал записку своему секретарю Л. А. Фотиевой:

«Лид. Ал.!

Ответьте ему, (что) я передал адрес для декретов в Бюро ЦК (и пошлите туда), а что писать мне может прямо в Москву, Кремль».

Примерно в те же дни к Ленину обратились служащие, мастеровые и рабочие станции Горкино Северной железной дороги. Они сообщали, что на общем собрании нашли необходимым послать к Ленину своих представителей «для изложения неотложных нужд. О Вашем согласии на прием, и когда именно, просим Вас уведомить». Уже на следующий день Владимир Ильич написал ответ:

«Избранные могут приехать, когда угодно. Постараюсь принять лично, а если не смогу, то через секретаря.

Предсовнаркома

Ленин».

Книга содержит бесхитростные и достоверные свидетельства редкой скромности и человечности Ильича.

Заведующий разгрузочным отделом станции Москва Казанской железной дороги 22 февраля 1920 года спрашивал, куда доставить один вагон продовольствия, прибывший в адрес председателя Совнаркома. Резолюция Ленина: «Халатову. Если можно, прошу для детей» (А. Б. Халатов — председатель комиссии по рабочему снабжению).

К пятой годовщине Октябрьской революции рабочие Стодольской суконной фабрики прислали Владимиру Ильичу «сердечное поздравление и скромный подарок нашей выработки. Мы будем счастливы, если ты, наш учитель и вождь, оденешь костюм, нашими руками сотканный. Носи, Ильич, на здоровье и знай, что мы всегда с тобой».

8-го ноября 1922 года Ленин ответил ткачам:

«Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков присылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим.

Самые лучшие благодарность и приветы и пожелания.

Ваш В. Ульянов (Ленин)».

...Многие страницы этой книги написаны руками наших земляков — уроженцев Грузии и тех, кто боролся за свободу и счастье грузинского народа.

Часть этих писем мы воспроизводим на страницах «Литературной Грузии».

ОТ КИКВИДЗЕ

1 сентября 1918 г., с. Елань, Аткарского уезда,
Саратовской губернии.

МОСКВА, СОВНАРКОМ, ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Глубоко сожалея о прискорбном случае гнусного покушения на Вашу дорогую для русской революции жизнь, я от себя и от имени всей дивизии выражаю Вам самое горячее сочувствие.

Светоч нашей революции должен гореть как можно дольше, и погасить его мы никому не позволим.

Да здравствует товарищ Ленин!

Да здравствует Совет Народных Комиссаров!

Да здравствует Российская Советская Социалистическая Федеративная Республика!

Начдив КИКВИДЗЕ.

ОТ КАМО

(Не позднее 28 мая 1921 г.)

Многоуважаемый и дорогой
Владимир Ильич!

Во время партийной конференции Российской коммунистической партии¹ я сообщил Вам о моем желании побеседовать с Вами о моих новых, сногшибательных планах. Разговор этот может происходить во время Вашей прогулки или отдыха и ничуть не утомит Вас. Может быть, Вы найдете, что мои соображения окажутся очень ценными и осуществление их очень важным для настоящего момента, или же Вы найдете их очень забавными и от души, как Вы умеете, посмеетесь.

Мне бы хотелось, чтобы Вы выслушали меня до начала, или в начале конгресса Коминтерна².

Преданный Вам КАМО.

Пометка В. И. Ленина (большими буквами три строки).

«КАМО.
НАПОМНИТЬ
МНЕ!»

ОТ РАБОЧИХ, ВОССТАНОВИВШИХ ПОЙЛИНСКИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ МОСТ ЧЕРЕЗ р. КУРУ

23 февраля 1921 г.

ст. Пойли, Закавказской ж. д.
ВНЕ ВСЯКОЙ ОЧЕРЕДИ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич, мы, строители Пойлинского моста, пограничного между Грузией и Азербай-

¹ X Всероссийская конференция РКП (б) проходила в Москве с 26 по 28 мая 1921 года (здесь и дальше примечания составителей сборника).

² III конгресс Коминтерна происходил в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г.

джаном, все рабочие, крестьяне, бывшие военнопленные, красноармейские части, бакинские и железнодорожные рабочие, всего в количестве 1.200 человек, по окончании работы, открыв движение поездов по восстановленному мосту, приветствуем вождя международного братства и мировой революции товарища Ленина.

Мы постановили назвать Пойлинский мост, восстановленный грузинскими рабочими руками всего лишь в четыре дня, Ленинским мостом, чтобы этот мост был первым памятником дружной совместной работы грузинских и русских пролетариев и соединил бы обе эти нации так же крепко, как мы соединили оба берега р. Куры.

Дорогой вождь мировой революции, товарищ Ленин, не забывайте, что по мосту грузинский народ стремится к Вам, как к своему освободителю рабочих и крестьян всего мира.

Председатель собрания СЕРЕБРОВСКИЙ.

ОТ РЕВКОМА АБХАЗИИ

10 марта 1921 г.

МОСКВА, ЛЕНИНУ

От имени восставших крестьян и рабочих Абхазии шлем горячий привет вождю международного пролетариата. Трехлетний гнет подлых лакеев буржуазии, грузинских социал-предателей, трудящиеся Абхазии свергли в момент кровавой борьбы. Лакеи получили помощь от своих хозяев. Флот Антанты бомбардировал побережье, предавал огню хижины крестьян. Ответом восставших было обращение к освободительнице трудящихся — Советской Красной Армии, и ныне над всей территорией Абхазии водружено Красное знамя трудящихся.

Да здравствует доблестная Красная Армия!

Да здравствует великая страна рабочих и крестьян — Советская Россия!

Да здравствует III Коминтерн!

Ревком Абхазии — ЛАКОБА.

ОТ I СЪЕЗДА ПРОФСОЮЗА МЕТАЛЛИСТОВ И ТРАНСПОРТНЫХ РАБОЧИХ ГРУЗИИ

20.IX.1921 г.

МОСКВА, ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Объединенный союз металлистов и транспортных рабочих Грузии, собравшись на I свой съезд, приветствует Вас, как вождя мирового пролетариата. Обещаем Вам, товарищ Ленин, что металлисты и транспортники, всегда стоявшие в авангарде рабочего движения Грузии, закаленные в борьбе, энергично приступят к восстановлению народного хозяйства, разрушенного изменниками рабочего класса — меньшевиками.

Мы приступаем к плодотворной созидательной работе, чтобы укрепить советскую власть.

Наш пролетарский привет Вам, товарищ Ленин!

ПРЕЗИДИУМ СЪЕЗДА.

ОТ БОЙЦОВ IX ТИФЛИССКОГО ПОЛКА

31. X. 1922 г.

ДОРОГИМ ТОВАРИЩАМ ЛЕНИНУ И КАЛИНИНУ

Шлем мы вам свой товарищеский привет.

Повседневно подготавливая себя к тому времени, когда враги трудовой рабоче-крестьянской республики попытаются новыми вооруженными натисками сломить наше первое в мире государство без эксплуататоров, мы все свободное время посвящаем посильному труду для уничтожения нашей хозяйственной разрухи. И, как мал труд этот ни был, мы творим с гордостью и сознаем, что составляем частицу рабочего и крестьянского коллектива, медленно, но верно создающего коммунистическое государство.

Мы сознаем, что Красная Армия, количественно сокращающаяся, должна быть качественно повышена, что это обстоятельство требует от нас всех вместе и от каждого в отдельности большой работы над самим собой. Для осуществления этой цели приспособляем все, что имеется в нашем распоряжении: казармы, школы, клубы, библиотеки — все служит для нашей науки.

Мы надеемся, что наши усилия приведут к тому, что каждый из нас, политически и технически развитый, сумеет в нужное время по первому Вашему зову противостоять нашим возможным противникам. Мы пользуемся случаем, чтобы передать Вам, что мы внимательно прислушиваемся к каждому Вашему призыву, подхватываем и осуществляем каждый Ваш лозунг. И здесь, на дальнем юге, на виду у волнующихся народов Востока, высоко мы держим Красное знамя и крепко сжимаем свою в боях пристрелянную винтовку.

БОЙЦЫ IX ПОЛКА ОСОБОЙ КАВКАЗСКОЙ АРМИИ.

ОТ СОВЕТА ПРОФСОЮЗА ГРУЗИИ

7.XI.1922 г.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Открывая в день пятой годовщины Великой Октябрьской революции производственную выставку в городе Тифлисе, многочисленные присутствующие представители профсоюзов, Советов и парторганизаций приветствуют в Вашем лице вождя пролетарской революции. Выставка демонстрирует перед посетителями всю мощь наших профсоюзов. Мы надеемся показать всему миру, на что способен рабочий класс при советской власти, освобожденный от сковывавших его пут капитализма.

Да здравствует советская власть!

Да здравствует вождь революции товарищ Ленин!

СОВПРОФ ГРУЗИИ.

ОТ I ЗАКАВКАЗСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

12.XII.1922 г., г. Баку.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ

Первый закавказский съезд Советов, собравшись в Баку, закрепляя в советских условиях неразрывный союз трудящихся трех братских республик Закавказья, окончательно освободившегося от ига Антанты и ее прислужников — меньшевиков, дашнаков и мусаватистов, искусственно кромсавших единое живое тело Закавказья на три куска, шлет Вам, вождю восставших и восстающих против мирового империализма многомиллионных трудовых масс Запада и Востока, свой братский пламенный южный привет. Установив прочный национальный мир, как залог несокрушимости советской власти в Закавказье, и вступив единой семьей в Союз Советских Социалистических Республик, мы выражаем твердую уверенность в том, что под испытанным и умелым Вашим руководством мы добьемся здесь, в преддверии Востока могучего укрепления советской власти, возрождения нашего единого хозяйства.

Да здравствует революция, несущая освобождение трудящимся массам Запада и Востока!

Да здравствует вождь мировой революции, дорогой Ильич!

ПРЕЗИДИУМ I ЗАКАВКАЗСКОГО СЪЕЗДА.

ОТ РАБОЧИХ ПО ПОДЪЕМУ ПАРОХОДА «БАТУМ»

12.III.23 г.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Мы, рабочие и руководители работ по подъему парохода «Батум», считаем особым счастьем поздравить Вас, любимый вождь, с поднятием первого парохода в Черном и Азовском морях за время существования Советской республики.

Желаем здоровья на благо Российской Советской Республики.

РАБОЧИЕ ПО ПОДЪЕМУ ПАРОХОДА «БАТУМ».

ОТ XI СЪЕЗДА СОВЕТОВ АХАЛЦИХСКОГО УЕЗДА

19 декабря 1923 г.

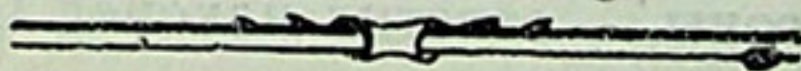
МОСКВА, КРЕМЛЬ, ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Ахалцихский уездный XI съезд Советов шлет свой горячий братский привет Вам, как вождю всемирного пролетариата и задушевному другу рабочих и крестьян. Съезд выражает свое искреннее желание, чтобы Вы окончательно выздоровели и вернулись на свой пост для руководства освобожденными трудящимися.

Да здравствует товарищ Ленин!

Да здравствует власть Советов!

ПРЕЗИДИУМ.

Мамия Асатиани

Портрет Ленина

РАССКАЗ

Перевод с грузинского И. Дадiani

Рис. Д. Нодия

— Ну прыгай же, только смотри, в грязь не угоди!

— Видишь ведь, темно, а они бегают словно угорелые!

Мальчуган с разбегу перемахнул через большую лужу, в которой перемешались мазут и непросохшая грязь. Благополучно преодолев препятствие, он остановился рядом со своим более рослым приятелем. Оба стали напряженно вглядываться в ночную тьму.

— Посмотри, что это там виднеется, неужели, вагоны? — удивленно спросил младший.

Товарищ обернулся и внимательно вгляделся в зыбкие очертания каких-то громоздких предметов, темнеющих вдали.

На путях огромными тенями чернели вагоны. Сколько их — не поймешь. Тускло мерцали сигнальные фонари, и так безжизнен был излучаемый ими свет, что казалось, будто они-то и повинны в этом холоде и мраке неприветливой ночи.

— Ты прав, это вагоны, — ответил наконец Осико (так звали стар-

шого мальчика). — И их никто не караулит; эх, знать бы, что там, в-ну-три, может, поесть что-нибудь найдется!

— Ну да, специально для тебя оставили! Скажешь, тоже!

— Нам сегодня по кусочку мчади выдали, — грустно сказал Осико, и Заза тотчас догадался, что приятель с утра еще ничего не ел.

«Наверное, мать все отдала малышам», — подумал он, а вслух сказал:

— Скажешь, тоже! Ну какое это мчади? Просто — кукурузные отсевки, замешанные на мутной рионской воде. А запах какой у него ужасный. Тьфу! — и он сплюнул с досадой.

— И все же это мчади, — почти с озлоблением повторил Осико. — Я бы и такого съел сейчас...

Говоря о еде, ребята забыли все свои страхи и, уже не таясь, пошли в сторону вокзала.

Внезапно дверь станционного здания отворилась, и на перрон вышел кто-то. У него в руках медленно покачивался фонарь, и мальчишкам казалось, что желтоватые, колеблющиеся блики, отбрасываемые им, похожи на продолговатые кусочки вкусного домашнего мчади. Заза присел на рельсы. Он почувствовал холод металла.

— Ой, мамочка! — еле слышно вырвалось у мальчика.

Товарищ, по-своему истолковав этот возглас, стал успокаивать друга:

— Ну что ты пицишь, словно мышь? Ведь он держит в руках фонарь, и весь на виду. Нас он никак не заметит, а мы в любую минуту сможем запустить в него камнем.

Голос Осико звучал успокоительно.

«Вот он какой отчаянный!» — мелькнуло в голове у Зазы. С трудом сдерживая дрожь, он стал следить за блуждающим огоньком. Неожиданно человек приподнял фонарь; на мгновение осветился кусочек лица — густые усы и борода клинышком. Мальчишки тотчас узнали старшего проводника Ваню Гогиава. Через некоторое время фонарь погас.

— А я и не знал, что он сегодня дежурит, — тихо заметил Осико.

— Мы пропали. Увидит нас и скажет маме — шатались, мол, тут в полночь. А вдруг он нас примет за воришек? — от этих предположений Заза совсем расстроился.

Осико с силой сжал руку товарища — замолчи, мол, — его пальцы, подобно железному обручу, сдавили еще по-детски тонкое запястье Зазы.

Зазу и раньше удивляло, как за какие-нибудь несколько месяцев у его пятнадцатилетнего приятеля внезапно огрубел голос, над верхней губой появился темный пушок, весь он как-то раздался вширь, движения его стали медлительнее, а пальцы налились крепкой молодой силой.

Все это вызывало в Зазе невольное восхищение.

— Потихе ты, голос у тебя гулкий, словно труба, — грубовато обратился он к другу, боясь, как бы тот не привлек своим баском внимание проводника.

На перроне снова замерцал огонек — это дядя Ваню зажег свечу и вставил ее в фонарь. Проводник поднес фонарь к груди, дважды качнул из стороны в сторону. Нет, все это неспроста!

Через некоторое время справа, со стороны Сапичхиа, слышались шаги, и вскоре рядом с дядей Ваню возникли еще три тени.

— Это ты, Ваню? — слышался в темноте чей-то глухой бархатистый голос.

— Я. — пробурчал тот в ответ. — А ты-то кто? Не разгляжу в тем-

ноте.

— Это я, Васо. Что нового?

— А они тоже с тобой пришли? — недоверчиво спросил дядя Ваню, указывая на остальных; потом, успокоившись, принялся рассказывать: — Погнали они заключенных, среди них рабочих много. Были там и из наших краев. Думаю, их в Батуми везут.

— Знаю, — нетерпеливо прервал его Васо. — Что еще?

— Да вот осталось тут два вагона. Что в них — один черт знает — запломбированы. Только что звонили из района, спрашивали про вас. Когда узнали, что вас нет, велели срочно принять паровоз и прицепить к нему эти вагоны.

— Что же в них может быть? — забеспокоился Васо. А кто-то незнакомым голосом добавил:

— Много вас тут осталось на станции?

— Дежурный по станции да я. Начальник, тот в Батуми удрал, остальные бастуют.

— Слышишь, паровоз идет, — вдруг прошептал Осико и приник ухом к холодному рельсу.

Через минуту-две, послышался лязг колес — это паровоз прибыл на станцию. На мгновение огромная тень его заслонила все вокруг.

«Какой он большой, наверное, это какой-то особенный паровоз», — подумал Заза, но не успел он поделиться своими соображениями с приятелем, как человек, которого называли Васо, взволнованно сказал:

— Смотрите, ребята, ведь это бронепоезд! Неужели эти сволочи будут обстреливать город?

Мальчики, затаив дыхание, продолжали прислушиваться к разговору.

— Васо, мы опоздали. Верно, в этих вагонах что-нибудь ценное. Эх, растяпы, — зло произнес один из незнакомцев и двинулся в сторону вагонов.

— Они начнут стрелять, — остановил товарища Васо. И уже тоном приказа обратился к дяде Ваню: — Ступай на станцию. Остальные пойдут со мной.

Три тени нырнули во тьму ночи.

— Бежим к вагонам! — шепнул Осико и, схватив друга за руку, увлек его за собой.

— Вернемся домой, — взмолился Заза.

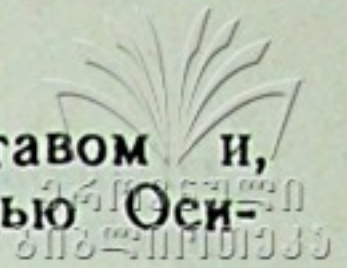
— И думать не смей! — прикрикнул на него Осико. Он старался говорить таким же начальственным тоном, как тот таинственный дядя Васо. — Мы должны знать, что они будут делать. А что если в вагонах хлеб, и они станут его выгружать оттуда?

Тем временем к бронепоезду уже успели прицепить те два вагона. Мальчики видели, как дядя Ваню, не дойдя до станции, спрятался в сторожке в самом конце тупика. Минуты через две тишину прорезала пулеметная очередь, потом вся земля содрогнулась от оружейного выстрела.

Мальчики замерли. Впервые им пришлось быть свидетелями таких событий. Страх и любопытство на время пересилили даже мучительное чувство голода.

Вагоны тронулись.

— Бежим за ними! — вдруг решил Осико и рванулся вперед. Заза застыл в оцепенении. Он видел, как Осико повис на поручнях, потом вскарабкался наверх. Заза даже показалось, что товарищ машет ему

рукой. Мешкать было некогда. Он бросился вдогонку за составом и, уцепившись кое-как за последнюю ступеньку вагона, с помощью ко забрался на площадку.

«Вот и хорошо. Хоть до Риони довезет», — подумал он.

Внезапно в тишине раздался чей-то хриплый голос:

— Полный вперед!

— Есть! — послышался четкий ответ.

— Эй, дежурный! — продолжал все тот же хриплый голос. — Не забудь передать кутаисским большевикам, что приезжал Володя Гогоуадзе! Через две недели я снова буду здесь, и пусть тогда остерегутся, не то худо им придется!

— Заза, ты слышишь, кто это! — вскричал невольно Осико.

А вагоны уже неслись вперед, как одержимые, вздрагивая на стыках.

Заза била дрожь, он отчетливо помнил слова отца:

«Володя Гогоуадзе. Это он свирепствовал в Гурии, расстреливал большевиков, не щадил ни старых, ни малых».

Ребята тесно прижались друг к другу.

Скоро поезд поравнялся с бойней. Вот и дубовая роща. Густые клубы дыма окутывали вершины дубов, и казалось, по листьям стелются тучи угольной пыли. Огни то загорались, то гасли.

— Может, спрыгнем здесь? — робко спросил Заза. Осико, свесившись со ступенек, вглядывался в темноту — можно ли рискнуть? В мигающем свете огней было видно, как со стороны Кутаиси с невероятной быстротой мчались навстречу деревья и кусты. Где-то внизу, скрытый завесой тумана, шумел Риони.

— Сейчас нельзя, — шепнул Осико Зазе. — Будем прыгать возле самой станции Риони. Черта с два он за нами угонится!

— Ох, и влипли же мы! — жалобно вздохнул Заза.

Осико нервно засмеялся:

— К самому дьяволу в лапы попали.

Бронепоезд приближался к станции, не подавая никаких сигналов.

* * *

Второй путь был занят эшелонем. Люди то и дело выбегали из вагонов, чтобы заpastись кипятком. Раздавались громкие, взволнованные голоса.

Как только бронепоезд замедлил ход, мальчишки спрыгнули на землю и, обежав вокруг здания вокзала, подошли к эшелону сзади. Вагоны были набиты битком.

— Это удирают лавочники, — шепнул Осико Зазе.

Издали, со стороны соседней станции донесся гул орудийных раскатов.

Светало. Дул холодный февральский ветер.

Гогоуадзе, сойдя с бронепоезда, направился прямо к машинисту эшелона и о чем-то его спросил.

— Не разрешают, а то я давно уже был бы в Батуми, — обиженно ответил машинист.

Мальчишки хорошо видели, как Гогоуадзе, схватившись за деревянную рукоятку маузера, зашагал к станции. Через несколько минут по перрону пробежал маленький, тщедушный человечек — начальник станции. Багровый от волнения, он что-то бормотал себе под нос и размахивал бумажкой.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, — дрожащим

голосом проговорил он, ни к кому в отдельности не обращаясь, — может произойти несчастье — из Копитнари только что вышел состав.

— Перед кем это ты собираешься отчитываться? — язвительно спросил его Гогуадзе.

— Перед людьми, перед правительством! — осмелев, бросил ему в лицо маленький человечек.

— Ну так знай — всех людей я беру с собой — здесь остаются одни только ослы, вроде тебя, — громко сказал Гогуадзе. — А что до правительства, то я сам и есть для вас правительство! — надменно закончил он.

Начальник станции собирался что-то возразить, но в это время раздались возгласы:

— Большевики, большевики идут!

Мальчики заметили, как вздрогнул Гогуадзе; он быстро обернулся на крик, потом торопливо направился к бронепоезду, крикнув на ходу машинисту:

— Живо, трогай, не то...

Вскоре эшелон уже был за рионским мостом.

Вдруг Осико заметил между рельсами какой-то сверток.

— Пойди, принеси, а я побуду здесь, чтобы нас не застали врасплох, — сказал он Зазе.

Мальчик подлетел к свертку, схватил его обеими руками и тут же нетерпеливо надорвал газету. Он увидел кадку. Осико, по лицу товарища догадавшись об удаче, поспешил к нему.

Именно в эту минуту раздался орудейный выстрел.

Ребята со всех ног бросились к водонапорной башне, которая стояла в конце станции. Осико на бегу выхватил у Зазы драгоценный сверток.

Вот и башня. Мальчики остановились, еле переводя дыхание. Со всем рядом они увидели двух бойцов. Заза с любопытством разглядывал необычные шлемы на их головах. Огромная пятиконечная звезда, вырезанная из алой материи, покрывала почти весь шлем.

Мальчикам не терпелось развернуть сверток — в нем оказалось целых шесть кругов кадки. Они тут же стали уплетать ее с такой жадностью, что бойцы понимающе переглянулись.

— Наголодались, небось, — сказал первый.

— Берите и вы, — предложил Осико.

Заза, видимо, испугавшись, как бы они чего не подумали дурного, сразу же сообщил:

— Мы нашли это между рельсами!

Бойцы рассмеялись.

— Ешьте, ребята, на здоровье! А у нас времени нет, да и не голодны мы, — сказал один из них и уже потише добавил:

— Вся страна голодает из-за каких-то мерзавцев, а сами они удирают за границу.

На перроне показался начальник станции. Внезапно земля содрогнулась как при сильном землетрясении. Потом вдруг повалил густой, черный дым.

— Гогуадзе взорвал мост, — как-то растерянно проговорил начальник станции и вдруг забегал по перрону, громко выкрикивая:

— Мерзавец, бандит, убийца! Разве сможем мы так скоро отстроить мост? Эти выродки думают только о себе, а это ведь достояние всего народа...

Черная, плотная завеса дыма поднималась все выше, окутывая станцию.

Все подошли к мосту.

— За три года даже парома не сумели построить, а такие мосты разрушают, — с горечью сказал боец и обернулся к товарищу: — Нужно сейчас же телеграфировать товарищу Орджоникидзе — мост должен быть срочно восстановлен.

Начальник станции, словно обессиленный, опустился на камень. Он устремил взгляд в сторону Броцеулы, где недавно скрылся бронепоезд. Потом он вздохнул и уставился на плавающие в реке обломки. Мутные волны, вскипая, бились о погружающиеся в воду пролеты моста.

Люди волновались.

— Не время сейчас горевать, мост мы скоро восстановим, давай лучше делом займемся! — громко заговорил один из бойцов.

Начальник станции тяжело перевел взгляд, в глазах его были слезы.

— Скоро ли? — шепотом спросил он. — Трудное это дело, дорогие, очень трудное.

Боец бережно обнял начальника за плечи и твердо сказал:

— Ты, видать, хороший человек. Не стоит так отчаиваться. Все эти гогуадзе — прошлое, а будущее страны — это мы. Поверь, оно в надежных руках. Теперь пойдем, помоги нам — через полчаса мы должны быть в Кутаиси.

...Вскоре паровоз с бойцами вез в Кутаиси и Осико с Зазой.

На станции их встретил Ваню.

— Это ты, Васо! — обрадованно приветствовал он.

Только сейчас поняли мальчики, почему им все время казался таким знакомым глухой бархатистый голос одного из бойцов.

— Да это тот самый, кто говорил давеча с дядей Ваню, — сказал Заза.

Осико промолчал. Он внимательно разглядывал Васо. А Ваню Гогнава не унимался:

— Ну и шапки раздобыли — настоящие богатыри!

— Не огорчайся, дядя Ваню, и у тебя скоро будет такая, — утешали его те. — Скажи нам лучше — нет ли каких новостей? Из ревкома никого не присылали?

— Как же, из ревкома приходили, — доложил дядя Ваню. — Станцию временно поручили мне, а сами ушли в город, чтобы предупредить погромы. Теперь ведь всякая шваль будет стараться замутировать воду.

Тут дядя Ваню случайно заметил мальчиков.

— А вы что здесь потеряли, шелопаи? — прикрикнул он.

— Мы, дядя Ваню, из Риони, нас товарищ Васо привез! — слово «товарищ» Осико произнес с такой легкостью, что Зазе даже завидно стало.

Васо улыбнулся, услышав эти слова. Он быстро свернул к табачной фабрике. Ребята шли следом.

Вот и табачная фабрика — рабочие вывешивают над воротами красное знамя. Кто-то уже вышил на алом полотнище серп и молот. Увидев бойцов, один из рабочих отделился от толпы и подошел к ним.

— Я член рабочего комитета, — сообщил он, заметно волнуясь. — С утра ищу председателя ревкома и никак не могу найти.

— Мы тоже в ревком, товарищ. Пойдем вместе, — предложил ему Васо.

Рабочий охотно согласился.

У здания ревкома собралась большая толпа. Какой-то парень прибивал над дверьми плакат:

«КУТАИССКИЙ ГУБЕРНСКИЙ РЕВКОМ»

Со стороны белого моста послышалось цоканье копыт, и вскоре из-за поворота показалась группа всадников. Впереди ехал знаменосец. Алое полотнище полыхало на ветру. Всадники направились прямо к зданию ревкома.

— Да здравствует рабоче-крестьянская революция! — раздался чей-то возглас.

— Да здравствует Советская Грузия! — грянуло в ответ.

Молодой командир, увидев слонявшегося по двору Осико, поманил его к себе.

— Товарищ, будь другом, присмотри за моим конем.

Осико весь вспыхнул от гордости, и тотчас очутившись рядом с лошадью, взял ее за повод.

Заза проводил друга завистливым взглядом. «Вот счастливчик! И всегда-то ему везет!» — подумал он.

А Осико гордо вышагивал по двору, ведя за собой на поводу лошадь командира.

Толпа перед зданием росла. Вскоре дверь открылась и один за другим стали выходить члены ревкома. Один из бойцов вынес большой портрет в простой деревянной раме. Кто-то стал прилаживать у дверей ревкома высокую стремянку.

— Поди-ка сюда! — подозвал он Зазу. — Живо полезай наверх и повесь этот портрет. Знаешь, кто изображен здесь? Владимир Ильич Ленин!

У Зазы даже дыхание перехватило; кровь прилила к лицу, сердце забилося радостно и тревожно.

«Ленин! Вот он, оказывается, какой!»

Умные, добрые глаза глядели на мальчика из-под высокого лба.

Заза бережно взялся за деревянную раму, прижал портрет к груди.

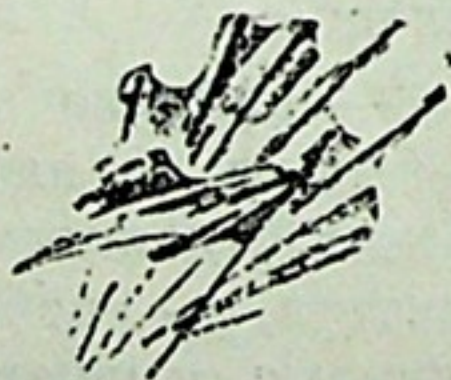
— Рядом со знаменем повесь! — объяснил снизу Васо.

Заза мигом очутился на самом верху, прикрепил портрет и обернулся.

Раздались радостные возгласы и рукоплескания.

— Да здравствует великий Ленин! Да здравствуют трудящиеся Советской Грузии! — крикнул председатель ревкома. Громкое «ура» прокатилось по толпе.

Взволнованный, счастливый стоял Заза над этим морем людей, и мальчику казалось, ему тепло и ласково улыбается Ленин.

Энвер Юсиф-оглы

Мой грузинский брат

РАССКАЗ

Авторизованный перевод с азербайджанского

Рис. Э. Мосева

Необыкновенная, чудесная река Алазани! Буйно и непокорно несет она свои быстрые воды меж крутых обрывистых берегов. Можно пройти от верховьев, расположенных высоко в горах, до самого устья, но нигде не увидеть спокойного и ровного течения. Мощными ударами рассекает она скалы, пробивается на равнину, и там успокаивается, извиваясь среди полевых культур. Но встретив на пути преграду, река грудью набрасывается на нее. Натолкнувшись на суровую непреклонность камня, бурлит и грохочет Алазани. Однако пройдите еще несколько километров, и она снова тонкой серебристой струйкой течет по самому дну скалистых ущелий или упругим поясом обвивает зеленящие леса.

Особенно неумемна Алазани в пору, когда тают снега в горах, где она берет начало. Тогда река выходит из берегов, затопляет поля и луга, сметает все на пути.

Река течет, бросаясь из стороны в сторону, выскивая себе путь. И послушно вьется по ее берегу узкая, каменистая дорога.

Вечерело, когда на этой дороге показались два всадника. Заходящее солнце низко висело над горой. Слепящие блики бегали по поверхности реки. Мелкие быстрые волны

мчались вдогонку одна за другой, словно одетые в золотистые чохи юноши, танцующие какой-то неведомый танец. Сизые облака колыхались, как фата невесты, и то легкой тенью набегали на солнце, то проносились дальше, пронзенные острыми пиками солнечных лучей.

Однако, судя по всему, всадникам было не до красот природы. Впереди на статном гнеде коне ехал мужчина средних лет. Серая папаха, надвинутая на лоб, почти скрывала его лицо с черными, закрученными кверху усами. Он что-то оживленно говорил своему спутнику.

— Я и подумать не мог, что мне когда-нибудь придется по такому делу ехать к Хамза-киши, — горячился он.

Второй всадник выглядел гораздо старше. Белые, как снег, волосы, выбивавшиеся из-под кахетинской черной войлочной шапочки, и поблекшие глаза свидетельствовали, что ему уже за шестьдесят, хотя держался он молодецки, прямо, с достоинством восседая на лошади, и в глазах его время от времени загорался горячий молодой огонек.

— Эх, ты! — сердито воскликнул он в ответ на слова своего спутника. — Еще до места не доехали, а ты уже на попятный.

Он рванул повод, хлестнул свою пегую кобылку, но другой всадник конем загородил ему дорогу, проговорив с горечью:

— Эх, были бы живы Симон и Салим...

— Ты говоришь, Арчил, что Симон и Салим не противились бы этому делу?

— Конечно, — горячо воскликнул Арчил и сдвинул папаху на затылок. — Они жили, как братья, и голову сложили в одном бою, кровью побратались. А ты... Разве имеет значение, что Этери родилась на этом берегу Алазани, а Салам — на том?! Да Симон сам свою дочь повез бы к Саламу, в Габагчол. Таковую бы свадьбу справили! Чонгуристов из Лагодехи позвали бы, дудукистов из Цнори привезли, столы в саду бы накрыли. А ты... — снова повторил Арчил.

— Что — я! — вспыхнул старик. — Ты думаешь, раз мы тебя председателем колхоза выбрали, так ты уж можешь все, что хочешь, болтать?! Молод ты еще замечания делать. Ты, верно, думаешь: «Постарел Эристо! Эристо — отсталый! Эристо — несознательный! Эристо — такой, Эристо — сякой!». Ты под стол пешком ходил, когда мы за революцию сражаться шли, советскую власть утверждали. Вместе — с этого берега крестьяне и с того...

Старый Эристо замолчал, погладил по шее лошадь, напуганную его криком, и продолжал уже совсем тихо, задумчиво:

— Ты думаешь, почему я против свадьбы Этери с Саламом? Не потому, что Салам из Габагчола, нет... Я Этери как родную люблю. Ты знаешь — когда погиб Симон, я его дочь к себе взял, вырастил, выхаживал. Хочу ее за внука своего Шалву замуж выдать. Потому я и решил: поедем мы с тобой в Габагчол, сами все уладим.

— Эх, Эристо, сам скажи: сколько лет ты прожил на свете, а разве слышал когда-нибудь, чтобы сердце можно было приневолить?

Старый колхозник сам знал, что большая правда заключена в словах Арчила. Но что он мог сказать? Эристо сердито молчал, погоняя свою неторопливую пегую кобылку. Арчил так же молча следовал за ним.

В полной тишине, царившей во круг, раздавался только неустанный шум Алазани.

Каждый из всадников думал о своем. Арчил с радостью согласился ехать в Габагчол — там он встретит Хамзу, своего друга. Пятнадцать лет уже скоро, как кончилась война. Но дружба между фронтовыми друзьями не остыла. Можно ли забыть того, с кем побратался под пулями, с кем ел из одного котелка! Сколько раз им приходилось спать в холодном, сыром окопе, тесно прижавшись друг к другу, согревая соседа теплом своего тела, своим дыханием. Они и раньше знали друг друга. Мальчишки из соседних деревень вместе купались в быстрых водах Алазани.

Соседи ездили к соседям на празднества, лихо плясали на свадьбах, скакали наперегонки на неоседланных конях. И в работе всегда готовы были прийти на помощь. Но все же больше всего Арчила и Хамзу сдружил фронт. А какими друзьями были Симон и Салим! В один день сложили головы побратимы...

Мысли Арчила вновь вернулись к неприятному поручению, с которым ему приходилось ехать в Габагчол. Конечно, Хамза большой его друг. И слово Хамзы в его деревне большой вес имеет. В один год их председателями колхозов избрали, его — в Дзмоба, а Хамзу — в Габагчоле. Но у него, Арчила, язык не повернется сказать другу о таком деле. Пусть этот взбалмошный старик сам делает, что хочет...

Эристо ехал в угрюмом молчании. Безмолвно, даже не глядя друг на друга, перебрались они на азербайджанский берег Алазани. Дорога уже отошла от реки и по свежеспаханному полю напрямик пове-

ла к Габагчолу. Показалось знакомое гостям двухэтажное здание правления с балконом, выкрашенным синей краской.

Арчил невольно отвлекся от своих мыслей, заметив что-то новое. Там, где кончалось колхозное поле, выстроилась стройная шеренга молодых деревьев, сбегавшая по крутому обрыву до самого берега реки. Вначале Арчилу показалось, что это просто ветрозащитная полоса, но, приглядевшись, он узнал деревца туты.

«Молодец, Хамза, — подумал Арчил. — В конце прошлого года взял обязательство развести шелкопряд и уже начал выполнять его. Хорошо, что я везу для него грону, — пусть видит Хамза, что не он один умеет держать слово».

Конь Арчила внезапно вздрогнул и осел на задние ноги. Перед ним, загораживая всю ширину дороги, стояла пегая кобыла Эристо. Старик туго натянул поводья, резко остановил лошадь и что-то сердито бормотал вполголоса.

«Старый упрямец, — с усмешкой подумал Арчил. — Считает себя оскорбленным и ни за что не заговорит первым!» Он решил нарушить молчание.

— Что случилось, Эристо?

— Скажи Хамзе, чтобы он не очень заносился со своими тутовыми деревьями.

— Это еще почему?

— Алазани, — коротко буркнул старик и пустил кобылу. Арчилу пришлось догонять его.

— Объясни, что ты хотел сказать.

— Видишь, как изгибается здесь Алазани?

— Вижу.

Старик долго оглядывал излучину реки, потом для чего-то обернулся и так же внимательно стал изучать ее течение. Наконец, прервал томительное молчание:

— В этом году высокий паводок будет, Алазани затопит все кругом, прорвется напрямик, и деревья габагчольцев окажутся на нашем берегу.

У Арчила отлегло от сердца:

— Что ж, вода деревьев не вырвет. Мы соберем тутовые листья и отвезем габагчольцам!

Эристо тронул лошадь. Долго еще слышал Арчил его бормотанье:

— Не бывало такого от веку. Наши деды и отцы по-другому делали. И нам завещали... С нашего берега добро у нас должно остаться...

— Хватит ворчать, Эристо, — рассмеялся Арчил. — Я ведь знаю, говоришь ты одно, а сердцем другое чувствуешь!

Резко повернулся Эристо в седле, в самую душу Арчила глянули его грустные, задумчивые глаза.

— Нет, сынок! Видать, и впрямь старого быка зарезать легче, чем переучивать. А вы, молодежь, все по-новому сделать норовите...

* * *

Председатель Габагчольского колхоза Хамза из окна правления увидел гостей с того берега Алазани. Радостно бросился он навстречу, почтительно помог Эристо сойти с лошади, по обычаю поцеловал его в плечо и только потом обернулся к Арчилу. Старые друзья накрепко стиснули друг друга в объятиях.

— А ты все не стареешь, Хамза! — произнес Арчил, но думал он другое: «Прожитые годы не проходят бесследно. Вот и Хамза, «стальной» Хамза, как прозвали его на фронте, сдавать начал. Похудело, потемнело под жарким солнцем его лицо, ссутулились широкие плечи, черные, как воронье крыло, волосы оттеняют побелевшие виски...»

— Гамарджоба, Арчил!

— Салам, Хамза!

Вот и встретились друзья-побратимы. Не было конца воспоминаниям и вопросам. Арчил и Хамза, увлекшись беседой, не замечали никого кругом. Тесным кольцом обступили их колхозники. А старый Эристо все бормотал что-то про себя, и непонятно было, продолжает

ли он незаконченный спор с Арчилом, или выскивает среди габагчольцев того, кто собирался похитить его Этери.

— В этом году Алазани сильно разольется! — внезапно громко вырвалось у Эристо, и все вдруг смолкли, словно им сразу передалось волнение, с каким были произнесены эти слова.

— Да, Хамза, — подтвердил Арчил, — в этом году паводок может отрезать от вас тутовые посадки. Где тогда найдете корм для шелкопряда, — я ведь вам грону привез?

Негромко, медленно, с достоинством поглаживая длинную бороду, заговорил старик, которого все почтительно называли Мурсал-киши¹:

— Хамза, сынок, помнишь — и я тебе то же говорил. Вот и уважаемый Эристо подтверждает: не следовало деревья над самой рекой сажать. Ты заладил тогда: «Корни деревьев укрепят почву, прекратятся оползни!..» А теперь что делать будешь: подыметесь вода и отрежет наши деревья, весь урожай унесет!

Вскинулся, всполошился народ. Зашумели вокруг, заволновались, трудно было разобрать, кто что говорил. Особенно горячился молодой парень с густой копной вьющихся непокорных волос, то и дело падавших ему на глаза:

— Как то-есть «наш урожай унесет»? Не к чужим ведь унесет, на том берегу наши братья живут! Мы лодками весь урожай листьев оттуда перевезем, не дадим грене погибнуть!

— Ты молод, Салам, сынок, горяч, — вновь вступил в спор Мурсал-киши. — Что говоришь — сам не знаешь. Видел ли ты когда-нибудь, чтобы Алазани весной переплывали, даже в лодке! — проговорив это, старый азербайджанец взял под руку Эристо и вывел его из толпы, словно решительно заявляя: «Что с ними, молокососами,

говорить. Только мы поймем друг друга». И старики удалились.

Арчил с любовью смотрел на юношу. Как знакомы ему этот быстрый взгляд огневых глаз и непокорная прядь, спадающая на лоб, и статная, ладная фигура! Салам — сын Салима, его старого друга, погибшего пятнадцать лет тому назад, такой же горячий, такой же смелый и отважный.

* * *

Мурсал-киши был очень доволен, что его дом посетил такой уважаемый и почетный гость, как Эристо из Дзмобы. С ним и «о деле» поговорить можно, и недоброе старое время вспомнить. Старики сидели, скрестив ноги, на широкой низкой тахте. Перед ними стояла большая сковорода с яичницей, зелень, тарелка с жирным пловом. Тут же рядом лежал небольшой бурдюк с отменным вином — его привез Эристо из Дзмобы, которая славится своими виноградниками.

Неторопливо, степенно течет беседа двух стариков.

— Помнишь, Мурсал, — ты был тогда еще совсем юношей, — разлилась Алазани и отрезала наши сады от деревни?..

— Да, Эристо, было, было... Вода стояла высокая, вам никак до садов не добраться, а нам — рукой подать!

— Вы и попользовались тогда — все плоды с деревьев обобрали.

— Грех тебе так говорить, сосед, — возмущается Мурсал-киши. — Это наш помещик приказал собрать ваши фрукты и потом отвез их в Нуху, на базар.

— Да и наш князь в долгу не оставался, — вздыхает Эристо. — Помнишь, перед той войной ваши лозы выкопал и в свой виноградник пересадил?..

— Я и говорил Саламу: нельзя туту над рекой сажать...

Эристо насторожился: кажется, пришло время поговорить о Саламе и Этери. Но он не успел сказать ни слова. Отворилась дверь, и в

¹ Киши (азерб.) — дядя.

комнату вошла статная, румяная, кровь с молоком, девушка.

— Моя дочь! — представил ее Мурсал, с гордостью оглядывая девушку с ног до головы. — Ты чего так вырядилась, Сехер, собралась куда-нибудь?

Девушка, покраснев, начала объяснять:

— Из Дзмоби гости приехали. И Этери там, и Цицино, и Шалва... В клубе танцы. Я и хотела...

— Иди, дочка, иди, — разрешил Мурсал.

«Наши приехали? — думал Эристо. — Молодежь, пусть повеселятся. А мой Шалва молодец — ни на минуту Этери с глаз не отпускает...»

И снова потекла ровно и неторопливо беседа стариков, воспоминания смешались с сегодняшним днем, старое — с новым. За окном загорелись низкие, по-южному крупные звезды. А потом сразу, неожиданно зажглись лампочки. Стало светлее.

* * *

Веселье молодежи, не уместившись в стенах клуба, выплеснулось на сельскую площадь. Звезды внимательно и завистливо смотрели с неба на Габагчол. Снежные вершины высоких Кавказских гор белели вдалеке. Пряный, пьянящий аромат цветущих яблонь и пшати стоял над селом. Природа застыла в безмолвном восхищении.

Только на небольшой площади перед клубом веселье било ключом. Азербайджанские и грузинские песни следовали одна за другой, быструю дробь кубинской лезгинки сменяла плавная мелодия картули.

Дочка Мурсала-киши горделиво плыла перед стройным и статным Шалвой, раскинувшим руки, словно парящий орел. Тесный круг обступил танцующих, все хлопало в такт знакомой и любимой мелодии.

— Шалва, бичо, покажи, как умеют плясать у нас в Дзмоба.

— А ну, габагчольцы, не уступайте гостям!

Возгласами и веселыми шуточками подбадривали собравшиеся своих односельчан. Внезапно толпа раздалась и в круг влетел Салам. Он взмахнул руками, встал на носки и, гордо оглядываясь, вступил в пляску, «отбив» девушку у Шалвы. Чаше стали хлопки, быстрее

мелодия. Вот уже не выдержала быстрой пляски, устала девушка, и ее сменила Этери. Длинные черные косы разлетались по сторонам, девушка то убегала от парня, то снова приближалась к нему.

— Ты хорошо танцуешь, — тихо бросила она Саламу.

— И ты от меня не отстаешь, — ответил он.

— Кто это сейчас был в кругу до меня? — спросила девушка. — Какая красавица, и как танцует!

— Это Сехер. Я ее очень люблю.

Этери всплеснула руками в такт музыке и, быстро-быстро перебирая ногами, отошла к противоположной стороне круга. Но Салам не отставал, он преследовал девушку, подходил к ней то с одной, то с другой стороны. Наконец, улучил мгновение и сказал:

— Глупая! Сехер — моя названная сестра. Только тебя, тебя одну люблю я на всю жизнь...

Резко, неожиданно оборвалась музыка. Салам поклонился, поблагодарил девушку за танец. Этери тяжело дышала, щеки ее покраснелись, и не понять было отчего — от огневой пляски или от только что услышанных слов.

Она подбежала к тому месту, где стояли Арчил и Хамза.

— Молодец, Этери, — похвалил ее Арчил. — Пусть все видят, какие девушки у нас, в Дзмба, выросли!

— Молодец! — повторил и Хамза. — За такую пляску ничего отдать не жалко.

Этери рассмеялась:

— Дядя Хамза, ловлю вас на слове. У меня просьба. Дайте мне, пожалуйста, фотокарточку, где сняты мой отец с отцом Салама. Я видела, она висит у вас на стене.

Хамза понял, что просьба Этери очень важна для нее.

— Эта карточка дорога мне, — сказал он. — Но для тебя она должна быть еще дороже. Я дам ее тебе, дочка.

Где-то, на другом конце площади, возникла песня. Этери узнала — ее затянул Шалва. Потом к нему присоединились другие голоса, песня крепла, росла, ширилась. Над ночным Габагчолом, над Алазанской долиной неслась протяжная задумчивая мелодия.

Чья она, девушка милая, чья?

С края какого, с какого села?..

Затихло ночное село. Давно уже

спят старики, угомонилась молодежь. Гости разошлись по домам гостеприимных хозяев. Только южные звезды мерцают над Габагчолом. И о чем-то загадочным шепотом переговариваются тутовые деревья. Шуршат, шуршат молодые листья. И хоть совсем недавно встала над Алазанью эта стройная зеленая аллея, но уже ходят сюда, за околицу, габагчольские влюбленные. Молча смотрят они на звезды и слушают неумолчный шепот листьев: «Шелк-шелк, шелк-шелк!»

* * *

Грозно ревет Алазани, бьется о берег, грызет камни, заваливает ими дороги и дамбы. Поднялась вода. Вздувшийся поток связал напрямик две крайние точки речной излучины. И посадки тутовых деревьев оказались отрезанными от Габагчола. Не переставая льют щедрые весенние ливни. Высоко в горах тает снег, и быстрые потоки сбегают в долину, соединяются, сливаются, крепнут и добавляют свои воды к бурлящим, непокорным алазанским волнам.

— Эх, пропала наша шелковица, — вздыхает Мурсал-киши. — Говорил я Хамзе, но он заладил одно: корни деревьев укрепят берега!.. Разве теперь слушают стариков?!

Молча стоят габагчольцы на склоне горы над Алазани. Молча смотрят они на размытую дорогу и утонувшие по самые кроны тутовые деревья. Стоит Хамза-председатель — дважды пытался он доплыть на лодке до того берега, но оба раза волны отбрасывали лодку назад. Стоит, низко опустив глаза, мрачный Салам. Ему поручил колхоз разведение шелкопряда. А неожиданный, небывалый паводок разрушил все его планы, погубил все дело. Он готов был хоть вплавь отправиться за листьями, но его удержали — это безумие, говорили все. Что можно еще сделать? Предками сложена поговорка: «Когда

Алазани разливается — все живое уходит от берегов». Но ведь там, на том берегу, тутовые листья — грена погибнет без корма.

Вдруг раздался чей-то неожиданный возглас:

— Смотрите! Смотрите!

Что это там? Кажется, будто оторвались от своих корней тутовые деревья и, упираясь в затопленное дно, зашагали к этому берегу. Зеленые копны медленно приближались — это плыли две лодки, доверху груженные туковыми листьями.

— Это они. Едут... — Хамза не смог закончить, он сорвал с головы свою шапку и забросил ее далеко в воду.

— Они! Друзья из Дзмобы! Смотрите — они везут листья. Шелкопряд будет жить.

Сразу словно присмирели и стали послушнее алазанские воды. Легче, веселей стало на душе.

Сверху было видно, как трудно дзмобицам бороться с волнами, с каким напряжением преодолевали они быстрину и водовороты. Все медленней движение лодок вперед, все больше ощущается усталость гребцов во взмахах весел.

Азербайджанский берег совсем уже близко. Еще одно усилие, и вот они уже на земле — Арчил, Шалва, друзья из Дзмобы. Салам крепко обнимает Шалву. Старый Мурсалкиши не может скрыть слез. А Хамза пожимает крепкую, уставшую руку Арчила, целует каждого, кто спрыгивает с лодок, и негромко, как будто про себя, говорит:

— Я знал, знал, что вы обязательно приедете!

Т. Джангулашвили

* * *

Туман-бродяга в небесах плутает,
Луч солнца заблудился в сером свете.
Снежинки марта на ресницах тают,
Бросается на грудь каспийский ветер.
Все по домам спешат — и только мы
Стоим в молчаньи в парке Низами.
Как мы, наверно, выглядим нелепо!..
В глазах прохожих — искры удивленья.
Лучом пробито облачное небо.
Нам Руставели чудится виденье.
Парк Низами — причал тепла и солнца.
Одетый в бронзу, Ганджеви стоит.
Здесь вдохновенье наших душ
коснется,

И песнью дружбы чанги зазвенит.
Кто пел народу и мудрей, и громче!
Звон бронзы все торжественней
и глуше...

Сам Руставели, наш великий кормчий,
Нисходит в сад и смотрит в наши
души.

Внимаем молча мы словам поэта —
Так звезды меркнут в ярком свете
дня.

Мы видим Руставели в парке этом,
Ширин здесь ждем, Нестан в
сердцах храня.

Перевод Д. Маркиша.

Акакий Белишвили

На перевале

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Перевод с грузинского М. Квливидзе и Л. Громеко

Светало, когда эшелон прибыл на станцию. Одноэтажное приземистое каменное здание вокзала напоминало наседку-пеструшку: оно все было покрыто серо-зелеными маскировочными пятнами.

За вокзалом виднелись отгороженные плетнями дворы и крытые черепицей оды¹. По проселочной дороге двигалось несколько всадников. А на станционной платформе красноармейцы стояли такой плотной стеной, что иголке негде было упасть.

Из вновь прибывшего эшелона группами выходили на перрон горные стрелки. Давид собрал свои вещи и, не дождавшись майора, занятого разговором с офицерами, вышел из вагона.

Со всех сторон слышались знакомые голоса:

- Датико, это ты?
- Датико, здравствуй!
- Смотрите-ка, и Бекая здесь!
- Ребята, Давид тоже с нами.

Давид не знал, кому первому пожать руку. Здесь собрались почти все его товарищи-альпинисты, с которыми он не раз бывал в горах, в походах.

Первым к нему подбежал Бекну Авалиани. За ним—Эрванд Гевондян, прославленный токарь и страстный альпинист. Подошли братья Цулукидзе. Тут же были бакинский инженер Рустам Джафаров и ростовчанин Владислав Гулаков.

Как только майор Иванов показался в тамбуре, раздалась команда:

- Смирно-о-о!

¹ Ода — крестьянский дом в Западной Грузии.

Стоявшие на перроне бойцы образовали стройную шеренгу.

К тамбуру вагона, где стоял Иванов, подбежал сержант. Вскинув руку к козырьку, он быстрой скороговоркой докладывал:

— Товарищ майор, ваше приказание выполнено. Все красноармейцы, находящиеся на территории станции, построены. Отсутствует пять человек — трое ранены, двое больных находятся на медпункте вокзала.

— Вольно, — скомандовал майор.

Сержант повернулся и громко повторил команду:

— Вольно!

Иванов быстро спустился вниз. За ним сошли на перрон начальник штаба и другие командиры.

Построенные на перроне пехотинцы молча разглядывали горных стрелков, одетых в специальное обмундирование и вооруженных автоматами новой системы. Их особенно удивляли похожие на пиджаки куртки с накладными карманами, брюки «гольф» с застежками у щиколотки. Сразу бросалось в глаза, что костюмы были новыми. На красноармейцах же были старые выцветшие гимнастерки и штаны, выгоревшие от солнца до такой степени, что невозможно было определить их первоначальный цвет.

Майор прошел вдоль шеренги и, повернувшись к группе горных стрелков, подозвал к себе старшего лейтенанта.

— Идите вместе с ними вдоль шоссе, — коротко приказал он, — и на расстоянии одного километра от станции разбейте палатки. Через час закончите формирование. Снабдите всех обмундированием и боеприпасами. Я все пришлю, как только разгрузка эшелона будет закончена.

Старший лейтенант, козырнув командиру, быстро повернулся к красноармейцам:

— Слушай мою команду! — и после паузы крикнул: — Смирно-о-о! Направо!

Послышалось негромкое: ррах! ррах! Колонна повернулась и замерла.

— Левое плечо вперед, шагом м-марш!

Сапоги загромыхали по мостовой. Лейтенант почти бегом направился вперед, чтобы возглавить колонну.

Перрон быстро опустел. Обернувшись, майор заметил Давида и улыбнулся ему:

— Вот видите, товарищ инструктор! А вы боялись...

— Эх, если бы вы знали, что тут было вчера! — ответил Давид. — Мать не узнала бы собственного сына.

Разгрузка эшелона шла быстро и организованно. Майор приказал за полчаса выгрузить продукты, снаряжение, боеприпасы. Борты платформ были откинута, и с них по доскам осторожно стали спускать автомашины. Все делалось молча, но споро.

Местные жители, главным образом женщины и старики, с любопытством смотрели на этих необычно одетых бойцов. Дети бесцеремонно сновали по перрону и по полотну дороги. Стоило бойцам обратиться к кому-нибудь из них с просьбой, как выполнять поручение бежало сразу десять человек.

* * *

Майор Иванов вместе с Давидом Бека и лейтенантом обошли все фирновое поле. Вдоль ущелья на протяжении почти трех километров, словно выкорчеванные пни, лежали обледенелые трупы берсальеров. Видимо, отступающему противнику было не до них. Отряд горных

стрелков, продвинувшись на десять километров до самого Чангунского ущелья, нигде не обнаружил следов врага. Не появлялись даже немецкие самолеты. И лишь впоследствии стало известно, что после неудачи на левом фланге неприятель изменил план действий и отошел назад.

Майор Иванов выбрал позицию на возвышенности, господствующей над ущельем. Отсюда вся окрестность была видна как на ладони. Здесь вырыли окопы и устроили землянки, в укрытиях бойцы установили минометы, заминировали подходы. В течение двух-трех дней самолеты доставили столько продовольствия и военного снаряжения, что отряд теперь мог отражать натиск врага в течение всей зимы.

Снова потеплело. Снег начал быстро таять. Местами земля обнажилась, и это очень затрудняло переброску доставленного самолетами снаряжения с летной площадки к землянкам. Бойцы вынуждены были сбросить лыжи. Примерно три часа уходило на путь в десять километров, поэтому за день удавалось сделать лишь один рейс.

Иванова вызвали в штаб дивизии, а Давид вместе с бойцами отправился за грузом. К вечеру они вернулись на командный пункт. Сбросив с плеч тяжелый, словно налитый свинцом, рюкзак, Давид повалился на лежавшую прямо на земле брезентовую подстилку. Нестерпимо ныла спина. Когда бойцы позвали его ужинать, он даже не откликнулся. Лейтенант с удивлением наклонился над ним, потом схватив рюкзак Давида, попробовал поднять его одной рукой.

— Ух ты! — воскликнул он. — Разве можно тащить такую тяжесть? Тебе жить надоело, что ли?

Рачинец Лебанидзе, пыхтя, поднял рюкзак над головой и тут же бросил его обратно:

— Я думал, что я здесь самый сильный, но ты, брат, оказался крепче меня. В этой штуке не меньше ста килограммов!

— Наверное. Я очень устал.

— Устал, говоришь? Ты лучше скажи, как жив остался! — всплеснул руками лейтенант. — А ну-ка, ребята, тащите сюда еду. Здесь поужинаем, рядом с Давидом. И выдайте ему сто граммов, чтобы скорее в себя пришел!

Бойцы принялись за дело, и вскоре возле Давида выросла гора хлеба, консервов, колбасы, сахару. Один из бойцов наполнил маленькую алюминиевую кружку и протянул ее Давиду.

— Пей!

— Ребята, — устало покосившись на еду, взмолился Давид, — вы бы мне лучше воды принесли, пить хочу — умираю!

— Пей! Пей! И вода будет.

Не прошло и нескольких минут после ужина, как весь лагерь, кроме дежурного, уснул. Лишь Давиду не спалось.

* * *

Оглушительный грохот сотрясал горы.

Нагнувшись, Давид приложил ухо к груди упавшего бойца.

— Бедняга Гуджа!

Впереди все еще раздавались пулемётные очереди.

Мимо пробежали бойцы с автоматами в руках.

Давид посмотрел на Гуджу. Тот лежал без движения, на губах застыла улыбка. «Надо похоронить его, — мелькнуло в голове у Давида, — но как это сделать здесь, под пулями?»

Он отложил автомат, поднял Гуджу на руки и, отнеся в сторону от дороги, опустил тело в воронку от недавно разорвавшегося снаряда. Потом начал копать землю.

«Это временно. Вернусь и похороню как следует».

Разрыхлив немного земли, Давид ладонями сгреб ее и засыпал убитого. Покончив с этим, он вскочил на ноги, поднял автомат и бросился вперед.

Возле поворота, за скалой, он заметил залегших бойцов.

Давид лег на землю и пополз к ним. Когда до одного из бойцов осталось несколько шагов, он спросил:

— Что там?

Боец взглянул на него невидящими, налитыми кровью глазами. Лоб его был покрыт испариной.

— Нагни голову! — прохрипел он. — Видишь, у них в расселине пулемет установлен. Сволочи! Подпустили близко и теперь поливают свинцом.

— А нельзя обойти с тыла? — Давид приподнял голову, и сразу же вокруг засвистели пули.

— Ложись, черт возьми! — заорал боец. — Ты жив?

— Жив. Ловко же они место выбрали, ниоткуда к ним не подступиться.

Боец отцепил от пояса ручную гранату, снял предохранитель и осторожно отвел руку назад.

— Далеко, — пробормотал он. Потом вдруг рывком приподнял тело над землей, метнул гранату и упал рядом с Давидом.

Граната разорвалась где-то недалеко от края расселины.

— Дай-ка мне одну, — сказал Давид.

— Далеко, не докинешь. Я на сорок метров бросаю и то до половины не достал. Надо попытаться подойти поближе.

Боец осмотрелся и уже совсем было решился ползти к расселине, но Давид схватил его за ногу.

— погоди.

Он вырвал гранату из рук бойца и посмотрел на нее.

— Готова?

— Готова, — ответил боец.

Давид чуть приподнял голову и стал внимательно вглядываться в скалу, за которой прятались гитлеровцы. Потом вдруг изогнулся дугой, оттолкнулся от земли, вскочил, метнул гранату и тотчас же упал плашмя.

Раздался взрыв, и Давид разглядел, как из расселины вывалился пулемет.

— Ура! — крикнул боец, бросаясь вперед. — Не рука, а золото у тебя, друг! За мной, ребята!

С криками «ура» бойцы побежали за ним.

Скалистая высота была взята. Один вражеский пулеметчик был мертв, другой еще дышал.

Издали доносились одиночные выстрелы. Потом и они стихли. Стало ясно, что гитлеровцы отступили.

Лейтенант собрал бойцов на перекличку. Увидев Давида, он улыбнулся:

— Товарищ инструктор!

— Слушаю вас.

— Я все видел. Здорово вы метнули гранату! Там было по меньшей мере шестьдесят метров. Пойдемте, допросим пленного.

Лейтенант выслал двух бойцов в разведку, а остальным приказал вернуться на прежние позиции. Сам же вместе с Давидом направился к лагерю.

У поворота Давид остановился и подозвал двух солдат.

— Зачем они вам?

— Надо товарища похоронить.

— Кого? Убитых всего трое, я уже послал ребят. Они все сделают.

— Он здесь,— сказал Давид, подходя к тому месту, где он оставил Гуджу.— Ого! Ребята уже успели его унести. А я тут его слегка засыпал землей...

— Унесли?

— Да. Он вот здесь лежал. Пойдем посмотрим, где его похоронят, я хочу место запомнить.

Давид внимательно разглядывал воронку, в которую он недавно опустил тело товарища. «Может, я ошибся местом?»— мелькнуло у него в голове. Но на земле был ясно виден отпечаток тела. Вот и белый, похожий на череп, речной камень. Куст с обломанными ветками. Комья развороченной земли.

«Наверное, те, что шли сзади, заметили, когда я положил его сюда,— подумал Давид,— заметили и унесли».

Он поспешил за лейтенантом, погруженный в свои мысли.

— Послушай, а ты, оказывается, здорово бросаешь гранаты... — услышал Давид чей-то голос.

Рядом шагал тот самый боец, у которого Давид выхватил из рук гранату.

— А, это ты!

— Ну и рука же у тебя! — продолжал восхищаться боец. — В первый раз такую вижу.

— Не зря я, значит, учился бросать камни.

— Что?

— Камни. В детстве, когда я жил в Кутаиси, мальчишки с окраины враждовали с нами. Ты бы только поглядел, какие там разыгрывались битвы! Никто лучше меня не умел бросать камни. Стоило мне показаться, как наши противники убегали с поля боя. Мой покойный отец все сокрушался: совсем, говорил, от рук отбился мальчишка. Но, оказывается, не зря я старался. Позже, когда я был студентом, физрук однажды повел нас сдавать нормы ГТО. Нужно было бросить гранату на тридцать метров. Вышли мы во двор. Я и говорю инструктору: пойдете лучше куда-нибудь в поле, а то здесь негде развернуться. А он мне: если хоть до середины двора добросишь, то получишь приз. Поспорили мы с ним. Он хохочет: я, говорит, рекордсмен, и то с трудом бросаю дальше середины. Размахнулся я как следует, метнул, гляжу — граната перелетела через забор и шлепнулась где-то на улице. А там в это время фургон проезжал — чуть было вознице в голову не угодил. Убил бы человека. У инструктора глаза на лоб полезли. Потом пристал ко мне, целых три месяца как проклятого заставлял тренироваться. Наконец повез он меня в Москву на всесоюзные соревнования. Там я занял третье место.

Они начали подниматься по склону. Наверху уже собрались бойцы — грязные, усталые. На крыше блиндажа стоял санитар. Он крикнул, обращаясь к бойцам:

— Раненых больше нет?

— Нет, — лениво ответил кто-то.

Когда Давид спрыгнул в окоп, у него было такое чувство, словно он возвратился домой. Бойцы резервного взвода встретили его радостными возгласами, поздравили с победой. Давид прошел всю траншею, затем, нагнувшись, влез в землянку. Лейтенант, перед которым, вытянувшись и испуганно тараща глаза, стояли трое пленных, уже ждал его.

Опустившись рядом с лейтенантом на ящик из-под снарядов, Давид приступил к допросу. Лейтенант записывал.

Пленные оказались разведчиками, которых послали на розыски берсальеров.

— Где находится ваша часть? — спросил Давид.

— Не знаю, — хмуро взглянув на Давида, ответил один из гитлеровцев. Это был светловолосый юноша с голубыми глазами и чуть заметными веснушками на лице.

— Ваша фамилия?

— Кранце.

— Так, значит, Кранце, вы не знаете, где находится ваша часть?

— Я вам правду говорю: точно не знаю.

— Отсюда далеко?

— Километров пятьдесят. Мы два дня шли.

— Много вас там?

— Батальон.

— Он правду говорит? — обратился Давид к остальным.

— Да, — подтвердили они.

Однако лейтенант снова и снова задавал пленным вопросы, а Давид переводил.

Через час допрос был окончен. Выяснилось, что неделю назад, когда бушевал буран, вражеские части поспешно отступили. Сейчас они снова продвинулись вперед и дошли до села Тембули. Завтра батальон должен был выступить, чтобы попытаться вновь овладеть перевалом.

* * *

Утром в землянке появился майор Иванов. Он прилетел на фирновое поле еще ночью и уже побывал на передовой. Вокруг тускло горевшей свечи, укрепленной на одном из пустых снарядных ящиков, собрались командиры. Иванов выслушал донесения. Узнав о результатах допроса и о том, что гитлеровцы собираются утром начать наступление, майор улыбнулся, раскрыл карту и углубился в изучение местности. Подняв голову, он сказал вдруг:

— А знаете, товарищи, я видел командующего фронтом. Вчера, когда был у командира дивизии.

— И что? — слышалось со всех сторон.

— Он очень доволен нами. Как я понял, будут и награды. Что же касается роты, которая под руководством товарища Бекая пересекла ледник и отрезала неприятелю пути к отступлению, то об этом будет особый разговор, — майор повернулся к Давиду. — Когда я подробно рассказал командующему о том, как вы одолели ледник и взяли в плен свыше пятидесяти гитлеровцев, он радостно сказал мне: «Передайте товарищу Бекая мою благодарность».

Майор рассказал о положении на фронте. Наступление гитлеровцев было приостановлено. На подступах к Сталинграду шли кровопролитные бои. Планы гитлеровского командования, стремившегося, с одной стороны, прорваться через Грозный к Баку и завладеть Закавказьем, а с другой стороны, обходным маневром с юга захватить Москву, — потерпели крах. На необъятных просторах российских полей наши войска накапливали силы для решающего контрнаступления.

Поздно вечером Иванов и Давид вышли из землянки подышать свежим воздухом. Ранние заморозки, как это часто бывает в преддверии осени в высокогорных районах, давали о себе знать. Темный полог неба был сплошь усеян мерцающими звездами.

— До чего же хорошо! — вырвалось у Иванова. — Люблю по ночам смотреть на звездное небо. Смотрите, вот Большая Медведица, а вот Малая. Полярная звезда. Впрочем, к чему это я вам все объясняю, вы, наверное, и сами не раз любовались звездным небом.

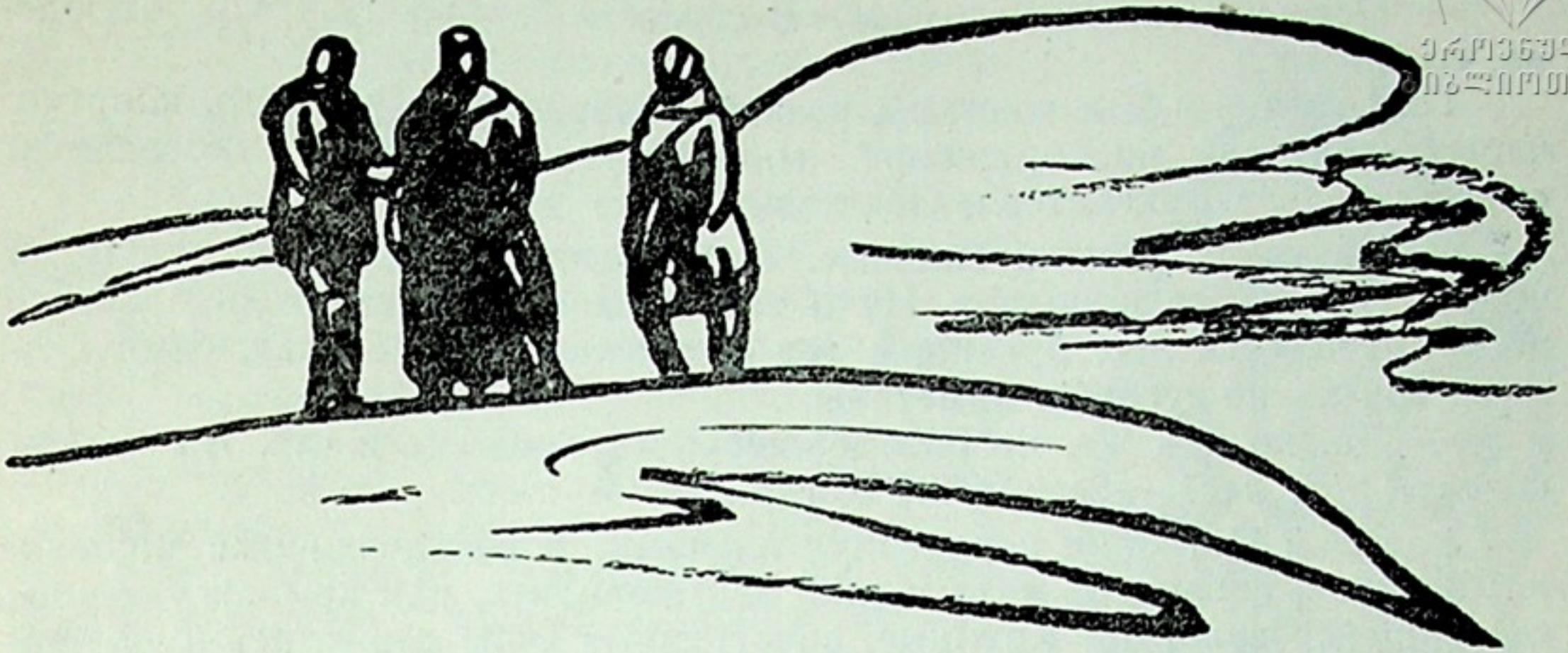
— В детстве я очень увлекался астрономией. Правда, впоследствии пришлось отдать предпочтение другим наукам.

— Это всегда так, — перебил его майор, — в детстве мы все пытаемся хватать звезды с неба, а потом довольствуемся тем, что скромно занимаемся земными делами. Впрочем, если б люди могли срывать с неба звезды, нам бы, Давид, уже ни одной не досталось.

Оба усмехнулись. Иванов обвел взглядом застывший в дремоте горный пейзаж и, вздохнув, продолжал:

— Если бы вы знали, как я люблю тишину! В детстве у себя в деревне, я каждый вечер уходил на берег реки и часами любовался природой! Сидишь, бывало, на камне, и глядишь на ивы, которые опустили в воду свои ветви, словно косы. И вдруг — тихий всплеск — это рыба охотится за комаром или мушкой. Лучи заходящего солнца окрашивают багрянцем края облаков, и издали доносится веселая перекличка птиц. Потом медленно опускаются сумерки. В небе выплывает похожий на ятаган месяц, зажигаются звезды, а ты все сидишь, как зачарованный, опьянев от запаха трав и таинственной прелести тишины. Рядом с тобой — голубоглазая девушка с золотыми волосами, рассыпавшимися по плечам... Сидите и вместе слушаете тишину... Ах, как хорошо жить! И кто только придумал эту войну, будь она трижды проклята!

Сергей Сартаков

Л ю б о в ь

Рис. А. Бандзеладзе

Сергей Сартаков — видный русский писатель. Его перу принадлежат произведения, получившие у читателя заслуженное признание (повести «Горный ветер» и «Каменный фундамент», трилогия «Хребты Саянские» — о революционных событиях в Сибири). В настоящее время писатель работает над романом «Любовь», один из главных героев которого — начальник лесосплавного участка Николай Цагеридзе.

Ниже предлагаются вниманию читателя главы из первой части романа.

Утро наступило еще морознее, чем прошедшая ночь. Не потеплело и к полудню. По-прежнему сеялись сверху мелкие, льдистые блестящие куржача, мерцали радужными огоньками. Как догорающие факелы, тускло светились в небе сразу три солнца — два ложных и одно настоящее. Таежные дали терялись в серой мгле. Ингутский перевал едва обозначался нерезкой, волнистой линией.

Зябко кутаясь в доху, Цагеридзе стоял на высоком, крутом берегу Читаута. Река в изломанных пирамидах торосов, узкий, длинный остров посреди нее, заросли густых тальников, мохнатых от инея, — все было заваяно, засыпано плотными сугробами снега.

Откосы берега, хотя и очень крутые, казались все же удобными для того, чтобы спуститься напрямую, без дороги, к реке. Цагеридзе потыкал костылем в хрусткую корочку снега, спросил стоящих рядом с ним Баженову и бухгалтера Василия Петровича:

— Можно туда? К миллиону.

Баженова сдернула меховую рукавичку, подула в кулак.

— Что вы! Здесь? Никак нельзя.

Василий Петрович пнул ногой короткий обрубок бревна. Тот, кувыркаясь, покатился вниз.

— Ежели этак вот, почему же нельзя? Ступай себе. Только зачем?

— Посмотреть, — сказал Цагеридзе.

— Посмотреть! Хрен один. Видимость одинакая. Что отсюда-ва, что и там.

Голос у него был жесткий, резкий, говорил он отрывисто, коротко, словно диктовал распоряжение машинистке. Баженова поспешила смягчить слова бухгалтера. Объяснила:

— Крутизна. Осыпи сильные. Под снегом гальку не видно, а чуть ступи — все поползет. Ну и там-то, внизу, действительно ничего не поймете, весь лес, бревна, в лед вморожены, а поверху, сами глядите, вон какие сугробы наметаны.

— Да, но как же, не разобравшись заранее где и что, мы станем спасать этот лес? — возразил Цагеридзе.

Василий Петрович передернул плечами, и неподвязанные наушники большой, собачьего меха шапки зашевелились, как крылья у птицы, готовящейся взлететь. Крупные, обветренные губы дернулись в презрительной усмешке.

— Надо не спасать, а списать, — продиктовал он. И вдруг фыркнул, давась коротким смехом: — Разница — буквочка! Одна только. А стоимость буквочки «и» миллиён, буквочки «а» — два миллиёна. Потому как в спасание надобно вложить еще миллиён. А все получится холера одна — весной снесет половодьем. Ну-тка! Еще глядеть будете? У меня крестец простуженный, мороз — стоять здесь не могу более.

Он повернулся и пошел к поселку, разваливая снег большими, подшитыми валенками и горбя спину, туго обтянутую ватной стеганкой. Вокруг шеи у него хомутом круглился толстенный, домашней вязки шерстяной шарф, весь, как и стеганка, в белых, льдистых иголочках.

— Как все это нужно понимать, Мария? — спросил Цагеридзе, глядя вслед Василию Петровичу. Тот шел, набирая шагу, размахивая длинными руками в шубных рукавицах. — Вы можете мне объяснить?

— Вы все время спрашиваете! — Баженова дунула, и белое облачко пара повисло в воздухе.

— Когда человек чего-то не понимает, но очень хочет понять, он непременно спрашивает.

— Но почему вы спрашиваете меня?

— Я спрашиваю знающих. Если бы я все знал и понимал, я бы не спрашивал. Зачем знающему человеку спрашивать других? Вы мне вопросов не задаете, значит, вы все знаете. Вот я и прошу вас ответить.

— Николай Григорьевич, но вы... удивительный человек. Если вы будете так держаться со всеми, вас будут считать, ну... просто...

— Дураком?

— Ну... н-нет... Но каким-то... странным.

— Станным? Этого я не боюсь. Дураком — было бы хуже. Скажите, а чего мне стесняться своего незнания? Почему мне не спрашивать других? Разве лучше разыгрывать из себя мудреца, а делать глупости? Или — зачем все время в разговоре уходить в сторону, как это делаете вы?

— Но я просто не знаю, что вам сказать!

— Не говорите только, что сейчас сильный мороз — это уже сказал Василий Петрович. И потом, я сам вижу, как вы дрожите. Идемте в тепло. Ломать свои ноги, пусть даже одну деревянную, я не хочу и спускаться к реке не стану. Поверю бухгалтеру на слово, что буквочка «а» стоит вдвое дороже буквочки «и».

Он посторонился. Баженова пошла по следу, промятому в снежных сугробах Василием Петровичем. Оглянулась на ковыляющего за ней Цагеридзе.

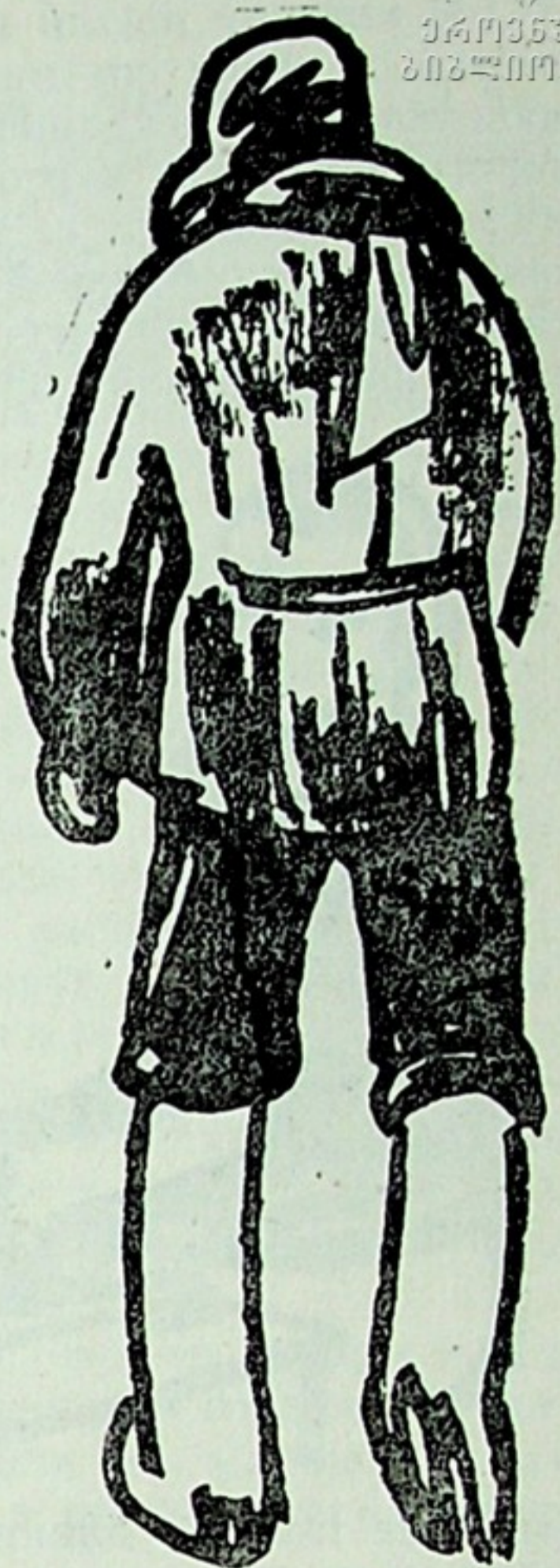
— Василий Петрович очень честный человек, — сказала она. — А вы, наверно, от меня добивались о нем другого отзыва.

Цагеридзе с трудом поспевал за Баженовой. Переговариваться, спорить на ходу ему было трудно. Да, впрочем, пожалуй, и действительно так: Василий Петрович не понравился Цагеридзе с первого взгляда. Что скрывать? Настойчиво же спрашивая Баженову, он только хотел прочнее закрепить сложившуюся уверенность в том, что бухгалтер, по-видимому, одного поля ягода с прежним начальником. Рыхлое красное лицо, припухшие, отечные веки и нижняя губа, все время отвисающая и словно бы стремящаяся вывернуться наизнанку — разве это не признаки горького пьяницы?

Еще утром, когда Василий Петрович явился на квартиру к Баженовой и, назвав себя, попрекнул Цагеридзе — почему он не заехал к нему, ждали ведь, — Цагеридзе подумал: да, кажется, ждали, и с бутылкой. Он спросил: «А почему вы меня ждали? Лучше было просто сказать Павлику, где приготовлена для меня квартира». Василий Петрович ответил: «Квартиры еще нет. Готовят. А ждал — как главное лицо. Это вы и я — оба».

Вообще последнее было, конечно, верно, однако слушать это было неприятно. И в приложении к себе и к бухгалтеру. «Главные лица!» Цагеридзе не сдержался: «Вы — главное лицо. А в том, что лес заморожен — тоже главное?» Василий Петрович сказал равнодушно: «Нет. Это стихийное бедствие. Форс-мажор. А финансы у меня всегда в порядке». Цагеридзе усомнился, как могут быть в порядке финансы, если во льду заморожено лесу на целый миллион. Василий Петрович снисходительно разъяснил, что надо уметь. Он не прибавил, что именно надо уметь. А Цагеридзе брезгливо подумал: «Жульничать, что ли?»

Так, не проникшись взаимно симпатиями, они и пошли к реке. Впрочем, Василий Петрович сразу объявил, что зряшное и чепуховое дело, но слишком упорствовать не стал. Цагеридзе не мог себе представить, как можно приступить к обязанностям начальника рейда не с осмотра самого главного. Ведь не бумажки же начать перелистывать в конторе! Баженова с ними пошла без приглашения, просто — оделась и пошла. И это Цагеридзе понравилось. Понравилось ему и то, что ночью Баженова заботливо ухаживала за Феней, которая сперва заснув ровно и глубоко, потом все время металась в постели, стонала и плакала. И хотя еще по-прежнему раздражало либо искусственно-ласковое, либо сдержанно-злое обращение Баженовой с матерью, — в общем к этой, не очень понятной женщине Цагеридзе все же чувствовал душевное расположение. С ней он мог и хотел бы говорить обо всем запросто, доверительно, так, как разговаривал в детстве со своей бабушкой. К бухгалтеру же душа не лежала никак.

В контору вошли порознь. Цагеридзе — последним, значительно отстав от своих спутников. Он простучал заколяневшими на морозе валенками по некрашенному полу темного коридора, по сторонам которого виднелись картонные таблички «Расч. часть», «Произв. отдел», «Красн. уголок» (ага, вот тут я и был вчера), миновал полукруглое окошко с дугообразной надписью над ним «Касса» и уперся в единственную покрашенную охрой дверь — «Нач. рейда», за которой железно пощелкивала пишущая машинка.

«Вот тут, должно быть, я, — подумал Цагеридзе, берясь за ручку двери. — И, выходит, у меня даже есть секретарша, умеющая печатать на машинке».

Секретарша оказалась худенькой, черноволосой девушкой с непомерно большими, как у цыганки, серьгами в ушах. Она была в клавиши редко, сильно, как-то очень высоко ставя плечи, и серьги болтались и постукивали ее по щекам. Цагеридзе готов был спросить: «Вам не больно?» Но эта озорная мысль только мелькнула, а сказал он:

— Здравствуйте! Я новый начальник. Николай Цагеридзе. Если я правильно понимаю, это — мой кабинет?

Девушка не успела ответить, только вскинула удивленные, слегка

раскосые глаза с длинными ресницами — неплотно прикрытая дверь кабинета распахнулась шире, показалась голова, закутанная в шерстяной платок, а из глубины комнаты простуженный женский голос нетерпеливо спросил:

— Пришел?

И Цагеридзе сам не заметил, как оказался в кабинете, окруженный четырьмя женщинами, наперебой выкрикивающими язвительно и грубо:

— А мы не уйдем!

— Герасимов правильно сделал. Иди, иди туда, сам ломай дверь и выкидывай ребятишек!

— Не с этого начинаешь, начальник!

Цагеридзе пытался спросить, узнать, что случилось, почему он «не с того начинает» — и без пользы: женщины слушать его не хотели; прежде чем стать способными слушать, им нужно было вылить, до конца выплеснуть переполнявшую их горечь и злость. И когда Цагеридзе это понял, он спокойно отошел к печке, сбросил на пол доху, истекающую морозным дымком, и прижавшись спиной к горячим кирпичам, блаженно чувствуя, как сразу расслабили мускулы и легче стало ему дышать, — приготовился слушать, внимательно и терпеливо.

Больше всех горячилась и выскивала самые колючие, задиристые слова молодая, высокая девушка, в которой больше по голосу, чем в лицо, Цагеридзе вдруг опознал вчерашнюю Женьку. Так... Он теперь нарочито не сводил с нее глаз, сочувственно кивал ей головой и улыбался, пока не добился своего — Женька смешалась, сбавила голос,

как-то беспорядочно передернула плечами и напоследок в полном отчаянии выкрикнула:

— Да разве он чего понимает!

Но Цагеридзе все понял. Речь шла о том, что кто-то (а по видимому он сам, Цагеридзе,) в это утро отдал распоряжение коменданту освободить под квартиру начальника особнячок («котежок», как называла его Женька) — коттеджик из двух комнат с кухней. В одной комнате «котежа» жил с семьей из шести человек лоцман Герасимов, в другой, как в общежитии, помещалось семь одиноких женщин и незамужних девушек, а на кухне — продавщица из орсовского ларька с подростком-сыном. Пятнадцать человек должны были освободить особняк для одного, и не позднее, как к вечеру, а сами — переселиться в другие, и без того переполненные «котежи» и бараки. Труднее всего приходилось многосемейному Герасимову, никто не соглашался принять к себе в дом сразу шесть человек, и он поступил просто: оставил ребят в квартире, дверь снаружи замкнул большим висячим замком, а сам пошел на работу. «Кланяться, просить за себя я не стану, — хмуро сказал он, — как хочет «новый», пусть так и делает. Посмотрим — как». Семеро женщин и девушек из второй комнаты могли бы, конечно, без особых сложностей, поодиночке, расселиться в других общежитиях, но им не хотелось расставаться друг с другом, раз, а два — возмущало, что новый начальник решил прежде всяких других дел «оттяпать» себе целый домик, пусть даже когда-то, по генеральному плану, и построенный именно для этой цели. «Лопатин и тот соображал, что народу живется очень тесно!» Женька взяла себе в подмогу еще трех женщин, поречистее, и ринулась в бой: «Ляжем костями, а в дом наш его не пустим...»

Теперь она стояла растерянная. Все слова, все ее доводы и вся ярость иссякли, а Цагеридзе еще ничего не сказал, не ответил, стоял, улыбаясь, и было непонятно согласен он с ней или нет. Словно бы час целый сплеча рубила она топором тую вату, а остановилась, глянула — на вате даже никакой отметинки нет.

— Ну? — уже через силу, но по-прежнему угрожающе спросила она.

Цагеридзе скользнул взглядом по нештукатуренным, бревенчатым стенам кабинета, густо залепленным диаграммами, графиками и пожелтевшими от времени плакатами, призывающими соблюдать правила техники безопасности на сплаве, беречь лес от пожара и разводить кроликов. На подоконнике, как раз позади лопатинского кресла, неведомо чего ради, стоял коробчатый, из стекла, световой транспарант «Берегись автомобиля». Стол был завален бумагами, книгами, обрывками тросов, цепей, так что едва оставалось свободное место, чтобы поставить локти.

«Не отсюда ли, не с этого ли стола и начал замерзать во льду миллион?» — подумал Цагеридзе. Это его сейчас занимало больше всего. Но женщины нетерпеливо ждали ответа, и вслух он спросил:

— У девушки Жени сегодня выходной?

Женщины дружно, все враз, выкрикнули:

— Хотя не издевайтесь!

Цагеридзе слегка наклонил голову.

— Вы полагаете, делать это — только привилегия женщин? Я люблю, когда женщины поют песни, когда говорят слова красивые, как они сами, но мои уши вовсе не мусорные корзины. Я не знаю, кто и

как их теперь вычистит. И не знаю, почему вам понравились именно мои уши. Сегодня среда, рабочий день. Надо работать...

Его перебили:

— Работать!.. Лов-ко!.. А жить где мы должны?

— Думаю, там, где живете. Если, конечно, вам нравится.

— Дык... — вырвалось у Женьки.

— Так, — в тон ей, сказал Цагеридзе. — Именно, на старом месте. Лучшего пока предложить не могу. А я узнаю у коменданта, когда и почему я распорядился выселить рабочих и занять для себя этот самый, ваш «котежок».

Он выпроводил из кабинета сразу повеселевших и ласково-притихших женщин, позвал секретаршу.

— Простите, я не успел спросить, как вас зовут...

— Лидой, — торопливо сказала она. Ей по-видимому представилось, что новый начальник станет сейчас ее распекать за то, что она впустила женщин в его кабинет.

Но Цагеридзе обрадованно закричал:

— Чудесно! Лидочка... Точно так звали у нас в госпитале самую любимую сестру. Она умела делать уколы совершенно безболезненно. А головные боли лечила так: приложит тебе к горячему лбу свою прохладную руку, дунет в глаза, засмеется — и боли как не бывало. Лидочка... Ах, как мы все любили ее! Может быть всеобщая любовь всегда сопутствует вашему имени?

Лида стеснительно заулыбалась, покраснела, глянула на свои пальцы, запачканные чернилами, как у первоклассницы, и спрятала руки за спину.

— Ну... я не знаю... — И повернула голову вбок. — Лопатин очень меня не любил.

— Да что вы! Почему?

Девушка покраснела еще сильнее, губы у нее дрогнули.

— Были... причины... К вам как, с докладом или без доклада люди будут входить?

Цагеридзе снял с подоконника транспарант «Берегись автомобиля», повертел его в руках.

— Предупреждение грозное... А как входили к Лопатину?

— Как попало.

Цагеридзе протянул транспарант Лиде.

— Сдайте, пожалуйста, на склад эту штуку. На автомобилях не позволяйте въезжать в кабинет. А пешеходы пусть входят сюда... не «как попало», а свободно.

Лида приняла транспарант с таким видом, будто Цагеридзе сам въехал сейчас в свой кабинет на автомобиле.

— Но ведь это же стояло на окне просто так! — сказала она.

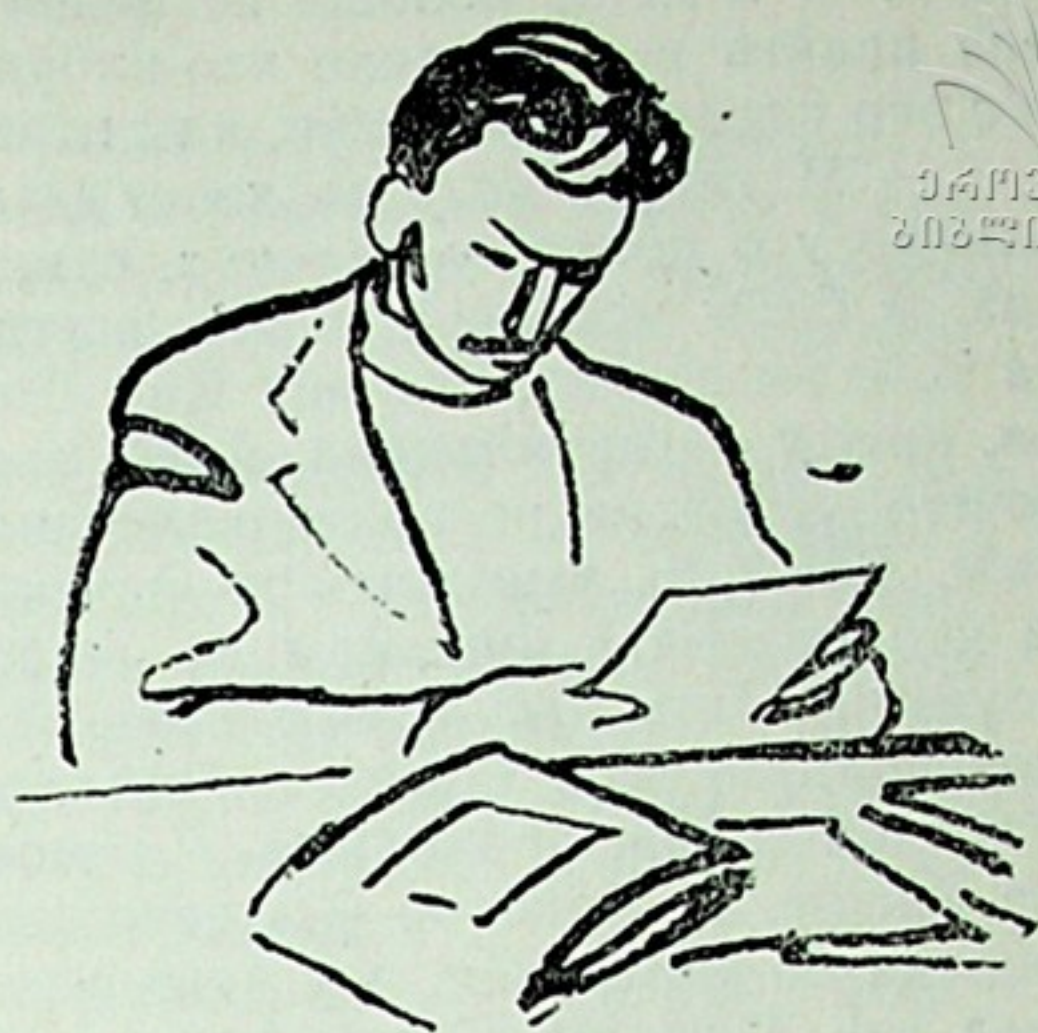
— О! Вы, я вижу, не любите шуток, — отозвался Цагеридзе. — Ничего не поделаешь, придется вам, Лидочка, привыкать к моим странностям. Я не могу жить скучно. Тогда очень болит моя деревянная нога. А сейчас у меня к вам еще две просьбы. Первая: не знаете ли вы, где мой чемодан? Я понимаю, такой вопрос не в мою пользу. Но... Мне кажется, вчера Павлик его куда-то занес, а куда — я не знаю.

— Вон, стоит за диваном. Это я поставила. Павлик бросил его в коридоре.

— А-а! Спасибо за большую заботу. Вторая просьба: позовите Василия Петровича и, если можно, найдите, пожалуйста, коменданта.

Оставшись один, Цагеридзе, стащил со стола обрывки цепей и

тросов, бросил их в угол за шкаф и стал просматривать книги, бумаги. Они лежали тяжелыми, беспорядочными грудями. Нормативные справочники, расчетные таблицы по такелажу, уголовный кодекс, «Всадник без головы» Майн-Рида, «Спутники» Веры Пановой, учебник гинекологии... Бумаги — наряды, квитанции, табеля, письма из треста, заявления рабочих — тоже смешались, помеченные текущим, прошлым и даже позапрошлым годами. Среди бумаг попадались измятые рецепты, конфетные бумажки и любительские фотокарточки, главным образом, женские. Мелькнул листок из ученической тетрадки, на котором, написанные рукой первоклассника, выделялись слова обращения — «Дорогой папа!» Дальше читать Цагеридзе не стал.

«Говорили, что у Лопатина не было постоянной квартиры, — подумал он. — Вот этот стол заменял ему постоянную квартиру. Нехорошо вторгаться в тайны человека, которого уже нет на свете. Но как, не вчитываясь и не вглядываясь, отделить здесь служебное, деловое от того, что принадлежало только ему, Лопатину?»

Тяжело ступая в своих подшитых валенках, вошел Василий Петрович. Шапки и стеганки на нем уже не было, а толстый шерстяной шарф по-прежнему лежал хомутом вокруг шеи. В руке у него голубым дымком курилась папироса.

— Вступаете? — спросил Василий Петрович, садясь на диван и движением головы показывая на груды бумаг.

— Нет, я вступил еще вчера, — сказал Цагеридзе. — И мы вместе с вами только что вернулись с берега реки, Василий Петрович, где по-моему, уже работали.

— Работали, — согласился Василий Петрович, стряхивая пепел с папиросы прямо на пол. — Солдат спит, а служба идет. Докладываю. Согласно постановлению, при вступлении полагается составлять акт приема-сдачи. Готовлю. Закон: все одно придется подписывать вам о приеме, хотя сдавать дела, известно, некому. Лопатин—словчил мужик.

Цагеридзе нахмурился.

— Мне не нравится, Василий Петрович, когда о мертвых говорят плохое. Тем более, когда говорят его близкие, если не товарищи, то сослуживцы.

— Вона куда, — развел руками Василий Петрович. — А я плохого про Лопатина, по нутру его, никогда и не скажу. Не имею. Шутки не понимаете?

— Н-да... Интересно, — сказал Цагеридзе. — Как раз почти такой вопрос я только что задавал Лидочке. Думаю, не стоит нам с вами глубже разбираться, что такое шутка. Давайте попробуем разобраться в другом.

И он стал рассказывать о своем недавнем разговоре с женщинами, которых выселяют из «котежа».

— Понимаете, они заявили, что сделать это коменданту приказал я. Но я никому ничего не приказывал, — закончил свой рассказ Цаге-

ридзе, — я даже вообще не видел еще коменданта. Вы не поможете мне понять в этом деле что-нибудь? Как главному лицу. Я подумал, что это сделали вы. Тоже, как главное лицо. Так или не так?

— И тянуть кота за хвост было нечего, — раздавливая докуренную папиросу о подошву валенка, ответил Василий Петрович. — Мой приказ. А бабы эти, черт-те что, всегда напутают. Суть не в них. Квартира тебе не нужна, что ли? Как Лопатину? Дело хозяйское. Но квартира, котеж — начальника, имей, законная — по генплану. Баб слушать нечего. Лопатин не пользовался по своим причинам. А это вошло в умы. Конечно, выезжать из котежа теперь кому охота! Всюду тесно. А кто виноват? Финансы на жилстроительство нам были полностью спущены. Лимиты. Моя работа. Добился я. Остатки закрыты ввиду неиспользования. Остатки большие. Не развернули фронт работы. Упор на сплав, правильно — основное производство. Ни тут, ни там не вышло. А Лопатин — несчастный. Раньше вверху не поняли, в человека не заглянули, а у него в сердце — рана. Мороз. Лес, к чертям, под лед. Инфарк. Парторг наш тоже с инфарком — в больницу. Спрашиваю: будем далее тоже продолжать по-лопатински?

Цагеридзе слушал бухгалтера молча. Он не понравился ему во время первой, утренней встречи. Еще больше не нравился он теперь, своими циничными и бахвальными рассуждениями, своим резким, жестким голосом, и даже своим рыхлым, красным лицом с крупной, тяжело отвисающей нижней губой. Хотелось в упор сказать ему: «Да что вы все по сторонам кружите? Вы — «главное лицо», бухгалтер! За все, что на рейде есть плохого, отвечаете и вы. Даже больше, чем Лопатин, который, по-видимому, в денежных делах не понимал ничего. И не готовьте себе мягкой подстилки — все равно я выдерну ее из-под вас». Но вспомнились укоризненно сказанные Баженовой слова: «Василий Петрович очень честный человек», и Цагеридзе старательно сдерживался.

А Василий Петрович между тем с прежней категоричностью в голосе разъяснял, что решение Цагеридзе отказаться от положенной ему квартиры и глупое, и смешное, и вредное. Тогда так пойдет и дальше. Надо будет и от зарплаты отказываться, и от премиальных, и от разъездной лошади. При этом Василий Петрович выразительно посмотрел на левую ногу Цагеридзе.

— Да кой хрен это все я тебе говорю! — вдруг оборвал он себя. — У меня своя работа. Баланс. За начальника мне теперь ворочать мозгами не надо. Вопросов ко мне более нет никаких?

Было видно, что новый начальник тоже ему не понравился. Цагеридзе это понял и в душе даже обрадовался — это давало свободу, так сказать, ко взаимности. Но он спокойно поднялся, приблизился к бухгалтеру и доверительно тронул его за рукав.

— Есть вопрос. Вы тут положение знаете лучше меня. Если совсем в расчет не брать этот дом, где я могу поселиться?

Толстая нижняя губа у Василия Петровича весело приподнялась и вновь упала.

— По тем же адресам. Примут. А то — пробуй с Баженовой. Лопатин до нее не дошел. Хорошо. Свой дом, старуха блины печет, Фенька — случайность. Либо в барак поселяйся, к парням в общежитие — седьмым, на койку. Без скрыпу никакого другого жилья не взять.

— Понятно. Большое спасибо.

— Могу взять и я. Пойдут разговоры...

— Спасибо. Не люблю, когда про меня говорят.

— Узел, связь: начальник — бухгалтер.

— Понимаю, пойдут разговоры...

— В том и дело. Лучше пробуй с Баженовой, — он удалился.

Цагеридзе несколько минут помедлил в раздумье и вышел в приемную. Лида по-прежнему сидела за машинкой, так же старательно выискивала нужные клавиши и ударяла в них отрывисто, коротко, словно боясь обжечь пальцы.

— Лидочка, вот что: сюда вызывать коменданта не нужно. Все прекрасно решилось и без него. Увидите коменданта — передайте: с квартирой Николай Цагеридзе уже устроился. Я буду жить пока здесь, у себя в кабинете. Спать на диване. Доха у меня превосходная. Хозяйка дома строгая, шуток не любит, не позволит проспать.

Девушка испуганно подняла голову. Рука у нее упала куда-то совсем не на клавиши и каретка у машинки свободно и быстро покатилась влево. Тоненько ударил сигнальный звонок.

— Жить здесь? — волнуясь, переспросила она. — Здесь?.. Нет... Тогда... нет, я никак не согласная... Тогда переведите меня на какую хотите работу... Или совсем увольте меня...

И она словно окаменела, тоскливым взглядом уставилась в оплывшее ледяными натеками окно.

* * *

Максим наверно в сотый раз осторожно разматывал повязку на больной руке, легонько прикладывая щекой и с особым оттенком какого-то внутреннего удовлетворения бормотал:

— Вот, понимаешь...

Михаил сидел за столом и набивал патроны. Приставив указательный палец к носу, он соображал, сколько из них зарядить дробью на белку или рябчика, сколько — картечью на крупную птицу, а может быть и на козулю, и сколько — жаканами, черт его знает на кого. Хотя и зима, но тайга все-таки, а на ловца и зверь бежит.

Михаилу спалось и виделось найти медвежью берлогу, да как-нибудь так, чтобы тут же поднять зверя одному и завалить его, ни с кем не деля охотничьей славы. Бывает же, по рассказам, сплошь и рядом такое: встреча с медведем один на один. Михаил ни капельки не сомневался, что при любых обстоятельствах любого медведя он срежет первым же выстрелом. Только бы в берлоге не оказалось их два или три, тогда и патроны переложить не успеешь; потом, если верить заметкам в газетах, почему-то всегда в таких случаях ружья дают осечки, либо гильза после выстрела разрывается и заклинивает патронник так, что ружье становится простой железной палкой. Служа в армии, Михаил стрелял неважно. Здесь, на Ингуте, он словно преобразился — на тридцать шагов стал без промаха попадать жаканом в консервную банку. И объяснял: «Это, Макся, закон природы. Не помню точно, Ньютон, кажется, тоже в школе учился на двойки, а потом всемирное тяготение открыл. Жизнь, она, брат, каждому образования всякого добавляет».

— Вот, понимаешь... — Максим в сотый раз любовался своей заживающей рукой, со следами двух хирургических разрезов, и в сотый же раз повторял, что дело могло бы запахнуть кислым, если бы он не сходил в медицинский пункт Читаутского рейда. — Ведь не простой нарыв оказался. Абсцесс. Понимаешь?

Михаил пожимал плечами.

— Правильно. А я тебе, дураку, разве не говорил — с микробами не шути?

Максим эти слова Михаила пропускал мимо ушей.

— Могла бы, понимаешь, получить флегмона...

— И гангрена.

— ...и гангрена. Так и она мне сказала.

— Может еще и полное заражение крови. Как это — сепсис?

— Может и сепсис. А когда, понимаешь, резать она замахнулась, ножичек у нее...

— Ланцет.

— ...ланцет у нее вот такой, блестит, да еще прямо из кипятка вынутый, горячий. Спрашивает: «Хотите, укол вам сделаю? Заморожу». Понимаешь, чтобы без боли. А я говорю: «Спасибо, не надо, я и так никогда никакой боли не чувствую». Ну ведь стыдно же было просить: уколите. А ка-ак полоснула она этим самым раскаленным ланцетом по руке, да второй раз, на глубину до самого сердца — кровища, дрянь всякая брызнула... Ну, понимаешь, я и... промок...

Михаил хохотал, громко, раскатисто.

— Ой, Макся, позор какой!..

— А она не заметила, говорит: «Ничего, ничего, вы еще как мужчина держитесь. Другие так, случается, в обморок падают». Зато сейчас, гляди, какая рука! Эх, все-таки здорово наша медицина работает!

Мороз в эти дни сдал, окна оттаяли, только по самому низу лоснились толстые ледяные наплывы. Сквозь осветлевшие стекла теперь было видно, как бродят по тайге высокие, белые тени — дул не сильный, порывистый ветер, встряхивал вершины деревьев и снежная крупа косо летела на землю. Наледь на Ингута застыла, закрепила, машины к Читаутскому рейду шли напрямую. Михаилу работы на дороге хватало по горло. Работал он вообще всегда с охотой. Но теперь возвращался домой какой-то раздраженный, ворчливый. А когда Максим, измученный нестерпимой болью в руке, выждав начало оттепели, отправился в медпункт Читаутского рейда и оттуда вернулся повеселевшим, к Михаилу стало и вовсе не подступиться. Он все время старался так или иначе поддеть Максима, выставить его в смешном виде, чтобы самому же потом вволю похохотать над ним. Максим это понимал, чувствовал, чего добивается от него Михаил, и охотно балаганил, только бы поднять настроение друга, но делал все это вслепую, жертвенно, не догадываясь о причине резкой перемены к нему Михаила. А догадаться бы можно. Максим побывал на рейде, и Михаила сверлило желание узнать, что там с Федосьей. Но прямо спросить он никак не мог, язык почему-то не поворачивался. А Максим, конечно, знал. Но не рассказывал.

С той ночи, когда Михаил, дотащив до места заочневшую Феню, перейдя выше колена дымящийся наледью Ингут, вернулся обратно в свой домик на негнущихся, как ледяные столбы, ногах и с обмороженными щеками, он не хотел даже и заводить разговор с Максимом об их негаданной гостье.

— Иди ты к черту со своей Федосьей! — орал он на Максима, когда тот пытался расспрашивать, где и как нашел ее в лесу Михаил, и почему вернулся только под самое утро и весь во льду. — Дура она сто раз! Идиотка! Черта ей лысого сделается! Дрыхнет сейчас на теплой перине, а я вот... — он стоял у докрасна раскалившейся печки и поленом разбивал на штанах ледяной панцирь. — В общем, Макся, пройдет если когда-нибудь еще здесь эта Федосья, таким вот поленом

ноги ей переломаю, а тебя —пустишь ее снова ночевать —вытащу, голой мякотью в Ингут посажу и буду держать, пока в наледь, как тряпка, не вмерзнешь.

— Да ты хоть объяс...

— Конец!

— Ты скажи только...

— Поленом по голове захотел?!

Максим плюнул и пошел спать.

Теперь Михаил бесился, сам изнемогая от желания что-нибудь узнать о Фене — Федосье. Но в открытую спрашивать Максима не хотел и не мог. Максим же, помня грозный приказ Михаила, помалкивал.

А рассказать бы он мог многое.

Он побывал на квартире у Фени и довольно долго с ней разговаривал. Феня лежала, вся огороженная подушками. Багровые, распухшие щеки делали странно широким и плоским ее лицо, блестящее от аптечных мазей, сменивших теперь гусиный жир. Девушку лихорадило, она то и дело подтягивала к подбородку ватное одеяло, перехватывая его забинтованными руками. Максима она сразу узнала и очень ему обрадовалась. Максим поздоровался, спросил, как она себя чувствует, и предупредил: если ей больно или запрещено разговаривать, пусть молчит, он скажет ей то, что ему необходимо, и уйдет. Феня запротестовала: мало ли что больно, больно, конечно, но говорить она может и хочет. Сказала, что чувствует себя лучше и что ей стыдно теперь, как по-глупому все тогда получилось. Максим великодушно взял всю вину на себя, доказал, что он вполне мог бы вовремя остановить Михаила, но вот как-то так... А в общем Феня поступила очень правильно, и он сам бы... Только нельзя же было в такой мороз... Феня спросила: «Мне следовало подождать оттепели?»... Нет, не оттепели, а... Но... Словом, если она хочет, Максим притащит Мишку сюда и заставит его просить прощенья. Но сначала пусть она скажет, что хотя на него, на Максима, действительно нет несколько обиды...

Феня больше не перебивала, лежала тихо, слушала молча, и Максим, поощренный этим, как-то незаметно для себя, и во всяком случае не собираясь за счет Михаила выставлять напоказ свои достоинства, стал тем не менее открывать Фене одну за другой дурные черты в характере Михаила, такие черты, которых у него самого, у Максима, никогда не было. И тогда Феня вдруг подняла руку.

— Зачем вы так на него? —спросила. — Он хороший.

У Максима загорелись уши. Что же это выходит: он продает своего друга?

— Да-а, Мишка очень хороший! — мужественно сказал он. — Вы меня, Фенечка, просто неправильно поняли.

Мог бы обо всем этом по-дружески рассказать Максим Михаилу? Мог бы. Но как рассказывать, если Михаила это совсем не интересует; больше того — злит, а Максиму больно называть Фенино имя для грубой издевки! К этому даже и дружба уже не обязывает.

И Максим держал себя так, словно вовсе и не ходил проводить Феню.

И это было, пожалуй, первое в его жизни, что он утаил от Михаила.

Зато он с подробностями, каких может быть в действительности и не было, разрисовал, как познакомился с новым начальником рейда. Впрочем, тоже умолчав об одной лишь подробности: с Цагеридзе он встретился на квартире Баженовой. Тот вошел, когда Максим уже

прощался с Феней, а старушка, провожая Максима до двери, уговаривала его заходить к ним почаще. Видимо, он ей чем-то понравился.

— Понимаешь, — так изобразил Максим эту свою встречу, — уже совсем собираюсь я уходить из... этого... ну, медпункта. Вдруг появляется — высокий, черный и малость прихрамывает. Грузин. «Здравствуй!» — «Здравствуй!» Понимаешь, новый начальник, вместо Лопатина. Дальше такой разговор: кто я, откуда? Ну, я ему всю нашу полную биографию. «По комсомольским путевкам?» — говорит. Вот именно, говорю я, добровольно поехали в самую глушь. Он говорит: «Здесь, насколько я географию знаю, не самая глушь. В Сибири бывают места куда глуше — пятьсот километров пройдешь, рассказывают, и человека не встретишь. Только во имя чего бы даже в такие места, да еще по комсомольским путевкам, ехать? Со страхом бороться? Вот, дескать, вокруг тайга дикая, звери всякие, пурга, мороз, а мы — герои, живем вдвоем, ничего не боимся. Одного такого героя как раз недавно я видел — даже сам черт его не берет». Я ему говорю: правильно рассуждаете, точно так и мы с Мишкой решили. Он говорит: «А меня бабушка бороться со страхом учила иначе. Посадит, замкнет одного в темной комнате, ночью, и велит наощупь искать чертей, за хвост их ловить. Результат одинаковый. Но для государства таким способом трусишек от страха лечить дешевле, выгоднее, чем по комсомольским путевкам в тайгу везти». Ну, я тут было поднялся. Говорю: это оскорбительно, насчет страха — шуточки, мы поехали, чтобы Сибирь осваивать, поехали на передовую линию, где труднее. А он: «Передовая линия не всегда там, где глуше, и труднее тоже не обязательно там, где глуше. Во всяком случае, на нашем рейде передовая не на Ингуте, а скорее тут, где заморожен во льду миллион. Этот миллион обязательно вытащить нужно, и это похитрее, чем поймать в капкан, как их называют? — колонка». Я ему говорю: вообще верно. Но как понимать: это не намек, чтобы мы с Ингута сюда переехали? Он говорит: «Начальники не намекают, а приказывают. Я приказывать не хочу, а подадите заявление — вероятно, напишу резолюцию «согласен». Я говорю: так ни я, ни Мишка — оба мы никакой специальности не имеем. Он: «Я, между прочим, тоже ничего не умею, а вот начальником даже назначили». Смеется. Зубы у него белые-белые. Говорит: «Здесь-то вы чему-нибудь все же научитесь. А там, на Ингуте, в «глуши» вашей, чему? Не приказ, а совет — подумайте». Я говорю: ладно, подумаем. Сам я сейчас сказать ничего не могу, нас ведь двое, а голова у двоих одна...

— Стоп! — заорал Михаил. — Вот не знал я. Выходит, ты без головы, Макся?

— Ну... я же в переносном смысле... я имел в виду — общая... Понимаешь, мысль общая, единая. Как, будем думать?

— Думать, Макся, всегда нужно. Полезно.

И теперь, в сотый раз любуясь багровой, с синеватым отливом, блестящей кожей на больной руке, Максим тоже наверно в сотый раз завел свой разговор.

— Давай все-таки думать, Мишка. А?

Михаил, как солдатиков, расставил патроны. Сперва в одну шеренгу, потом перестроил, так сказать, повзводно: мелкую дробь, крупную дробь, картечь, жаканы. Он не спешил отвечать, но по лицу его было видно, что разговор этот вообще ему нравится и только, может быть, жаль — не сам Михаил его начинает.

— «Думать»... Не думать, Макся, а заново взвешивать, — наконец,

медленно проговорил он и втолкнул последний жакан в последний патрон. — Думано все это было, брат, еще когда мы с тобой комсомольские путевки получали. Не такая разве и тогда уже была у нас с тобой «общая мысль» — работать там, где интересней и где труднее?

— Раньше всего, где нужнее, — добавил Максим.

— Надо слушать. С этого я и начал — где нужнее. Стало быть все уже было думано? Было! А взвешивать, согласен, давай. На весах у нас Ингут и рейд Читаутский. Начинаем. Первое: где интересней?

— Для меня — на рейде, — без колебаний сказал Максим.

Михаил поутюжил пальцами свой длинный нос, подергал его за кончик, словно проверяя, — нельзя ли вытянуть его еще немного.

— Ну-у... Это, брат, называется чистой эмпирикой. Я — за движения души, но все-таки, чтобы и не против логики. Поэтому, выкладывай доказательства. Чем интересней?

Если бы такой вопрос Максиму задал гипнотизер, погрузив предварительно в сон и совершенно выключив его волю, Максим вероятно ответил бы: «На рейде — Феня. Этим и интересней». Михаилу он так ответить не мог. И не потому, что хотел бы скрыть от него это, в действительности — больше всего манящее обстоятельство. Просто он сам не считал его главным, во всяком случае, — главным, подлежащим, по требованию Михаила, логическому обоснованию. И он начал загибать пальцы на здоровой руке.

— Народу там больше. Общение, разговоры.

— Раз, — сказал Михаил. — Мало убедительно. Здесь мы тоже не робинзоны. Людей видим. Говорить не разучимся. Зато на Ингуте мы в самом благодатном уголке первозданной природы. Дальше?

— На рейд из Погорюя каждую неделю привозят кинокартины, а радиоприемники имеются почти в каждом доме.

— Два, — сказал Михаил. — Не годится. Быть среди живой природы лучше, чем видеть ее на экране, плоскую и серую. Попереживать над судьбой человеческой? Пожалуйста, бери на рейде в библиотеке книги, приноси сюда, читай и переживай. А радио — ну, давай, купим! Деньги же есть. Дальше?

— Там чему-нибудь нас выучат, а здесь — чему? Так и Цагеридзе сказал. А я бы, например, с удовольствием — мотористом на катер. Здесь, как ни считай, мы с тобой чернорабочие.

— Разнорабочие, — поправил Михаил, — черной работы не существует, и белой — тоже. Любая работа — труд. А работа, которая никаких знаний не требует, та — «разная». Но мотористом на катер, прямо сказать, и я бы не прочь. Может, тебе лучше бы в рулевые?

— Ну, там разберемся, — миролюбиво проговорил Максим. — А на катере, понимаешь, плоты отводить, буксировать илимки с грузом... Главное производство! Река. Тайга. Воздух. Дождь. Солнце. И, понимаешь, настоящая рабочая специальность.

— Ладно, я в рулевые пойду, — сказал Михаил, словно для этого не хватало только его согласия. — Рулевой на катере, иными словами, — капитан корабля. — И спохватился: — Давай еще доказательства.

Максим подумал.

— Все. Больше нет. Подсчитываем очки. Из трех предложенных доказательств я принял три, ты — одно. Не приняли: я нуль, ты — два. Складываем все это вместе, в одну душу. Получается, плюсов четыре, минусов два. Так?

— Математика, конечно, тут не годится, но, скажем, так, — не

очень охотно подтвердил Михаил. — Пошли дальше. Доказывай теперь, где труднее.

И Максим опять обосновал три своих доказательства и снова набрал четыре плюса и два минуса. Плюсиков могло бы оказаться и больше, если бы Максим сумел убедить Михаила в том, что работа моториста в общем труднее, чем работа «смотрителя дорог». Михаил упрямо повторял, что Максим путает два понятия — трудность и интересность и что работа моториста попросту интереснее, а не труднее. Он щупал свои бицепсы и кричал: «Кому больше они нужны — рабочему на дорогах или мотористу?» Максим протестовал: «Не меряй трудности только на силу рук. Голова! Голове где труднее?» И Михаил резал его под самый корень: «Голове труднее всего спорить с тобой, Макся».

Вопрос «где нужнее» рассмотрен был почти при полном обоюдном согласии. Только одно очко было засчитано против. Если перебираться на рейд с прицелом работать на катере, так не нужнее ли они пока здесь, при дороге? До лета еще далеко, а возят лес сейчас каждый день. Максим, правда, пытался доказывать, что вырубить и вытащить из льда замороженных бревен на миллион рублей — дело никак не менее нужное, чем вывозка к реке вновь заготовленного леса, но Михаил и тут его смял: «Разве может государство рассчитывать на то, что уже, считай, пропало, и на второе место ставить нормальный план заготовки и вывозки леса! Надо, Макся, мыслить, а не просто красивые слова говорить».

Они поспорили еще по пустякам, но в главном договорились: конечно, если все брать относительно, так передовая линия трудового фронта проходит все же намного ближе к самому Читаутскому рейду, чем к лесовозной дороге через Ингут. Стало быть и можно и должно переехать на рейд.

— Помнишь, Макся, у Николая Островского: жизнь человеку дается один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... Может, Макся, мы с тобой ошиблись с самого начала — не поехали на целину, или на Братскую ГЭС, или куда-нибудь еще на большую стройку. Может, там и вернее сошлись бы все наши три «где» — где труднее, где нужнее и где интереснее. Но порхать, как мотыльки, от одного огонька к другому мы не должны. Приехали сюда — точка! Надо сперва здесь по-настоящему проверить все свои три «где», а там уж решать — по нашим ли, Макся, с тобой умишкам и всему прочему ехать еще куда-то. Оно ведь и на Братской ГЭС можно так, как мы сейчас, дороги только чистить. Первый класс рабочей жизни с тобой, мы считаем, закончили, подаем заявления во второй класс — на специальности рулевых, мотористов. — Михаил костяшками пальцев постучал по столу, сгреб, свалил в одну кучу все расставленные было, как солдатики, патроны, сдвинул туда же банки с порохом, с дробью, выбежал на середину избы, крутанулся на одной ноге. — Э-эх, черт! — и давай пинать, гонять по полу валенки, сброшенные Максимом возле печки: — Макся, а ведь жаль будет все-таки уходить отсюда! Хорошо здесь жилось! Там, на рейде, к примеру, так уже не поохотишься. И вообще там — полтайги только. Если не четверть.

— До Ингута от рейда по прямой десять километров всего, — заметил Максим. — Два часа легкого ходу.

— И дисциплина там что ли такая будет, как здесь?

061136740
019336

Максим что-то хотел сказать, возразить, — Михаил заорал на него.

— Молчи! Сам я всего не понимаю что ли? Ты резиновый. Тебя надави, отпусти и ты опять как был. А я стекло. Лишнего нажми — сломаюсь, черкани алмазом — навсегда царапина останется.

— А ты знаешь, — вдруг обозлясь, закричал и Максим, — а ты знаешь, что ты после той ночи, как у нас ночевала... ты стал не стекло, а пустая железная бочка. Из-под бензину. Чуть дотронься — и загремит! А зажги спичку около — разорвется, как мина. И еще ты стал...

Михаил ухватил его одной рукой за пояс, другой — под коленки, подержал на весу и легко кинул на кровать. Сам навалился грудью на грудь, зажал круглые Максимовы щеки между своими жесткими ладонями.

— Макся, гляди мне в глаза. Я все понимаю. Ежели в нашу с тобой мужскую дружбу какая-нибудь там Федосья войдет и расколется нас, разделит — ударь меня в лицо, когда скажу я тебе об этом. То же и я сделаю, когда ты мне такое скажешь. И больше после этого мы друг друга не знаем. Понял? Можешь сейчас меня ударить? Ну! Бей! — и сразу отвалился от Максима, посадил его на кровать. — Бей, говорю? Можешь?

— Н-нет... уйди ты... Не могу... Ну тебя, — промычал Максим. Он совершенно обалдел от встряски.

— Не можешь? То-то же! — Михаил грубовато засмеялся. — Макся, а ведь ничего на свете нет лучше дружбы. Ну, давай, черт, свою руку! А Федосьи всякие — да гори они синим огнем!

. . .

Цагеридзе стоял у окна. Глядел, как бродят по тайге косматые снежные тени, то широко заслоняя собой даже самые ближние к конторе деревья, то, словно бы скрутившись в толстые тугие жгуты, уходят куда-то вглубь, в лесную чащобу, а вслед за ними устало волочатся по низу метельные хвосты поземки.

Четвертый день с тех пор, как ослабли морозы, дует и дует ветер, гонит и гонит над лесом седые грузные тучи, все окрест засыпает снежной крупой, а на затишных опушках, у заборов, в островных тальниках громоздит новые плотные сугробы. Боже, боже, сколько снегу повсюду! А сколько его выпадет еще до весны?

Красноярск — город метельный и снежный. Но что красноярские снега и метели в сравнении с этим? На Севере, где в узел сходятся меридианы, есть полюс географический: чуть в стороне от него — полюс магнитный; еще подалее, в сторону ледяного моря Бофора — полюс недоступности; среди Яно-Оймяконских нагорий, в долине Индигирки, — полюс холода; а здесь вот, в Читаутской тайге, наверно, — полюс снега. Да-а... А под невообразимыми толщами снега, где-то во льду заморожен народный миллион, спасти который — дело чести и совести его, Цагеридзе. И он смотрел и думал: зима уже на самом перевале, дни текут и текут, а что им предпринято для спасения леса? Реального пока ничего, равным счетом. Как подступиться к ледяному кладу?

Он восстановил в памяти разговоры в тресте, при его назначении сюда. В целом они сводились к тому, что сплав по сибирским рекам, увы, — дело во многом зависящее от стихии. Ну что, действительно, прикажете делать, если в верхних малых притоках Читаута с весны не оказалось в достатке воды? Если с грехом пополам и ценой огромных и

честных усилий весь лес из этих притоков выгнали только во второй половине лета, а тут пошло: то бешеный подъем воды в самом Читауте, то резкий спад, при котором плывущие по реке бревна затягивает в мелкие глухие протоки, осаживает на отмелях, бесконечной лентой выстилает в прибрежных кустарниках?

До поздней осени, до самой крайней возможности шли люди с зачисткой «хвостов», вытаскивали, выводили замытые илом бревна из мелких проток, рубили кусты и высвобождали завязший в них отменный длинномерный лес, катили его по песчаным отмелям вручную, стяжками — иначе как? — иногда добрых три сотни метров до глубокой воды, и тут вдруг ударил мороз, начались сразу снежные выюги, по реке поползла густая зеленая шуга. И все вместе — бревна и жесткая ледяная каша — загромождали собою запань, забили протоку до самого дна. Еще день, другой, и все спаялось, окостенело, превратилось в сплошной панцирь. Новым снегопадом засыпало, заровняло все шероховатости в запани, хоть на тройках катайся, скачи по ней. Сколько оказалось в ледяном плену бревен? Кто знает! Сплавная арифметика всегда очень проста. Известно точное количество леса, сброшенного с берегов в реку, известно сколько его связано в запани в плоты, известно, что на отмелях, в кустах и мелких протоках «хвостов», как будто, не оказалось, стало быть, вся разница — либо «утоп», либо аварийный вынос из запани, либо, наконец, остаток леса в самой запани. Считали, считали, прибрасывали разные потери по самым высшим нормам, и определили: на рейде во льду заморожено примерно двадцать восемь тысяч кубометров.

Особо тогда поговорили в тресте: кто виновен? Лопатин? Нет, со всей решительностью этого нельзя сказать. Выпивал он изрядно, это верно. Но кто из сплавщиков не пьет? Начальником рейда Лопатин работал восемь лет, и результаты по осени, даже в еще более трудные годы, всегда были хорошими. Такая страшная беда оказалась для него и первой и последней в жизни. Не надо все валить на мертвого, хотя иногда кое-кто это и любит делать. Виновна природа. В отчетах по сплаву есть специальная графа «потери от стихийных бедствий». Если выручить замороженный в запани лес не удастся, весной, после ледохода, придется списать его по этой графе. Цагеридзе, напутствуя его, так и сказали: «Принимайте дела и посмотрите на месте, можно ли что-нибудь сделать. Вы — молодой специалист, а молодость щедра на выдумки. Представьте свои соображения, расчеты. Будем решать».

И вот сегодня с утра целый день он здесь, на рейде, разговаривал с людьми. Можно было бы это назвать производственным совещанием. Баженова, как плановик и как председатель месткома, настаивала так и записать в протокол. Цагеридзе сказал: «Не надо никак называть этот наш разговор. И пусть он будет без протокола. Пусть всякий говорит, что хочет и о чем хочет. Но мне хотелось бы послушать прежде всего, как нам спасти лес».

Народу набилось битком, полнешенек весь красный уголок. Говорили о разном: о нехватке жилья, о том, что в поселке нет электрического света, о столовой, где холодно и грязно... Важный и нужный разговор. А больше всего говорили о главном, о замороженном лесе. Поговорить об этом, наверно, хотелось всем, но люди стали повторять один другого, и Женька подняла крик: «Довольно! Все ясно!» Пожалуй, она была права. Самое существенное было сказано твердо: спасти лес можно. Вопрос — какой ценой?

Василий Петрович опять издевательски повторял о «мильёне», который обойдется государству в два «мильёна». Говорил, что даже на

войне никогда не пожертвуют полком, чтобы спасти одну роту, хотя там идет речь о живых людях, а здесь всего лишь о мертвых бревнах, о лесе, которого в Сибири пожарами уничтожается в «тыщу» раз больше, чем люди заготавливают в дело. Ежели мы лес этот выручим, а затратим на него вдвое более, чем сам он стоит, закончил он свою речь, я по обязанности весь материал передам прокурору.

Высокий, сухощавый, со старчески западающими глазами лоцман Герасимов задиристо ему возразил: «Прокурор тоже не черт, это чертом нас раньше пугали. На сплаве без риска нельзя, на сплаве риск кругом. Поплывешь — вдруг на мель плот посадишь. Или на порогах его разобьет. Валяй тогда, за всякий раз тащи Кузьму Герасимова к прокурору, тащи за то, что он, дурак седой, не рассчитал внезапный ветер, не разглядел за пять километров струю, не убил моториста на катере за то, что он вовремя головку у плота не сумел «отработать». По-видимости, Кузьме Герасимову с юношества надо было в контору идти, прибыля подсчитывать, а начальникам рейдов — велеть заготовленный лес вовсе в реку не скатывать, чтобы с ним, сволочным, в пути на воде грех какой не случился. А насчет того примера, что в Сибири на корню зазря много лесу горит — нам подсовывать это нечего. Добрый хозяин по расточителю никогда не равняется, и ежели к сотням тысяч кубов леса, погоревшего на корню, прибавим еще свои двадцать восемь тысяч кубов, обработанные руками человеческими, — нам это будет только в позор. Лес надо выручать, и никаких гвоздей. А прибыля станем после подсчитывать. Не спасем лес — стало быть просто у государства в хозяйстве, в работе его окажется меньше, где-то, какой-то план от этого тоже не выполнится».

Вот все время вокруг этих двух тяжелых, глыбистых мнений, собственно, и бурлил весь горячий сегодняшней разговор. И все казалось в нем стоящим и справедливым, доводы и той и другой стороны. Одного лишь начисто не принимала душа Цагеридзе — это отказ от попытки спасти замороженный лес. Он в его сознании неотступно рисовался то фантастическим железнодорожным составом в пятьсот-шестьсот груженых платформ, то целыми улицами новеньких домов в рабочем поселке, то миллионами экземпляров книг, то кипами нежного, переливчатого вязкого шелка. Двадцать восемь тысяч кубометров!.. Если бревна положить впритык одно вслед за другим, получится «ожерелье» длиной примерно в сорок километров. Если эти бревна распилить на доски...

Он слушал, что говорили рабочие, а сам на листе бумаги рисовал замысловатые геометрические фигуры и между этим считал, считал, карандашом прикидывал на разные лады, что можно сделать еще из двадцати восьми тысяч кубометров отличного сибирского леса. Он стал просто одержим этой мыслью. И раньше еще, чем Женька выкрикнула: «Довольно! Все ясно!», ему самому уже хотелось подняться и сказать: «Не надо больше спорить. Давайте будем работать. Беда лишь, я не знаю главного — каким способом должны мы спасать лес». Но тут, после Женькиного выкрика, как-то сразу все смешалось и перепуталось, люди повставали со своих мест, несколькими потоками стали пробиваться навстречу друг другу, зашумели совсем уж в полные голоса, и самому Цагеридзе не удалось в конце сказать ничего. Обижаться было нельзя: сам заявил, что это не производственное совещание и решений никаких приниматься не будет. А поговорить — поговорили. Теперь — начальник думай.

И вот Цагеридзе стоял у окна и думал. Решений могут быть десятки, а правильных из них — два или три, и лишь одно — самое лучшее. Какое именно? Сегодняшний большой разговор был очень полезен. Но отвечать за все придется только ему одному. И подписывать приказ всего двумя словами: Николай Цагеридзе...

А все-таки, хотя немного и смешно, а как хорошо жилось в детстве, когда можно было попросить совета у бабушки!

Есть всегда что-то особенное в совете очень дорогого тебе человека. Пусть он не знает дела, зато он знает тебя, он знает, как снять с твоей души сомнения, укрепить веру в успех. А разве это мало, разве это меньше, чем совет знающего дело, но не знающего тебя человека? С кем здесь посоветоваться так, как со своей бабушкой?

Вошла Лида, кутаясь в серый вязаный платок. Поглядывая немного исподлобья на Цагеридзе, спросила:

— Мне можно отлучиться по личному делу, Николай Григорьевич? Занятый своими мыслями, он почти механически проговорил:

— А куда?

Лида наклонила голову к плечу, закачались ее большие круглые серьги.

— Да так... совсем по личному делу, — уклончиво сказала она. И вдруг, в порыве честной откровенности, добавила: — В магазин. Из Погорюя с базы привезли туфли. Та-кие туфли!.. Восемь пар всего. Расхватывают сразу. Знаете, красный шевро, спереди вроде решеточкой и золотая пряжка сбоку. Каблучок не шибко высокий, но все же узенький. Вам нравятся такие?

У каждого своя забота: у Цагеридзе — замороженный во льду миллион, у Лидочки — красные с золотой пряжкой туфли. Лес из запани может унести весенним ледоходом, туфли, если прозевать, могут расхватать другие. Все нужно делать вовремя. Нравятся ли ему красные туфли с решеточкой и золотой пряжкой, да еще на «узеньком» каблучке? Он этого не знает, ничего не смыслит в дамской обуви, но девушке нужен совет, нужна поддержка.

— Мне больше всего на свете нравятся такие туфли, — сказал он. — Не упустите случая, Лидочка. Бегите скорее. Деньги у вас есть? Хотите, я пойду вместе с вами и помогу вам выбрать самые лучшие?

Он это сказал и тут же понял, что как и в первый день своего появления здесь, он снова нанес нечаянную обиду девушке, заставил ее вспыхнуть гневным румянцем. Цагеридзе вдруг вспомнилось, что разбирая залежи бумаг и всякого хлама в тумбах письменного стола Лопатина, он наткнулся на измятую, словно бы в злости скрученную пустую коробку из-под модельной дамской обуви. Не Лидочке ли предназначался этот подарок, а потом, получив отповедь, Лопатин отдал его какой-то другой женщине? О Лопатине Лида всегда отзывалась сдержанно, со скрытой глухой неприязнью. Не повторяет ли неволью

сейчас и Цагеридзе, только совсем с другими намерениями, все то, что до него этой девушке говорил и Лопатин? Что будет думать она о мужчинах? И о начальниках, которым «все можно»?

— Я должен у вас попросить прощения, Лидочка, — сказал Цагеридзе, — но когда очень нуждаешься в добром совете, как-то нечаянно и сам начинаешь советовать другим. Моя большая беда в том, что я совершенно не умею разговаривать с девушками. Или я обижаю их, или они обижают меня. Поэтому я беру все свои слова назад, кроме просьбы немедленно пойти в магазин и купить себе туфли с золотыми пряжками.

Этот короткий и очень земной разговор с Лидой вывел Цагеридзе из сложных раздумий. Он уселся за стол, начал просматривать свои утренние записи и постепенно, с головой, углубился в расчеты.

Самым желанным, конечно, было бы отстоять замороженный лес прямо в запани, не выкалывая его из льда и не выкатывая на берег. Это значило, что нужно пропустить весь весенний ледоход только по главному руслу Читаута, не позволяя ледяным полям ворваться в протоку, где установлена запань. Прекрасно! Превосходно! Но как это сделать? Утром рабочие в голос повторяли одно: Читаут—река быстрая, ледоход на ней всегда плотный, сильный, взламывается лед на подъеме воды и часто идет не только главным руслом и протокой, но даже и напролом, через остров. «Часто...» А кто может сказать, как будет в этом году? Станешь весь конец зимы готовить, рубить длинные косые майны — проруби — у начала протоки, а весной подрывать динамитом лед в главном русле ниже острова, чтобы ослабить давление ледяных полей на запань в момент первой подвижки, и все это может оказаться совсем ни к чему, если Читаут тронется на высоком урезе воды. Ведь лед, что в главном русле, что в протоке будет уже одинаково по-весеннему дряблым, майны быстро сожмутся и тогда...

А если выкалывать лес? Потом вывозить его на берег. Но куда? На остров ближе и легче, но там все равно может срезать его и унести ледоходом. Сюда, к поселку — здесь берег невероятно крут и осыпается, надо строить «взвоз», дорогу. И главное — нет механизмов, нет техники ни для выколки и выкатки бревен, ни для их вывозки. И не только нет техники, но и людей. Для обычного круга работы кому бы нужно было все это? «На то и форс-мажор», как говорит Василий Петрович. Здесь, под рукой, нет никаких резервов, кроме взрывчатки и тросов. Лебедки, трактора, автомашины доставить сюда зимой невозможно. То есть возможно все, но в какую копеечку это влетит? По этим вот сугробам снега, по зимним проселочным дорогам и вовсе без дорог, за многие сотни километров гнать технику сюда своим ходом из Красноярска... Нет, этого никто не позволит! Снять автомашины с нового лесозаготовительного участка, который за Ингутом? Получится Тришкин кафтан. Может быть и удастся с помощью этих машин вывезти на безопасное место замороженный лес, но наверняка лесоучастку не удастся тогда выполнить свою основную программу по вывозке, которая из-за морозов и снегопадов и так находится под угрозой. Нет, взять оттуда машины тоже никто не позволит...

Форс-мажор... Выходит, прав Василий Петрович? И ему, Цагеридзе, нужно посылать в трест докладную записку, прося разрешения списать миллион?

Ну, нет...

Он принялся за новые подсчеты, задумав для сопоставления сделать по крайней мере шесть различных вариантов. Приготовил норма-

тивны́е справочники, положил рядом с ними логарифмическую линейку, выточил карандаши и откинулся на спинку стула.

— Слушай, Нико, — сказал он сам себе, зажмуривая глаза, — считай честно. Но подсчитай так, чтобы лес был все-таки спасен, миллион — хотя бы ценой полмиллиона. Припомни историю постройки Петербурга. На площади остался лежать огромный камень. Чтобы увезти его, нужно было тоже затратить очень много денег. И много образованных строителей думало, как это сделать. Предлагались хитрейшие приспособления. А пришел простой мужик, сказал: «Я сделаю быстро и дешево». И сделал. Выкопал яму, свалил в нее камень, а землю вывез на обыкновенной телеге. Если ты, Николай Цагеридзе, инженер — найди инженерное решение, если ты еще, как был, простой мужик — выкопай яму, в которую на время ледохода можно было бы спрятать двадцать восемь тысяч кубометров леса. Иначе тебе придется отрезать и вторую ногу. И единственную голову, вместо которой тебе тогда сделают тоже хороший деревянный протез...

Все это он говорил вслух, медленно, негромко, так, словно бы задумчиво беседовал с каким-то посторонним, и в то же время очень близким для него, другим Николаем. И когда сказал о протезе, заменяющем голову, ему вдруг стало смешно. Не потому, что было это остроумно — он просто зрительно представил себя с карикатурной деревянной головой. И засмеялся. Радостно, хорошо засмеялся. К нему пришла уверенность, что правильное решение он теперь непременно найдет. Он засмеялся, и вместе с ним в комнате засмеялся еще кто-то. Цагеридзе испуганно открыл глаза: вот так попался... Перед ним стояла Баженова. Силилась и не могла скрыть своей солнечно-светлой улыбки. И видно было, что смеется она тоже не потому, что есть какая-то малость забавного в самих словах Цагеридзе, — смеется она ответно той радости, которая вдруг осветила его лицо.

— С собой, Николай Григорьевич, вы, оказывается, разговариваете ласковее, чем с другими.

Он в замешательстве стал переключать справочники с места на место.

— Вы так считаете, Мария? Хорошо, я тогда могу проделать и с вашей головой то же самое, что пообещал себе. Или и это будет недостаточно ласково?

Баженова развела руками.

— Пожалуйста! Только мне-то за что?

— За то, что вы запланировали раннюю зиму и заморозили лес.

— Ну, если это сделала я — рубите скорее, — она с шутливой покорностью наклонила голову. Синеватым отливом блеснули ее черные, в тугий узел на затылке собранные волосы. Открылась белая, в меру полная шея, и Цагеридзе увидел идущий от позвоночника к ключице глубокий, не очень старый шрам, словно от разреза ножом.

— О-о!.. Да вам, Мария, кажется мне, уже кто-то пробовал рубить голову! — нечаянно вырвалось у Цагеридзе. И было это словно новый удар ножом. Он поспешил извиниться. — Простите, пожалуйста.

Но Баженова уже стояла перед ним прямая, гордая. И хотя улыбка еще не совсем сбежала у нее с лица, влажно поблескивали редкие красивые зубы — глаза глядели холодно, отчужденно и с тем оттенком боли и тоски, который уже был знаком Цагеридзе по его первой встрече с Баженовой.

— Да. Пробовали, — с каким-то вызовом сказала она.

— Кто? — опять против воли спросил Цагеридзе, по-прежнему не думая о том, что нельзя так — грубо, бестактно — расспрашивать молодую женщину о происхождении шрама на шее.

— Кто? — переспросила Баженова. — Я сама. — Помолчала, глядя вбок, словно бы в едва различимую даль, и чуть слышно добавила: — Любовь...

И на этом слове сразу оборвался их разговор. Баженова постояла немного, все так же глядя вбок, и вышла.

Цагеридзе в этот день задержался в конторе до самой глубокой ночи. Домой, точнее, — на квартиру к Баженовой, ему идти не хотелось. Он не любил неясностей, недомолвок, а Мария и все, что ее окружало, за исключением Фени, было сплошь неясным и в недомолвках. Домой... От «котежа», предложенного Василием Петровичем, он отказался. Лида не позволила ему ночевать в кабинете. Баженова радушно сказала: «Да, пожалуйста, живите пока у меня». Иного выхода не было. И он согласился, хотя в доме Баженовой оказался словно бы пассажиром поезда дальнего следования и поместился в купе, в котором кроме него едет три женщины — укладываясь спать, неловко при них раздеваться.

У Баженовой с матерью были какие-то свои разговоры, понятные только им двоим. Их никогда не начинала Мария, она вздрагивала всякий раз, когда старуха скрипучим, ворчливым голосом ее окликала: «Марья Сергеевна...» Баженова не начинала эти разговоры. Но заканчивала их обычно только она, и заканчивала чаще всего жестко, сухо. Цагеридзе чувствовал, как больно и тяжело Баженовой разговаривать с матерью при нем. Видимо, ей хотелось оставаться всегда спокойной, ровной и ласковой, как это было вне дома, но беспощадная воля старухи вытягивала из нее напоказ постороннему всю глухо скрытую злобность, которую по отношению к матери Цагеридзе уж никак не мог оправдать.

А тут еще это нечаянное признание Марии о какой-то, по-видимому, несчастной любви, заставившей ее пытаться покончить с собой... Нет, нет, не надо ничего знать больше! «В личном листке обо мне написано все», — в первый же вечер отрезала Баженова. И прекрасно. Он, Цагеридзе, любит открытую, светлую, а не вынужденную откровенность.

Вот девушка Феня — совсем другое дело. Она вся на виду. Конечно, ей и лет поменьше, чем Баженовой, жизнь ничем не успела ее обидеть, но, кажется, случись с нею любая беда — Феня пойдет к людям, а не замкнется душой, как Мария. Обморозилась она очень сильно. Виной этому собственная гордость, а еще больше — чудаковатые парни с Ингута. Озлобиться бы на этих молодцов! А Феня уже совсем по-дружески разговаривала с одним из них, и сегодня с интересом справлялась — правда ли, что они собираются переезжать на Читаутский рейд? Другая бы нарисовала всяких ужасов, как героически она глухой, морозной ночью одна брела по тайге. А Феня теперь рассказывает обо всем с теплым юморком, словно вовсе и не опухли у нее руки и ноги, и жесткими коростами не стягивается кожа на щеках. Она следует правилу поэта, «а что пройдет — то будет мило!» Хорошая, славная девушка. Такая жизнь проживет, словно песню споет. От нее и в доме Баженовой как-то светлее. Только из-за нее и стоит, пожалуй, замкнуть ящик стола в конторе, подняться и пойти...

Цагеридзе засунул в картонную папку все свои черновые расчеты, пока бесцельные, без главной мысли, аккуратной стопочкой сложил справочники и погасил свет. Враз наступившая темнота словно бы сдавила кабинет, сделала его узким, тесным, но зато глубоко и мягко выделила все, что находилось за окном. Только теперь Цагеридзе почувствовал, что в кабинете стало очень жарко. Тоненько журча сбегала с подоконника на пол струйка воды. Уже не жесткая, а ласковая рука метели гладила снаружи оконные стекла. Снежная крупа превратилась в легко порхающих бабочек. Было видно, как они стремятся прицепиться, прильнуть к темному стеклу и все соскальзывают и соскальзывают, обрываются, падают вниз. Ах, как здорово сторожиха натопила печь! Ей помогла еще и начавшаяся оттепель.

Одуряющая, угарная истома охватила Цагеридзе. Он припал лицом к влажному, прохладному стеклу. Снежная мгла медленно двигалась за окном, чередуясь своими то светлыми, то темными полосами, уходящими в какие-то невообразимо далекие и глубокие провалы, из которых неясными силуэтами вдруг возникали немо покачивающиеся ветви деревьев. Цагеридзе долго-долго вглядывался туда, в эти темные, таежные бездны, пока ему не примерещилась танцующая в снежной метели девичья фигурка. Она все время кружилась в глубине леса, старательно прячась за стволами сосен и лиственниц, но иногда неожиданно подбегала к самому дому и, улыбочивая, проносилась, постукивая в стекло тонкими, легкими пальцами так, что Цагеридзе невольно отшатывался — казалось: там, за окном, озорует действительно какая-то девушка.

Ему вспомнилась такая же темная ночь, только апрельская, и прохлада не на оконном стекле, а разлитая над оцепеневшей в любовном томлении землей, когда, кажется, слышно как движутся вешние соки, распирая собою набухшие бутоны цветов. Он возвращался из соседнего селения домой. Там собрались, как и он, семнадцатилетние, подавшие заявления о вступлении добровольцами в армию. Сердца их горели жаждой борьбы, отмищенья, победы. Не было и тени страха, сомнений. Получив согласие военкома, не говорили больше о войне. Бурлило молодое веселье, словно на празднике свадьбы. Цагеридзе шел, а в ушах звенели отголоски песен, доли и зурны, хотелось еще и еще пройтись в бурном и напряженном танце, ощутить легкость, упругость своего тела, силу молодости.

Каменистая тропинка круто спускалась в долину. Слева, совсем близко шумела Квирила. Набежал теплый ветерок, шевельнул непокрытые волосы. Цагеридзе остановился, жадно глотая кружащий голову аромат земли. И в этот миг ему почудился протяжный и грустный вздох. Он прислушался. Вздох повторился. Долетели невнятно сказанные слова. Может быть там влюбленные? Цагеридзе нечаянно задел ногой камень, тот, подпрыгивая и шурша в кустах, покатился в Квирилу. Оттуда, снизу, из темноты донесся испуганный девичий голос:

— Кто это?

Цагеридзе ответил:

— Я, — не зная, как отозваться иначе.

Девичий голос, дрожа и обрываясь, взмолился:

— Ой! Я одна... Боюсь... Проводите меня.

Цагеридзе в недоумении повел плечами: кто бы это? Зачем девушка, если боится, забрела ночью и одна так далеко?

Он стал спускаться вниз по стремительной крутизне. Камни осы-

пались под ногами. Цагеридзе впотьмах хватался за колючие кусты и больно поранил себе руки.

Наконец, он очутился на берегу Квирилы. Пушистые комья пены колыхались в мелких заливчиках, над водой чернели высокие гранитные глыбы, где-то в лужице трепетала хвостом заблудившаяся рыбешка...

— Эге-ге-ге!

Молчание. Нигде никого. Цагеридзе пригнулся. Нет, сквозь мрак ночи не видно ничего. И ни единого звука. Только журчит и плещется Квирила.

— Эге-ге-ге! Где вы?

Тишина. Цагеридзе сделал вдоль берега несколько шагов. Остановился. И тут, где-то за спиной у себя, услышал приглушенный, дразнящий смех. Он быстро повернулся. Как привидение, скользнула в отдалении легкая белая фигура. Цагеридзе пошел к ней. Он шел, спотыкаясь о камни, а расстояние не сокращалось, девушка будто плыла по воздуху. Цагеридзе окликнул ее уже сердито:

— Слушайте... Остановитесь!

Девушка с готовностью отозвалась:

— Я жду. Идите.

Он пошел, и девушка вновь впереди него поплыла по воздуху.

— Стойте!

— Стою, — и сдержанный, обжигающий смех.

Он понял, что выглядит глупым, что он не должен больше окликать девушку, он должен настигнуть ее. Недаром среди юношей он во всей округе лучший бегун! А кто еще может прыгать так ловко, как он? Цагеридзе побежал, и девушка побежала, скользя легкой тенью вдоль реки. Камни стали попадаться все крупнее, выше, приходилось и прыгать и, помогая руками, карабкаться через них. Несколько раз Цагеридзе падал, добавляя к царапинам на теле еще и синяки, и каждый раз, поднимаясь, он впереди слышал тихий девичий смех.

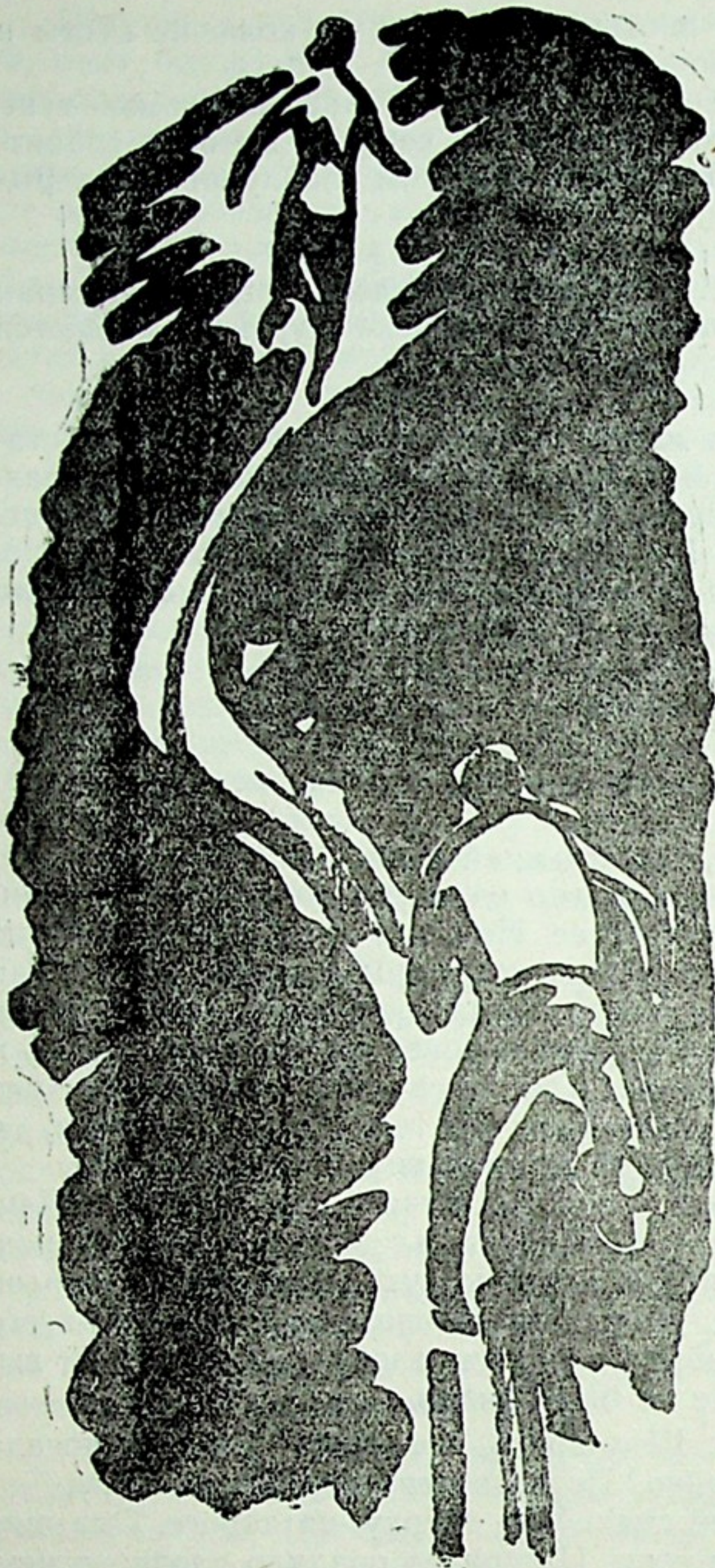
Вдруг светлой сталью блеснула вода. Ручей, впадающий в Квирилу. Глубок ли он? Цагеридзе в замешательстве остановился, разглядывая, можно ли его где-нибудь перепрыгнуть. Широковат... Но он все же разбежался и прыгнул, угодил по колено в воду, обдав всего себя холодными брызгами. Выбрел на берег, взобрался на самый высокий камень — девушки нигде не было видно.

Цагеридзе пошел наудачу. Шел долго, все вдоль реки, и досада щемила ему сердце. Было обидно. Позвать девушку было нельзя.

И тут он снова услышал ее смех. Уже вверху, на дороге. Она шла там, чуть-чуть белея во мраке ночи. Цагеридзе опалило словно огнем. Птицей взлетел он по крутому косогору и бросился за девушкой. Она сквозь смех вскрикнула нежно: «Генацвале!» — и тоже побежала, выбивая из-под ног мелкие камешки. Цагеридзе гнался, очень долго гнался за ней, и все безрезультатно — девушка оставалась недосягаемо далекой белой тенью.

Тропинка сделала крутой зигзаг, потом прорезалась через густую заросль акации, и когда Цагеридзе вихрем вырвался вновь на открытое место и на горизонте очертился далекий обрыв, впереди, ни близко, ни даже у самой кромки обрыва не было никого, словно бы девушка спрыгнула в пропасть. Кровь бешено кипела в жилах, стыд жег лицо. Но куда было идти, где еще искать эту девушку?

Привидение, что ли, на самом-то деле, потешалось над ним! Цагеридзе не верил в привидения. Девушка больше не подавала голоса. Ему по-

звать девушку было тоже
нельзя.

Не она ли снова появи-
лась здесь, в этой снежной
метели, и снова дразнит,
зовет в темноту за собой?
Цагеридзе тогда откро-
венно рассказал бабушке,
спросил ее: как полагает
она — кто была эта де-
вушка, чья дочь? Но ба-
бушка только покачала
головой: не знаю. И при-
бавила: «Нико, может
быть это просто стучалась
в твое сердце любовь? Те-
бе скоро пойдет восемна-
дцатый год. А ночь сегод-
ня была истомная, теп-
лая, пахли цветы». Он за-
смеялся: неужели это при-
ходит так, что человек ста-
новится глупым, видит де-
вушку, которой нет, слы-
шит ее голос, которого не
было? Бабушка ласково
притянула его к себе. «Ни-
ко, теперь, когда мне, слу-
чается, кричат даже в са-
мое ухо, я не всегда хоро-
шо различаю слова. А бы-
вало — я сквозь две сте-
ны слышала, когда он ше-
потом называл мое имя,
а между стенами наших
домов лежало четыре ча-
са пути».

С чего теперь Цагери-
дзе мерещится, что в тем-
ной лесной глубине его
ждет кто-то? И почему ка-
жется ему, что белая
снежная девушка, осто-

рожно пробегающая под окном, чем-то очень похожа на Феню, а
улыбается в точности так, как улыбается Мария Баженова?

...Цагеридзе стоял прильнув лицом к холодному, влажному стеклу,
вглядывался в причудливую пляску ночной метели, силился думать о
замороженном лесе, а видел тоненькую гибкую Феню и на лице у
нее — медленную, тающую улыбку Баженовой.

Можно, конечно, сегодня переночевать и в конторе. Но тогда
завтра как-то еще труднее будет прийти в дом к Марии. Как объяснить,
почему он сегодня остался здесь? И не заплачет ли снова утром Лида,
когда узнает, что Цагеридзе нарушил свое обещание и ночевал у себя
в кабинете? Удивительное дело: приходится думать даже о таких, ка-

залось бы, мелких, а в действительности наполненных большим внутренним смыслом вещах!

Бабушка говорила: «Девушка для юноши — любящий свет. Горячий свет солнца или нежный свет луны. Но когда сияющие луна и солнце в небе сходятся вместе, на земле становится темно». Это старинная мудрость. Теперь она, говорят, потеряла значение. Для него же, для Цагеридзе, и вообще не могла бы иметь значения никогда. Но все же почему-то на душе неспокойно. Надо бы думать и думать только о своих инженерных расчетах, о том, каким способом и всего дешевле спасти от гибели замороженный в запани лес, думать бы только об этом, а мысли в голову лезут против воли совершенно другие. Довольно! Завтра он отдаст коменданту приказ освободить, где угодно, для него отдельную комнату. Тогда, вероятно, все сразу станет на место.

Цагеридзе замкнул на ключ дверь кабинета и вышел на крыльцо. Мягкие хлопья снега сразу облепили его, ветер стал подталкивать в спину.

* * *

Баженова сидела одна за столом, привалясь плечом к холодному косяку окна и не замечая метели, настойчиво бьющейся в стекла.

Как могло это случиться! С чего это вдруг так открылась она Цагеридзе! Теперь нужно рассказать ему или все начистоту и до конца, или хитрить, плести разные небылицы, в которые, конечно, он не поверит, как не верят и другие, кому она пробовала их рассказывать. Лгать очень тяжело. Но еще тяжелее рассказывать. Бывают же ведь в жизни у людей, у женщины...

Во всем, что с нею случилось, совесть ее чиста. Но легко ли рассказать, что она «брошенка», как таких называют в народе? Это еще можно. Но разве ей выговорить, что она — женщина, обреченная никогда не иметь ребенка? А в этом главное, в этом — все. И характер ее, и мысли о себе, о будущем, и отношения с Елизаветой Владимировной, которая для всех — «мать Баженовой». Бухгалтер Василий Петрович после Нового года сказал: «Значит, опять платим бездетный налог? Может, замуж пора бы? Или справку бы от врача... Все-таки шесть процентов». Он ничего не знает, ему просто жаль ее «шести процентов», но заговорив о врачебной справке, он словно хлестнул ее по лицу. Взять справку! Ради «шести процентов?» Справку, как вывеску...

Но почему же так долго не идет... Баженова даже остановила течение мысли, не решаясь сразу поставить в конце — Николай. Но все же поставила. Твердо. С каким-то вызовом самой себе. Конечно, Николай будет прав, если вообще не вернется сюда. Что она ему объяснила сегодня одним коротким, вырвавшимся против воли словом «любовь»? И еще — этим нелепым намеком на происхождение шрама на шее. Зачем она это сделала? И что ему делать здесь, среди двух — Феня не в счет — среди двух непонятных для него, злобных женщин?

Феня спит спокойно. Она уже не мечется по постели, не кричит во сне. Температура нормальная. Обмороженные пальцы заживают. На щеках, возможно, на какое-то время останутся багровые рубцы. Лицом Феня не очень красивая, рубцы и еще убавят у нее красоту. Но Николай по вечерам разговаривает главным образом с нею. Феню приходят проводить с Ингута. Приходят и свои, читаутские парни. Ее все любят. Феня будет счастливой, даже если и не сойдут у нее с лица рубцы. А вот она, Мария Баженова, куда красивее этой маленькой девуш-

ки, но такого счастья, какое впереди ждет Феню, и к какому сама она стремилась когда-то, ей уже не видать...

Голос с печи:

— Марья Сергеевна, свет бы, что ли, вы погасили. Заснуть никак не могу. Имейте же совесть.

Как жук-короед живое дерево — сверлит ей душу этот голос. Э-эх, размахнуться бы, да грохнуть кулаком по столу и заорать, как, бывает, орут, ругаются пьяные мужики!

— Хорошо, мама, я погашу.

Она погасила свет. Короткое молчание. И снова скрипучий голос с печи:

— Придет. Куда он денется? Постыдилась бы — сидеть, дожидаться.

— Хорошо, мама, я лягу.

Лечь, встать, убежать, провалиться под землю — все, что угодно, не слышать бы только этот скрипучий голос!

...А подумать — семь лет тому назад они обнимались взволнованно, радостно, и она, Маруся Найденова, говорила Елизавете Владимировне:

«У меня, кроме вас и Толика, на свете больше нет никого. Я не помню своей мамы. Позвольте мне называть вас мамой — так и по обычаю народному полагается. Называть мамой, и любить, как маму. Ведь я теперь стала тоже Баженовой и всегда, всегда буду для вас самой заботливой любящей дочерью».

Анатолий стоял рядом, щедро, широко улыбался.

«Марочка, в семье не говорят друг другу «вы». Правда, мама?»

«Правда, — подтвердила тогда Елизавета Владимировна. — Среди своих «ты» — самое душевное слово. Доченька, милая, называй меня всегда только на «ты».

«Так скрепим же наш вечный союз родственным поцелуем и обещанием быть крепкой, единой семьей всегда, во всякой радости и в любом горе! — торжественно возгласил Анатолий. — В прежние времена люди в этом клялись перед богом. Таковую клятву можно было нарушить, у бога в подчинении находились миллиарды живых существ, за всеми не уследишь. А мы клянемся теперь каждый перед своей личной совестью. Совесть всегда с нами, единой минуты не находимся мы без ее присмотра. Совесть свою обмануть нельзя. Ее кара страшнее любой кары господ-бога. Не станем, Марочка, попадать под ее беспощадные приговоры».

«Нет, нет, никогда! — ее увлекла, подчинила, подняла словно бы на светлых крыльях торжественность события, возвышенность тона Анатолия. — Нет, никогда! Клянусь совестью! Что и когда бы с кем из нас ни случилось, ты, Толя, будешь моим мужем, я твоей женой, Елизавета Владимировна моей мамой, а я — ее дочерью».

«Подписываюсь кровью, Марочка, под твоей клятвой», — уже слегка шутливо сказал Анатолий.

Елизавета Владимировна перекрестилась.

«А я по-старинке, с именем господ, — как бы винясь, торопливо сказала она. — Перед детьми своими родители не клянутся. Так я уж просто, как мать, обниму вас обоих, поцелую. Живите счастливо. И я — всегда возле вас».

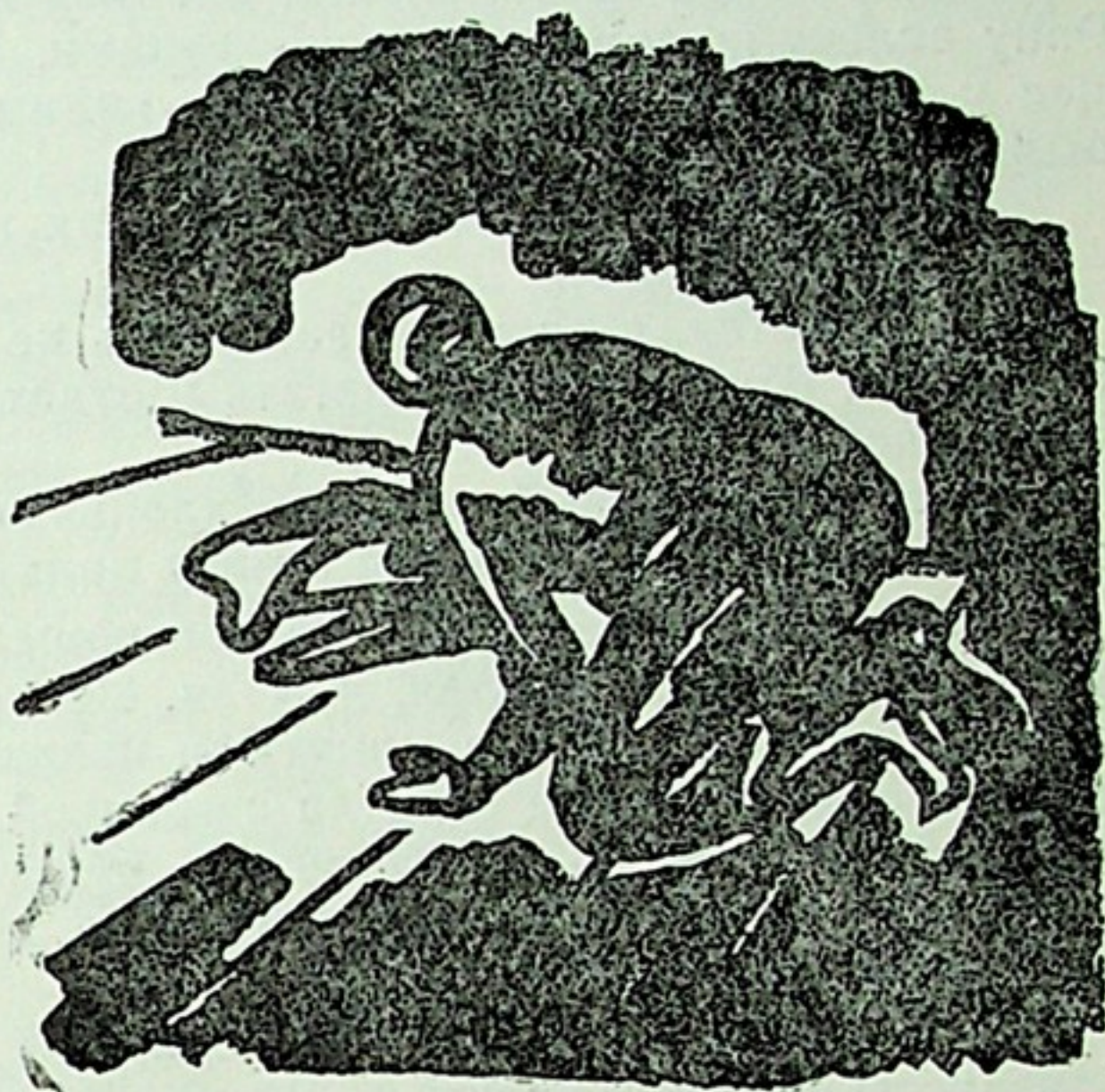
Было это сразу после их возвращения из загса, перед тем, как собраться за праздничным столом званым гостям. Семь лет тому назад...

И вот теперь:

— Марья Сергеевна, вода есть у нас? На реку, виновата, сегодня я не сходила.

Это значит: ей хочется пить и хочется, чтобы Мария догадалась, подала кружку воды на печь. А слова насчет того, что на реку не сходила — пустые слова. Никогда она по воду не ходит. Куда ей с больными, хрустящими в суставах, негнушимися ногами ходить к реке, подниматься с ведрами по скользкой и крутой тропинке! Слова по смыслу своему пустые, но в них заложена тонкая отравка: ты, молодая, день весь с перышком в конторе сидишь, а вся тяжелая забота по дому лежит на мне, на несчастной, больной старухе.

И действительно, железную печь топит она, иначе за день квартира промерзнет. Подметает пол. К приходу Марии готовит ужин. Не надо, не надо бы этого ничего! Но Елизавета Владимировна упрямо находит себе какую попало, хотя бы самую ненужную и мелкую работу, находит ее лишь для того, чтобы потом иметь право упрекнуть этим невестку. Спит на печи, хотя Мария десятки раз умоляла ее не делать этого, ставила в лучшем, самом теплом месте кровать для нее, застилала самым лучшим бельем. Особое удовольствие доставляет ей выставлять на показ посторонним людям свою горькую долю. Ради этого, хозяйка своего дома, она с охотой согласилась дать Фене уголок в квартире, теперь заботится, чтобы остался здесь жить и Цагеридзе. Говорят, под старость все становятся такими. Но все равно, неприятно ходить по чисто выметенному ею полу, противен ужин, приготовленный ею, крапивою обжигают тело чулки, заштопанные...

— Марья Сергеевна, вы слышите, я спрашивала вас?

Глуша в себе закипевшую ярость, Баженова подает ей кружку с водой на печь. И быстро отступает, боясь, что в темноте Елизавета Владимировна коснется ее руки своей рукой. Сухой, неприятной рукой.

Старуха подтягивается к краю печи, наощупь шарит — «Ох!» — и кружка падает на пол. Тихое, раздраженное бормотанье. А вслух:

— Виновата я, Марья Сергеевна, не нужно мне было вас утруждать. Набедила. Сейчас спущусь, подотру.

Это мечь за то, что Мария поставила кружку, не дождалась, когда Елизавета Владимировна возьмет в руки. О том, что темно и кружку можно было столкнуть нечаянно, Баженова даже не думает. Все в ней словно твердеет, сжимается, она уже не может сказать сейчас спокойно и весело: «Да ничего, мама, я сама подотру. Прости пожалуйста. И воды я тебе зачерпну, подам снова». Жестко и глухо Баженова спрашивает:

— Свет зажечь?

Слова, которых и Елизавета Владимировна не ожидала. Она вздыхает и, не отвечая Баженовой, все время бормоча «господи, господи», спускается с печки.

Мария зажигает лампу, руки у нее вздрагивают, она долго не мо-

жет надеть на горелку стекло. Потом стоит прямая, холодная, уставившись неподвижным взглядом в пол, по которому ползает старуха, тряпкой вытирая разлитую воду.

Горечь, тоска и отчаяние захлестывают Марию, совсем так, как и в тот вечер, когда, прочитав письмо Анатолия с заключительной фразой «писать мне, или искать меня, — бесполезно», она машинально взяла лежавший у порога топор — помнила — надо дров наколоть — и вдруг пошатнулась, упала. Острая боль у плеча и потом — темнота, ничего... С той поры, да, именно с той поры у Елизаветы Владимировны появилось в обращении злое «вы». Первое, что услышала от нее Баженова, придя в себя, было: «Засудить меня захотелось вам, что ли, Марья Сергеевна?» А потом, все дни, пока лежала в постели Мария, с ней — ни слова. Врача не вызывали, боялись и не хотели огласки они обе. Рану залечили домашними средствами. Все обошлось без осложнений, шея у Марии не осталась кривой, видимо, сухожилия перерезаны не были.

Так кончилось ее замужество. Так кончилась любовь.

А прежде этого...

— Кажется, я снова вмешиваюсь не в свое дело, но я прошу вас, Елизавета Владимировна, встать и отдать тряпку мне — я все же помоложе вас.

Весь облепленный мягкими хлопьями снега, на пороге стоял Цагеридзе, торопливо сбрасывал с плеч пальто.

Баженова не заметила, как он вошел. Столбняк слетел, кровь бросилась ей в лицо, тяжелая, жгучая. Не мог Николай войти пятью минутами раньше или пятью минутами позже! Словно нарочно стоял за дверью и ждал, когда старуха с тряпкой в руке опустится на колени, а она, молодая, гордо вытянувшись, будет стоять у стола, как госпожа, отдающая приказания своей служанке. Не оправдаться, нет, — как объяснить ему все это!

Она опередила Цагеридзе, сильным рывком выхватила тряпку у Елизаветы Владимировны — у той так и мотнулась старческая рука — и отшвырнула тряпку в дальний угол.

— Мама, ну зачем это? — стиснув кулаки, как перед глухой стеной, выкрикнула она.

— Спасибо вам, Мария Сергеевна. Дождалась. Может еще и ударите?

Елизавета Владимировна, не поднимаясь с пола, привалилась к печке. И было похоже, что стоит она на коленях перед Баженовой, целиком в ее воле и ею поставленная на колени. Мария закрыла лицо руками. Постояла так. Продолжать еще эту безобразную сцену при Цагеридзе? На каждое свое слово получать ответных два? Ох, как безжалостно, как больно бьет эта женщина!

— Прости, мама, — тихо выговорила она, отнимая от лица ладони.

Цагеридзе сидел у кухонного стола на широкой скамье, как всегда, чуть-чуть отставив в сторону левую ногу. Баженова села на другой конец скамьи, ища взгляда Цагеридзе.

— Нет, — скорее глазами, чем движением губ, сказала она, когда их взгляды встретились.

Цагеридзе пожал плечами. И это можно было понять так: а я остаюсь при своем мнении.

Проснулась Феня. Спросила громко, с удивлением:

— Что — уже утро?

Ей никто не ответил. Она приподнялась на локте. Елизавета Владимировна как-то изломанно сидела на полу, Мария — за кухонным

столом, обмякшая, потемневшая. Угол печи заслонял Цагеридзе, и было видно только одно его плечо, неподвижное, словно каменное.

— А! — сказала Феня.

И откинулась на подушку. Она все поняла. Эти штуки Елизаветы Владимировны уже не в диковинку. Бедная Мария! А Николай Григорьевич наверно все принимает по-своему. Вмешиваться ей — еще больше лить масла в огонь. Надо снова заснуть. Или сделать вид, что заснула. Она вытянулась поудобнее.

— Больному — и то спокойно полежать у нас нельзя, — неопределенно, куда-то в пустое пространство проговорила Елизавета Владимировна.

Помедлив, она стала подниматься, нарочито беспомощно цепляясь за угол печи. Цагеридзе помог ей взобраться на свое место. Елизавета Владимировна тихо бормотала: «господи, господи!»

Цагеридзе вернулся к столу, сел на скамью так, что теперь оказался бок о бок с Баженовой. Хотел что-то сказать, но она его опередила. Будто ничего и не было, спросила:

— Николай Григорьевич, почему вы сегодня долго не возвращались домой? Я уж подумала: заблудились в метели, — и ее обычная, медленная, тающая улыбка постепенно осветила, согрела лицо, сделала его спокойным и даже почти веселым.

— Что вам на это ответить? — сказал Цагеридзе. Та трудная душевная борьба, которую при нем, права она была или не права, но мужественно выдержала Баженова, — его покорила. Он высоко ценил мужество в человеке. — Я не знаю, что вам ответить, Мария. Вы сказали «домой»... Именно может быть поэтому я долго и не шел. Я думал. Что я могу сказать вам, Мария? Меня послали сюда начальником рейда, руководить работами, обеспечивать выполнение плана. Ближайшая задача — спасти замороженный лес. Кто знает, решит ли его судьбу весенний день, сам ледоход, а может быть вот этот зимний день, которого потом, весной, не хватит. Пора бы уже начальнику рейда подписать приказ и людям приступить к работе. А я не знаю, какое мне принять решение. Арифметика не в мою пользу, не в пользу государства, она — за Василия Петровича. И я должен думать, как тот мужик, который в Петербурге убрал с площади камень и о котором я сам с собой с таким удовольствием разговаривал вслух, когда вы вошли. Вот о чем, и вот как я должен думать. А я соображаю, где мне ночевать с завтрашнего дня, потому что слово «домой» у меня как-то плохо вяжется с тем, что я испытываю здесь. Вы меня должны простить, Мария, кажется, я снова говорю обидные для вас вещи, но говорить неправду я совсем не могу.

Баженова грустно усмехнулась.

— Хочу обидеться, Николай Григорьевич. Стараюсь. Но — не могу. Вы не умеете говорить неправду, а я не умею обижаться за правду, — она посмотрела на печь, где притихла Елизавета Владимировна, и сама очень тихо прибавила: — Слово «домой» и у меня плохо вяжется с этим домом. Только я не могу, как вы, уйти на другую квартиру. Мама действительно очень больна.

Цагеридзе тоже понизил голос.

— Как можно, Мария, так обращаться со своей матерью?

Баженова нервно потерла лоб рукой. Несколько раз перевела дыхание, прежде чем решилась:

— Это... Это... Мне было два года, когда умерла моя мама. Это... мать... моего мужа.

Все неожиданно и резко сместилось в сознании Цагеридзе. Он не знал, оправдывают ли эти слова Баженову, хотел сказать, что по отношению к старикам степень родства не имеет значения, но эту мысль почему-то сразу же подавила другая — «Мария замужняя» — и уже без прежней суровости в голосе, он спросил:

— Вашего мужа? А...

И не решился закончить прямым вопросом. Бывает ведь всякое. За него договорила Баженова.

— ...где он? Николай Григорьевич! На это... может быть только на это, вы мне позволите не отвечать? Вот вы все время напоминаете мне, что вы любите во всем честность, откровенность, простоту... А обязательно ли для этого нужно быть еще и таким жестоким, беспощадным? Ведь даже если бы я вам все рассказала, так...

С печи послышалось приглушенно-злое «господи, господи», и Баженова осеклась на полслове. Зачем она говорит все это? Зачем она все время словно бы оправдывается перед Цагеридзе, забыв свою женскую гордость? Что изменит ее даже самый полный и откровенный рассказ обо всем? Николай уйдет все равно...

— Ложитесь, пожалуйста, Николай Григорьевич, — усталым голосом сказала она и привернула фитиль в лампе, готовясь ее погасить, не думая вовсе, что Цагеридзе голоден и что следовало бы предложить ему ужин, оставленный для него в печке, или хотя бы спросить, не хочет ли он выпить стакан чаю. — Ложитесь. В самом деле, время позднее, мы разговорились, шумим и не даем спать другим.

Лежа без сна, впотьмах, Цагеридзе думал, что, нет, пожалуй, отсюда теперь он не уйдет. Уйти — значит, причинить и еще новую боль этой женщине, перестрадавшей должно быть уже не мало и продолжающей мучиться из-за каких-то непонятных Цагеридзе, но бесспорных для самой Баженовой, ее нравственных обязательств перед матерью бывшего мужа. Надо помочь Марии. Только — чем и как помочь?

Мягкие лапы метели все так же ползали по темному окну, и так же иногда зазывно постукивали легкими пальчиками в стекло. Цагеридзе невольно приподнимался и вглядывался в черный проем окна. Там, за стеклом, бродили мутные снежные тени, но ничего человеческого, девичьего в них уже не было. Метельные столбы шли и шли чередой вниз, к Читауту, падали под обрыв и заваливали еще плотнее и толще и без того наглухо замурованный во льду миллион, тот самый миллион народных денег, который просто сделался частью его души.

Он стал в уме перебирать все варианты технических расчетов, проделанных днем, с надеждой выловить все же в них что-нибудь толковое, ценное, верную опору, исходную точку — и ничего не нашел.

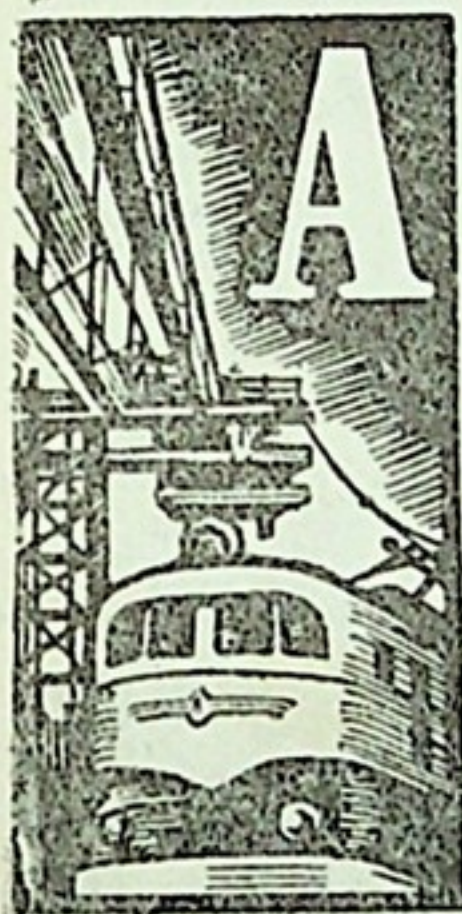
Тогда он стал мечтать, отбрасывая логику, фантастично и озорно. А что? Весной, перед самым вскрытием, обрызгать с самолета Читаут какой-то чудесной жидкостью — и лед растает. Все бревна преспокойно отстоятся в запани, а ледяные поля, идущие сверху, отбить направляющими бонами и они без вреда проплывут по ту сторону острова, главным руслом реки. Прекрасная идея! Легко, надежно, дешево... Растаять лед... Растаять... Рас-та-ять...

И с этой мыслью он уснул.

ИМЕНИ ЛЕНИНА...

ОЧЕРК

1. Здесь начиналась семилетка

Авчала. Далекая заводская окраина Тбилиси. Как преобразилась ты на моих глазах, как неузнаваемо изменился твой облик! Давно ли я был свидетелем того, как закладывались здесь фундаменты производственных корпусов локомотиво-ремонтного завода и одновременно аллеи будущего заводского сквера. Тонюсенькие саженцы тополей и платанов выглядели тогда очень одиноко. Они дрожали и мерзли на пустыре, где экскаваторы рыли котлованы и каменщики закладывали фундаменты.

Трепетно подставляют молодые деревца свои трогательно обнаженные ветки холодному весеннему ветру. Но даже самый резкий и злой его порыв уже не в силах согнуть и сломать стволы деревьев, глубоко ушедших корнями в ставшую для них родной авчальскую почву.

Авчала. Далекая заводская окраина Тбилиси. Как широка сейчас

твоя центральная магистраль, покрытая асфальтом и застроенная кварталами многоэтажных жилых домов и общественных зданий. Давно уже нет здесь ни заросших бурьяном пустырей, ни покосившихся набок хибарок, ни глухих заборов. Не встретишь тут больше этих печальных спутников старой окраины. Сейчас у нее другие приметы, другие спутники. Ярко сверкают в лучах весеннего солнца зеркальные витрины новых магазинов. Отлично вписались в пейзаж огни реклам, новая трамвайная линия, зеленые аллеи вдоль шоссе. Пусть далековато отсюда до оперного театра, до всегда шумного и нарядного проспекта Руставели... У каждого уголка Тбилиси свои приметы, свои достоинства, свои преимущества.

Взору здесь нет-нет, да откроются широкие просторы, необъятные дали. Ведь природа здесь все-таки ближе к человеку, чем в самом центре города.

Здесь все живет, все дышит одной жизнью и одним дыханием с заводом.

Бурная, поистине удивительная судьба выпала на долю этого предприятия. Завод рос так стремительно, набирал силы так уверенно, что еще задолго до полного осуществле-

ния строительно-монтажных работ, предусмотренных планом, ему стали узки и тесны рамки проектов и расчетов. И уже тогда достиг коллектив молодого предприятия той степени технического прогресса, которая позволила ему в невиданно короткий срок перейти от ремонта локомотивов к их созданию.

Тбилисский электровозостроительный завод имени Ленина... Давно ли это словосочетание казалось людям необычным, взятым не из обиходной жизни, а из наметок и планов, из далекого будущего. А ныне, как ни молод завод, у него уже есть своя история. Первая страница этой истории писалась в дни, когда вся страна обсуждала вопросы перестройки управления промышленностью и строительством. В ходе обсуждения этого вопроса коллектив выдвинул идею о превращении своего предприятия из ремонтного в электровозостроительный. Инициатива работников завода нашла широкую поддержку в Центральном Комитете Коммунистической партии Грузии, она воплотилась в решение об изменении профиля завода, о создании в Грузии новой отрасли промышленности — электровозостроения. Происходило это в период подготовки к внеочередному XXI съезду КПСС — съезду строителей коммунизма, на котором был принят великий семилетний план, план вступления страны в период развернутого коммунистического строительства.

И вот, ровно за год до начала великой семилетки, морозным зимним утром, на территории завода раздастся гудок новорожденного локомотива. Первый грузинский электровоз как бы приветствует своим рождением рождение семилетки. Перед заводом открываются новые, еще неизведанные пути.

2. Труд высокого напряжения

Технологи — вот, пожалуй, на чьи плечи выпала самая тяжелая нагрузка в этот трудный переходный период.

Ранее в цехах пользовались технологией, разработанной для Новочеркасского электровозостроительного завода. Технология — вещь капризная. Ее не перебросишь просто с завода на завод, как универ-

сальный станок или мощный пресс. Ее нужно было приспособить или, как производственники говорят, привязать к цехам Тбилисского электровозостроительного завода.

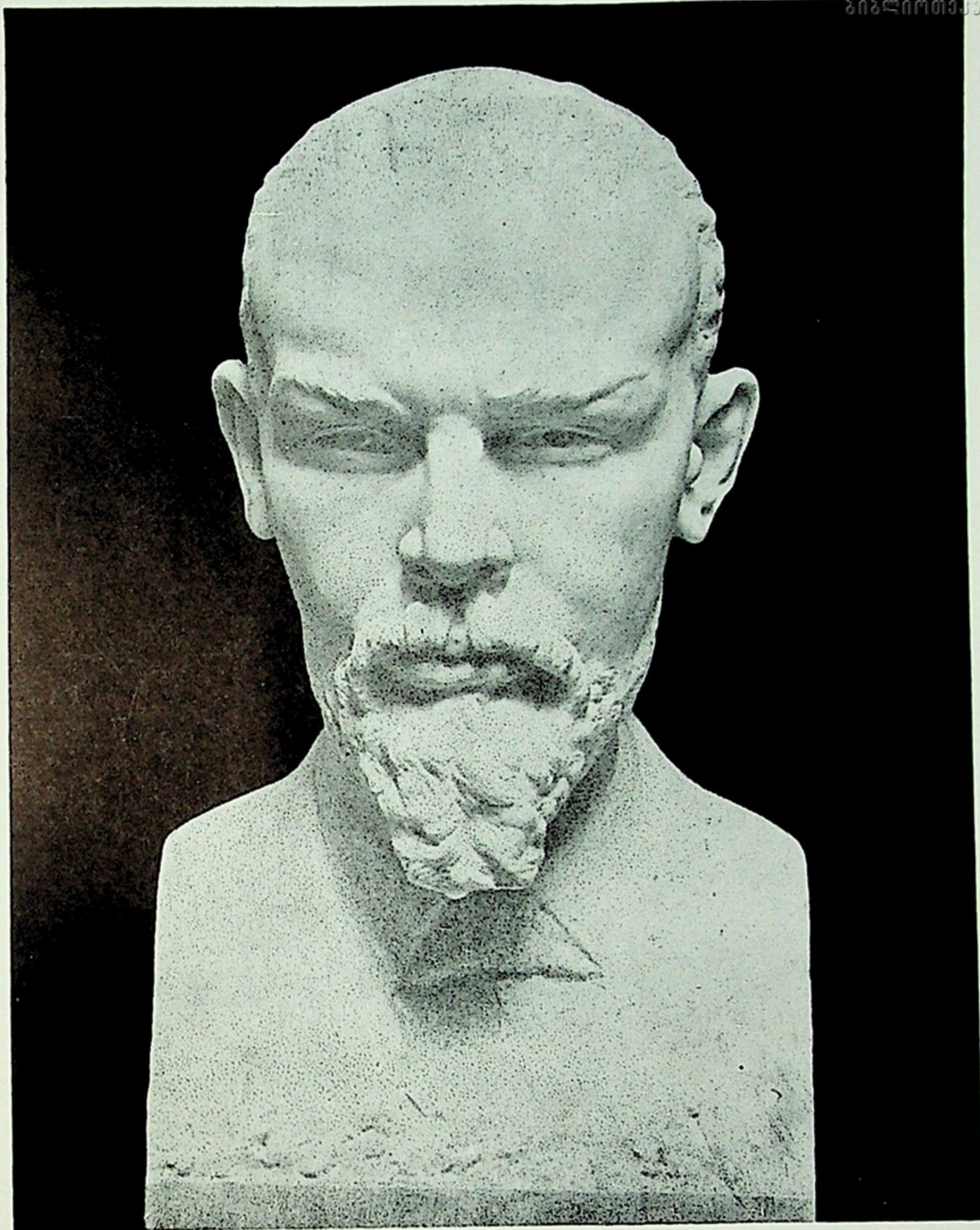
Проблемы, проблемы, проблемы... Десятки, сотни неотложных проблем, одна сложнее другой, вставали перед строителями электровозов. Успешно разрешив одну, люди немедленно принимались за другую, а число задач, проблем и неразрешенных вопросов, требовавших к себе пристального внимания, никак не уменьшалось. Что ж, от этого нигде не уйдешь. Такова сама природа промышленного производства, такова жизнь.

Но сейчас, оглядываясь на пройденный тбилисскими электровозостроителями путь, знакомясь с тем, что еще предстоит им сделать в годы семилетки, можно безошибочно определить ту генеральную задачу, которая была поставлена перед коллективом завода самым временем. Механизация, автоматизация, технический прогресс — вот что определяло и определяет сейчас жизнь завода, трудовые усилия его коллектива.

Ведь тбилисским электровозостроителям предстояло не только собирать электровоз из готовых узлов, а самим создавать мощные магистральные локомотивы, самим изготавливать для них двигатели и машины, аппараты и приборы. И создавать все это не как-нибудь, а с применением самой совершенной техники и технологии, создавать электровозы не вчерашнего, а сегодняшнего дня. Производственники должны были находиться в полной готовности, чтобы перейти в новый, еще более высокий класс технической зрелости, класс дня завтрашнего.

Идя этим путем, тбилисские электровозостроители в короткий срок полностью освоили производство таких сложных и важных узлов и частей электровоза, как тяговые двигатели, моторкомпрессоры, мотовентиляторы, генераторы управления, пантографы, электромагнитные и электропневматические контакторы...

За этим скупым и сухим перечнем

Я. НИКОЛАДЗЕ. В. И. Ленин периода «Искры».

К. САНАДЗЕ. В. И. Ленин в Разливе.

технических терминов стоят тревожные дни, бессонные ночи, месяцы и годы напряженного и творческого труда всего заводского коллектива. Потребовалось оснастить цехи новыми специальными станками, пустить в ход поточные линии, внедрить в производство наиболее прогрессивные методы сварки, литья, штамповки, строжки, клепки, фрезеровки, термической обработки деталей.

3. Сердце электровоза

Прежде всего, в центре внимания всего коллектива тбилисских электровозостроителей встала проблема освоения производства тягового двигателя. Тяговой двигатель — сердце электровоза. Оно должно бесперебойно биться в теле локомотива. Пока тот мчится по стальным магистралям, оно не имеет права сдавать при самой тяжелой нагрузке, самом крутом подъеме, в самых сложных условиях. И, как каждое сердце, тяговой двигатель отличается не только надежной мощностью, но и сложностью своего устройства, размеренным ритмом, абсолютно точной сработанностью всех своих частей.

Тбилисским электровозостроителям сразу повезло. Их соседи по Авчальскому шоссе и собратья по труду — рабочие, инженеры и техники завода «Центролит» в невиданно короткие сроки освоили отливку стального корпуса двигателя — в десять раз быстрее, чем литейщики Новочеркасска.

Замечательная трудовая победа литейщиков вдохновила коллектив электровозостроителей. Дружно взялись они за освоение сложного процесса механической обработки тяговых двигателей. Пока станочники осваивали одну операцию за другой, технологи сводили все эти операции в единый технологический поток.

Неподалеку от первой поточной линии вытянулась другая — здесь обрабатывались ведущие шестерни.

С переходом на поток затраты времени на обработку шестерен уменьшились почти на одну треть, на обработку остовов — на 22,8 процента. Но не только в этом за-

ключалось большое прогрессивное значение перехода производства на поток.

Первые поточные линии как бы символизировали собой бурный поток, который смог вынести завод в океанский простор технического прогресса, к новым горизонтам, что открываются лишь перед смелым и искусным мореплавателем.

Крупным событием в производственной жизни завода явилась победа, одержанная электросварщиками. На заводе были полностью автоматизированы работы по электросварке воздушных резервуаров электровозов. Результат — плотный высококачественный сварной шов получен не за восемь часов, как прежде, а за 24 минуты!

И чем дальше шел заводской коллектив по пути технического прогресса, тем все более значительными становились его производственные успехи. Об этом свидетельствовали не только цифры выполнения планов — с далеких железнодорожных магистралей страны поступали сообщения о замечательных эксплуатационных качествах первых грузинских электровозов. И это было высокой, самой приятной для тбилисских электровозостроителей оценкой их самоотверженного труда. Вот выдержка из письма, полученного заводом с Томской железной дороги, куда пошел один из первых электровозов, выпущенных тбилисцами:

«...На большом сибирском морозе ваш электровоз работает отлично. Он возит тяжеловесные поезда на больших скоростях. Раньше такие составы водились двумя локомотивами. Мы пожелаем вашему коллективу побольше посылать нам таких электровозов...»

Естественным и закономерным этапом в борьбе тбилисских электровозостроителей за высокие производственные показатели явился их замечательный почин в развертывании социалистического соревнования за технический прогресс. Призыв электровозостроителей услышали и поддержали предприятия республики. Высокую оценку и одобрение получила эта патриотическая инициатива со стороны Центрально-

го Комитета Коммунистической партии Грузии.

Может быть, именно в этот момент подошла к Тбилисскому электровозостроительному заводу имени Ленина пора подлинной технической зрелости. Не случайно, все реже и реже сейчас называют завод молодым предприятием. Пора незрелой молодости прошла. И скидки на молодость заводу уже не дают. Да он в них и не нуждается.

4. Проблемы, заботы, нерешенные вопросы

Нужно ли удивляться тому, что чем больше у завода успехов и достижений, тем более заметными становятся недостатки, нерешенные еще вопросы, просчеты и промахи. Нет, пожалуй, ничего более ошибочного, я даже сказал бы — опасного, как представлять себе передовое предприятие начисто и навсегда избавленным от всех тревог и забот, думать, что здесь все идет как по маслу. Нечего греха таить — и у передовиков хлопот всегда полон рот, трудностей — хоть отбавляй. Мало того, для каждого времени, для каждого этапа — свои трудности, так что и дня спокойного на заводе не бывает.

Взять, например, литейный цех. Сравнительно недавно здесь, по инициативе начальника бюро горячей обработки деталей отдела главного технолога — молодого инженера-технолога Реваза Размадзе, создан участок литья по выплавляемым моделям. А вот литье под давлением на заводе не организовано до сих пор.

В чем же дело? Неужели этот процесс не под силу заводу? Нет, причина в другом. Для литья под давлением на заводе имеется все необходимое, кроме... прессформ. Без них простаивают литейные машины. В этом деле литейщики электровозостроительного завода вправе ожидать помощи от Совнархоза и других организаций. Но и сами литейщики в большом долгу перед заводским коллективом. В литейном цехе больше, чем, пожалуй, где бы то ни было на заводе, уживаются рядом самые современные методы производства с наиболее отсталыми.

Чуть не половина операций в литейном цехе выполняется с применением ручного труда. Вручную производятся здесь такие трудоемкие операции, как изготовление форм, доставка готового литья, переброска деталей, вынос обработанной земли.

До сих пор не осуществлена автоматизация погрузки шихты в литейные печи. Проект автоматизации есть, а погрузка шихты пока что производится по-старому, чуть не вручную.

А взять, далее, вопросы материально-технического снабжения. Они волнуют на заводе не одних только снабженцев. Каждого работника тревожит то обстоятельство, что медный прокат, кабельные изделия, изоляционные материалы, некоторые детали стального литья, фарфор, детали из кожи и щетины поступают на завод из-за тридевяти земель. При этом растут транспортные и накладные расходы, нарушается график снабжения.

Но и здесь в полной мере проявилась сила, сказалось преимущество новых форм управления промышленностью. Теперь уже те, кто особенно страдал от недостатков снабжения, не столько жаловались на неаккуратных поставщиков, сколько изыскивали и находили новые, более совершенные формы технического снабжения и кооперации предприятий. Больше того! В ходе исправления недостатков намечались пути создания новых для нашей республики отраслей промышленности.

Сейчас почти весь комплекс деталей и материалов, необходимых для электровозостроения, может быть изготовлен предприятиями Тбилиси и других городов Грузии. Рожденные семилеткой новые предприятия электротехнической промышленности Грузии — тбилисский завод «Электроизолит», Зестафонский завод кабельных изделий, Сталинирский завод эмалированных проводов — в значительной мере помогут разрешить эту проблему. Медный прокат, получаемый ныне издалека, вполне может поставлять электровозостроителям Тбилисский меднопрокатный завод.

Еще два тбилисских предприятия — керамический комбинат и

кафельно-плиточный завод обладают всем необходимым для освоения выпуска фарфоровых изделий, нужных электровозу. Тбилисские предприятия трикотажной и кожевенной промышленности должны стать поставщиками материалов, идущих на обработку секций вспомогательных машин и электропневматической аппаратуры. И, наконец, тбилисские электровозостроители предлагают руставским химикам освоить производство термоактивных лаков взамен отживших уже свой век асфальтовых лаков, применяемых пока заводом. Это упростит производство и, вместе с тем, повысит устойчивость изоляционных свойств машин.

Все это — не просто детали и штрихи. Это то, чем живет сейчас завод.

5. Так и будет

Великое семилетие поставило перед коллективом тбилисских электровозостроителей большие, сложные задачи. О них можно говорить весьма подробно, а можно их выразить одной строчкой, одной цифрой: за семилетку выпуск электровозов предстоит увеличить в 12,5 раза.

Эта цифра содержит в себе все — и расширение производственной мощности завода, и организацию новых цехов и участков, и дальнейшее совершенствование технологических процессов, и новые дома в заводском поселке.

Но как ни трудны, как ни грандиозны задания семилетки, коллектив завода нашел в себе силы не только успешно взяться за их претворение в жизнь, но и сократить — на год! — сроки их выполнения.

Снова выступив инициаторами благородного патриотического движения, на этот раз движения за досрочное выполнение планов семилетки, тбилисские электровозостроители обязались достичь уровня производства, намеченного на 1965 год, уже в 1964 году.

Что же предстоит осуществить тбилисским электровозостроителям за это время?

Уже в нынешнем году производственные площади завода будут расширены на 13 тысяч квадратных

метров. В строй войдет главный корпус № 2, в котором разместятся аппаратный и секционно-катушечный цехи. Идет сооружение депо комплексного испытания электровозов. Недавно завершено оборудование штамповочного пролета электромашиного цеха, блока вспомогательных цехов. Вслед за этим будет построен корпус № 3 площадью 10 тысяч квадратных метров. На ней разместятся кузовной, тележечный и колесный цехи. Шесть тысяч квадратных метров будет предоставлено для размещения нового мощного инструментального цеха.

Одной из важнейших задач многочисленного коллектива в годы семилетки явится освоение замкнутого технологического цикла производства электровозов.

Наращивая темпы выпуска восьмиосных магистральных электровозов Н-8, заводской коллектив одновременно приступил к работе по созданию нового, еще более совершенного электровоза, работающего не на постоянном, а на переменном токе.

У электровозов переменного тока много преимуществ. Они обладают лучшими тяговыми свойствами, имеют минимальный вес на единицу мощности и наименьшую стоимость. Но и это еще не все. Внедрение переменного тока на электрифицированных железных дорогах позволит значительно снизить капиталовложения по устройству системы энергоснабжения. Ведь с переходом на переменный ток понадобится гораздо меньше понизительных подстанций, да и оборудование их будет проще, дешевле. А сколько ценного цветного металла будет при этом сэкономлено — сечение контактных проводов, применяемых при переменном токе, на 35—40 процентов меньше, чем при постоянном.

Как быстро пролетело время! Давно ли важной победой считалось освоение сборки электровоза из готовых узлов, присланных со всех концов страны. А сейчас тбилисские электровозостроители не только строят мощные красавцы-локомотивы, но и создают принципиально новые типы электровозов, рассчитывая

строить их полностью, до последнего узла, в цехах родного завода.

Организованное недавно специальное конструкторское бюро завода в содружестве с Тбилисским научно-исследовательским электротехническим институтом Совнархоза Грузии уже завершило работу по созданию технического проекта двигателя нового электровоза, подобно которому еще не проектировалось и не изготовлялось в нашей стране.

Недалек срок, когда первый электровоз переменного тока выйдет из цехов Тбилисского электровозостроительного завода. Его двигатели будут обладать мощностью в два с половиной раза большей, чем двигатели электровоза Н-8, работающего на постоянном токе. Новый, высокоэкономичный электровоз будет развивать скорость до 150 километров в час.

Конструкторы, технологи в содружестве с научными работниками готовят много других технических новинок. Впервые в Советском Союзе сконструирован оригинальный переключатель ступеней трансформатора. На испытании находится новая, оригинальная конструкция токоприемника, надежно обеспечивающая работу при самых высоких скоростях движения.

Вслед за освоением электровоза переменного тока, заводской коллектив приступит к созданию совершенно нового типа электровоза, с применением кремневых полупроводниковых выпрямителей, кибернетическими устройствами и другими достижениями современной науки и техники.

Все острее и острее встает перед заводским коллективом проблема установления более тесной связи науки с производством. На заводе создано специальное конструкторское бюро, которое получило свое первое

боевое крещение в работе по созданию проекта нового тягового двигателя. В аппаратном цехе организован экспериментальный участок, где конструируются и испытываются отдельные узлы будущего электровоза. И в конструкторском бюро и в цехах завода часто бывают ученые. В свою очередь производственники — постоянные гости научно-исследовательских институтов. Институт металлургии Академии наук Грузинской ССР, например, помогает заводу создать металлизационную мастерскую. Это даст возможность заводу своими силами устранять пороки литья, освоить декоративные покрытия. Но все это — лишь первые шаги по большому пути дальнейшего сближения электровозостроительного производства с наукой...

Семилетка завода... Сколько дум, замыслов, свершений воплощено в ее планах и заданиях. Сколько замечательных успехов, трудовых побед, выдающихся достижений принесет она заводу, раскинувшемуся в Авчала, на просторах тбилисской окраины.

В эти дни вместе со всей страной коллектив завода широко и торжественно отмечает знаменательную в истории человечества дату — 90-летие со дня рождения великого вождя революции Владимира Ильича Ленина. Но в этом всенародном торжестве у тбилисских электровозостроителей есть и своя, особенная радость. 22 апреля завод справляет свои именины. В этот день, год назад, заводу было присвоено имя В. И. Ленина. И есть что-то глубоко символическое в том, что великое имя Ленина носит коллектив одного из тех передовых предприятий Грузии, где в практических делах воплощается бессмертная ленинская идея об электрификации всей страны...

С. СВЕРДЛИН.

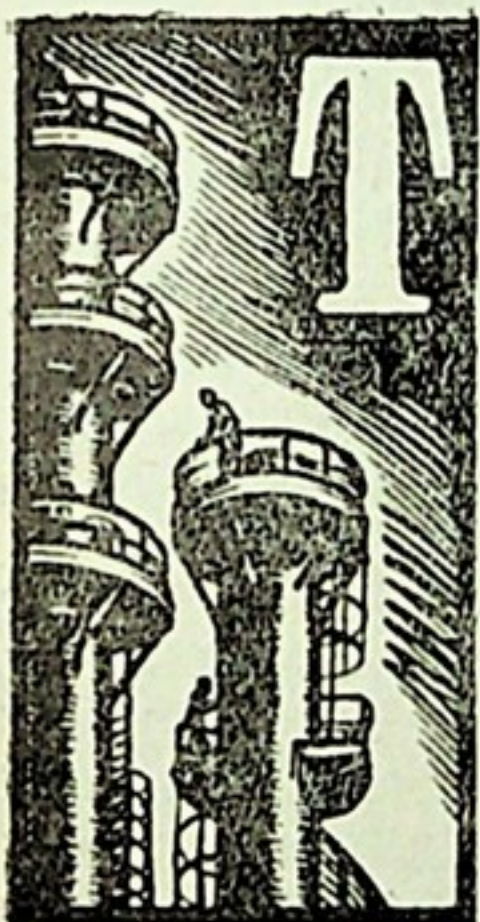

В. ТОПУРИДЗЕ. В. И. Ленин.

Его величество — рабочий класс!

Письмо из Баку

Теперь я уже твердо знаю: если едешь в Баку, не бери с собой недочитанной книги — закладка не передвинется ни на одну страницу. Не тешь себя надеждой, что именно здесь удастся закончить начатую дома работу, ответить на

залежавшиеся письма друзей...

Баку берет журналиста «мертвой хваткой». Только успевай поворачиваться. Всюду что-то новое, чего никак нельзя пропустить, о чем непременно надо рассказать людям своей республики.

Например, о Нефтяных камнях. Ничего же подобного нет нигде в мире: город на сваях, в открытом море, на расстоянии нескольких десятков миль от берега. Зацепившись за морской риф, он вытянул во все стороны свои щупальцы-эстакады и шипами-буровыми подает нефть со дна морского. На эстакаде стоят жилые дома, работают магазины, столовые, пекарни. И даже сооружен целый завод с тяжелейшими резер-

вуарами, фильтрами, дизельмашинами. Называется скромно — Водоочистная установка, а перерабатывает в сутки до десяти тысяч кубометров морской воды.

И как всякий город, он продолжает строиться. Щупальцы его растянулись уже на сто двадцать километров. Раньше к эстакаде подходили плавучие краны. Они были неуклюжие и при малейшем волнении на море отплывали, чтобы не попортить сваи. Теперь бакинский инженер Гусейн Шихметов создал для Нефтяных камней специальный эстакадостроительный агрегат.

Впрочем, сейчас, наверно, интереснее на Зыре, в районе промыслов Азизбековнефть. Здесь открылось новое морское месторождение, и к нему решили сооружать от берега громадную намывную дамбу, на этой дамбе ставить вышки и с нее сверлить морское дно.

Дамба в море! Это очень сильное зрелище. Лет тридцать тому назад нечто подобное здесь же, в Баку, в Бухте Ильича наблюдал Максим Горький. Он стоял на берегу и смотрел, как люди отнимают у моря

часть его площади и как сердится стихия, «взволнованная дерзостью людей...» Тогда море приходилось отгонять чуть ли не одними лопатами. Сейчас столько умных механизмов в руках людей, что появилась возможность просто приподнять морское дно.

«Дерзости» продолжают...

Теперь на Апшеронском полуострове много нового. В частности, самый большой в стране трубопрокатный стан. О его мощности можно судить хотя бы по тому, что с введением его в строй, выпуск труб для нефтяной и газовой промышленности в целом по Советскому Союзу подскочил на десятки процентов.

Молодой электрик Константин Кремлин задался целью по возможности освободить эту сложнейшую машину от присутствия человека. Посудите сами, если ошибется токарь, пострадает его станок. Если же допустит ошибку оператор стана такой колоссальной мощности, пойдет на смарку весь сложный и взаимосвязанный процесс производства. И Кремлин вместе со своими «автоматчиками» создает, впервые в Советском Союзе, автоматическую загрузочную машину у кольцевой печи, ставит повсюду вместо человека — фотореле, индукционные датчики. Пока это можно увидеть только здесь, на Сумгаитском трубопрокатном, и следовало бы, подчиняясь духу времени, двинуться именно сюда.

Но как тогда быть со строительством Али-Байрамлинской ТЭЦ, первой в Советском Союзе электростанции открытого типа? Сейчас там, в низовьях Куры, вся земля разворошена, работы идут полным ходом. Усилий прилагается немало, хотя, казалось бы, что может быть проще — ведь станция будет без стен, без крыши, доверчиво подставлять небу свои паротурбинные агрегаты. Об этом любопытно рассказать, тем более что источником Али-Байрамлинской ТЭЦ станет газ, тот самый газ Карадага, который уже столько доброго принес экономике Азербайджана и всех соседних с ним республик.

Газ! Вот о чем, пожалуй, следует вести речь; о проблемах, которые

решают сейчас бакинские нефтехимики, о замечательных предприятиях химической индустрии, которые возникнут вскоре на Апшероне. Говоря образно, Баку «дышит» сейчас газом, хотя на самом-то деле он именно сейчас по-настоящему перестал им дышать: только в последние годы очистилось окончательно над этим городом небо, газ научились улавливать, извлекать из него полезное, превращать в твердый упругий оранжевый лаваш, который называется синтетическим каучуком. Два года тому назад первый советский синтетический каучук из газа произвел большую сенсацию. А сейчас уже есть первая шина из газа, первое резиновое бакинское колесо! Невозможно удержаться от искушения потрогать это «чудо» собственными руками, полюбоваться ловкой работой новой машины, странно напоминающей мне грузинскую торню. Только вместо шотис-пури из нее то и дело выскакивает по паре смуглых мускулистых покрывал...

Многого достиг за сорок лет наш сосед и сверстник — рабочий класс Азербайджана. Трудно определить, что заслуживает большего внимания, чему следует отдать предпочтение, как самому яркому и значительному в сегодняшнем дне республики.

...С этими мыслями я вместе с фотокорреспондентом, увешанным фотоаппаратными «орудиями» своего производства, возвращалась из поселка имени Монтина в центр города. Автобус мчался по бакинским улицам. Пассажир, узнавший в нас журналистов, пытался обратить мое внимание на один малоизвестный мне объект. Право же, настаивал он, вы не пожалеете, если побываете на этом заводе у черногогородского моста.

— А что там делают?

— Что делают? — Он немного замешкался, подбирая нужное слово:

— Коммунизм!

Я не знаю, кто был этот человек. Обыкновенный бакинец. Сказал и сошел на остановке. Но что-то в его тоне заинтересовало меня — я решила поехать к черногогородскому мосту.

Представьте себе маленький, неказистый заводик (год рождения 1892-й), который все время делает

одно и то же — ремонтирует нефтеналивные цистерны. Неприятная, грязная работа в едких, липких маслах. Как было до революции, так и после. Только цистерн прибавилось.

— Да там все по-старинке, как при царе Горохе...

— Не завод, а проходной двор. Кто на нем долго задержится?..

Такая дурная слава ходила о нем много лет. И вот этот завод сегодня. Перед ним не изменили задачу. И в то же время с ним произошло что-то очень хорошее. Вместо насквозь промазученной земли я вижу чистый асфальт. Из голубятни вылетают и парят над заводскими строениями стаи белых птиц. Много цветов и почти не видно мазута. Сияет под солнцем всеми своими стеклами заводская оранжерея.

А цистерны — вот они — и на территории и в цехах. Вместо прежних одиннадцати цехов на заводе создано три больших производственных участка. И не ищите здесь людей, занятых тяжелым физическим трудом. Нет выбивальщиков литья, охладителей опок. Грязные многопудовые колесные пары не моют вручную. Одна за другой исчезли на заводе десять трудоемких профессий. Их роль выполняют механизмы. Созданы эти механизмы своими, заводскими силами.

— В самом деле, разве это не в наших руках? — спросили однажды себя рабочие завода. — Разве кто-нибудь со стороны поднес Советскую власть нашим дедам и отцам в 1917 году? Наш завод носит славное имя — имя Октябрьской революции. Мы должны достойно носить его.

На заводе есть дом, который в шутку называют здесь «четвертым производственным участком». Это — бытовая комбинат. Прежде чем приступить к работе, каждый рабочий приходит сюда, раздевается, вешает свою одежду в личный шкафчик и облачается в спецодежду. После смены он снова здесь. Но... мазут есть мазут. Поэтому, прежде всего, надо зайти в душевую. Только после этого можно переодеться. А как же с грязной спецовкой? Раньше приходилось тащить ее домой. Хорошо, если дома есть кому постирать густо пропитанные жиром курт-

ку и брюки. А если нет? Да и почему должны страдать руки матери или жены? Так появилась в бытовом комбинате своя механическая прачечная, а за ней и починочная. Теперь не надо ничего тащить домой. Спецовка возвращается владельцу чистой, выутюженной.

То же и с обувью. Появился свой, заводской сапожник, конечно, бесплатный. Как будто мелочь — в какой обуви стоять у станка, а заводской здравпункт вскоре отметил: исчезли случаи ожогов и ушибов ног.

И еще одну услугу организовал у себя комбинат — открыл бесплатную парикмахерскую.

Теперь скажите — разве не ясна одна из важнейших причин того, почему здесь так резко выросла культура производства, почему завод стал работать по строгому суточному графику, без авралов, без спешки и гонки к концу месяца? А с прошлого года — перешел на часовую график. И каждый рабочий — все участки! — знают, что они должны сделать в этот час, что — в следующий. Ремонт цистерн, этих слоноподобных машин, по часам! Несколько лет тому назад такое могло здесь вызвать только смех...

Средняя зарплата по заводу выросла на двести рублей, за весь год отсюда уволился только один человек. Все это подготовило почву для одного очень важного события, которое произошло здесь примерно полгода тому назад, события, о котором говорил мне случайный спутник в автобусе.

Начался новый месяц, рабочие получили наряды, приступили к выполнению, а нормировщиков нигде нет. Вы люди грамотные, и администрация завода вам доверяет. Занимайтесь учетом сами.

Чудно как-то, но признаться, приятно. Может быть, к концу месяца мастер все же заглянет в нарядный лист? Но и этого не произошло. Каждый сам закрыл свой наряд и отнес в бухгалтерию для расчетов по заработной плате.

Что же это такое? Неужто, правда, доверие? А почему бы и нет?

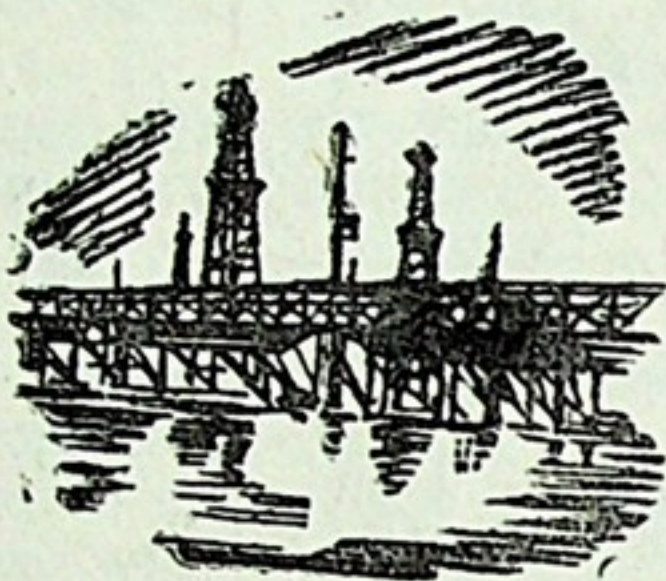
Волнение охватило весь коллектив. Решили даже провести проверку после того, как зарплата была

выдана. Нет. Никто, конечно, не приписал. Так прошел еще один месяц, и еще. А сейчас это стало уже таким привычным делом, что кажется странным — как это можно своего же товарища, рабочего, на своем заводе, подозревать в чем-то нечистом, неприглядном? Так, ведь, не бывает в семье...

Вот и все о том, что мне показа-

лось самым интересным из ^{виден-}ного и услышанного в ^{сегодняшнем} Баку. Ни фантастические города на море, ни гиганты-машины, ни прочие «газовые чудеса» не делаются сами. Их создают рабочие руки. Они же открывают вход в то самое желанное, которое лучшие люди мира издавна договорились назвать словом Коммунизм.

Ия МЕСХИ.

Технический редактор М. Соселая

Подписано к печати 15 апреля 1960 г. 6 печ. лист. + 2 вкл.

Формат бумаги 70×108^{1/16} мм.

Заказ № 69

Тираж 8.000

УЭ 01281

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

6.109/96

